

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Гомонов Н.Д., Труш В.М., Тимохов В.П.</i> Парадигма криминологии: история и современность.....	4
<i>Жабреев М.В.</i> Применение прилагательного «Русский» для обозначения национальности: исторические аспекты формирования традиции	8
<i>Ситников К.А.</i> Зарождение полицейского собаководства в Воронежской губернии в начале XX в. ...	16
<i>Суверов Е.В., Винниченко О.Ю., Величко А.М.</i> Становление советских органов внутренних дел в Туве (1944–1950)	21
<i>Чернякова С.А.</i> Цифровизация образовательной среды как способ снижения нагрузки на педагогические кадры	26

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Березкин А.С.</i> Актуальные проблемы подготовки, организации и проведения аукциона по продаже и предоставлению в аренду публичного земельного участка	31
<i>Верещагин И.О., Прасков Д.А., Ковалева М.Д.</i> Сравнительно-правовой анализ системы государственных пособий гражданам, имеющих детей в США и РФ	36
<i>Давыдов Т.В., Прасков Д.А., Ковалева М.Д.</i> Развитие правового регулирования перевода жилого помещения в нежилое	41
<i>Дойников П.И.</i> О правовом регулировании использования и охраны животных Арктики и Антарктики	44
<i>Ергалова А.А., Костина Д.С., Батулин Е.А., Пономарёв О.В.</i> Формирование института правового регулирования виртуальной собственности	50
<i>Коркин М.С., Пономарёв О.В.</i> Ограничения правового механизма защиты коммерческой тайны	54
<i>Обрашко Е.А.</i> Некоторые вопросы привлечения к налоговой ответственности и начисления пени в случае уплаты НДФЛ головной организацией.....	58
<i>Худяков П.А.</i> Правовая оценка соответствия практики применения мер налогового стимулирования IT-сектора целям и задачам государственной политики: выявление неопределенностей модели налогообложения.....	62
<i>Цедрик К.И.</i> Применение таможенными органами ареста и изъятия как мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.....	69

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.01.2023

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Чекулаев С.С., Богданов С.В., Устинова Я.С.</i> Сопоставление подходов к формированию и развитию институтов ювенальной юстиции России, КНР, Италии и Японии	72
<i>Гриднева О.В., Скачко А.В., Субхангулов Р.Р.</i> Кадровые технологии в системе трудовых правоотношений органов внутренних дел	78
<i>Кожаров М.О., Мухранов А.С., Степанова Е.К.</i> Направления развития нормативно-правового регулирующего договора финансирования под уступку денежного требования: на примере факторинга.....	85
<i>Павлова Д.А.</i> Нормативное закрепление категорий токенов и цифровых прав: гражданско-правовой аспект.....	89
<i>Экзекова Л.М.</i> Проблема правового регулирования перехода права собственности на застрахованное имущество	93

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Иванцов С.А., Рыбко М.А., Сергеев А.М., Чернышев И.А.</i> О некоторых проблемах квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа	96
<i>Квитко А.В.</i> Нарушения правовой конструкции уголовного закона при внесении изменений и дополнений: на примере экологических преступлений.....	99

<i>Крюков А.В.</i> Квалификация мошенничества при неочевидности умысла	102
<i>Лада А.А.</i> Ситуационный подход в расследовании невыплаты заработной платы	106
<i>Степанов-Егиянц В.Г., Качурова Е.С.</i> Виктимологическое обеспечение безопасности пешеходов при криминальном нарушении правил дорожного движения.....	110
<i>Крюков А.В.</i> Отличие организованной группы от преступного сообщества (преступной организации) и банды, особенности квалификации данных преступлений.....	114
<i>Ахмедов К.К., Иванцов С.А.</i> Сравнительно-правовая характеристика института усыновления в РФ и КНР	118
<i>Шушеначев А.В.</i> Правовое регулирование сбора цифровой информации с целью ее представления как доказательства в расследовании преступлений.....	122

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Зайцева Е.А., Рубан П.О., Коркин М.С.</i> Сопоставление правовых моделей регулирования института суррогатного материнства в России и странах Азиатско-Тихоокеанского региона.....	127
---	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОРЧЕСТВА

<i>Розанов А.Н., Сазонов А.А.</i> Цифровизация в российском институте права: реальность и перспективы	132
---	-----

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Gomonov N.D., Trush V.M., Timokhov V.P.</i> Paradigm of criminology: history and modernity	4
<i>Zhabreev M.V.</i> Use of the adjective "Russian" to designate nationality: historical aspects of the formation of tradition	8
<i>Sitnikov K.A.</i> The origin of police dog breeding in the Voronezh province at the beginning of the XX Century	16
<i>Suverov E.V., Vinnichenko O. Yu., Velichko A.M.</i> Formation of the Soviet internal affairs bodies in Tuva (1944–1950)	21
<i>Chernyakova S.A.</i> Digitalization of the educational environment as a way to reduce teachers' workload	26

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Berezkin A.S.</i> Actual problems of preparing, organizing and holding an auction for the sale and leasing of a public land plot	31
<i>Vereshchagin I.O., Praskov D.A., Kovaleva M.D.</i> Comparative legal analysis of the system of state benefits for citizens with children in the USA and the Russian Federation	36
<i>Davidov T.V., Praskov D.A., Kovaleva M.D.</i> Development of legal regulation of the transfer of residential premises to non-residential	41
<i>Doinikov P.I.</i> On the legal regulation of the use and protection of animals in the Arctic and Antarctic	44
<i>Ergalova A.A., Kostina D.S., Baturin E.A., Ponomarev O.V.</i> Formation of the institution of legal regulation of virtual property	50
<i>Korkin M.S., Ponomarev O.V.</i> Limitations of the legal mechanism for the protection of trade secrets	54
<i>Obrashko E.A.</i> Some issues of bringing to tax liability and accrual of penalties in case of personal income tax payment by the parent organization	58
<i>Khudiakov P.A.</i> Legal assessment of the compliance of the practice of applying tax incentives in the IT sector with the goals and objectives of state policy: identifying uncertainties in the taxation model	62
<i>Tsedrik K.I.</i> Application by the customs authorities of arrest and withdrawal as measures to ensure proceedings in cases on administrative offenses	69

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Chekulaev S.S., Bogdanov S.V., Ustinova Ya.S.</i> Comparison of approaches to the formation and development of juvenile justice institutions in Russia, China, Italy and Japan	72
---	----

<i>Gridneva O.V., Skachko A.V., Subkhangulov R.R.</i> Personnel technologies in the system of labor relations of internal affairs bodies	78
<i>Kozharov M.O., Mukhranov A.S., Stepanova E.K.</i> Directions of development of the regulatory regulation of the financing contract for the assignment of a monetary claim: by the example of factoring	85
<i>Pavlova D.A.</i> Regulatory consolidation of categories of tokens and digital rights: civil law aspect	89
<i>Ekzekova L.M.</i> The problem of legal regulation of the transfer of ownership of insured property	93

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Ivantcov S.A., Rybko M.A., Sergeev A.M., Chernyshev I.A.</i> About some problems of qualification of fraud using electronic means of payment	96
<i>Kvitko A.V.</i> Violations of the legal structure of the criminal law when making changes and additions: on the example of environmental crimes	99
<i>Kryukov A.W.</i> Qualification of fraud with non-obvious intent	102
<i>Lada A.A.</i> Situational approach in the investigation of non-payment of wages	106
<i>Stepanov-Egilyants V.G., Kachurova E.S.</i> Victimological provision of pedestrian safety in case of criminal violation of traffic rules	110
<i>Kryukov A.W.</i> The difference between an organized group and a criminal community (criminal organization) and gangs, features of the qualification of these crimes	114
<i>Akhmedov K.K., Ivantcov S.A.</i> Comparative legal characteristics of the institute of adoption in the Russian Federation and China	118
<i>Shushenachev A.V.</i> Legal regulation of the collection of digital information in order to present it as evidence in the investigation of crimes	122

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Zaitseva E.A., Ruban P.O., Korkin M.S.</i> Comparison of legal models of regulation of the institution of surrogate motherhood in Russia and the countries of the Asia-Pacific region	127
--	-----

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Rozanov A.N., Sazonov A.A.</i> Digitalization in the Russian Institute of Law: Reality and Prospects	132
---	-----

Парадигма криминологии: история и современность

Гомонов Николай Дмитриевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры юриспруденции Мурманского государственного арктического университета
E-mail: Gomonov_Nikolay@mail.ru

Труш Владимир Михайлович,

кандидат психологических наук, психолог психологической лаборатории ФКУ ИК-16 УФСИН России по Мурманской области
E-mail: krist56@mail.ru

Тимохов Виктор Петрович,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: tvp1986@yandex.ru

В данной статье авторы проводят анализ становления современной парадигмы криминологии. В частности отмечается, что ее формирование в историческом контексте характеризуется довольно сложными и противоречивыми процессами. Происходило выдвигание тех или иных детерминант преступности в качестве единственных или ведущих причин, а остальной причинный комплекс при этом, практически, игнорировался. В настоящее время криминология представляет собой зрелую науку, обогащенную значительным объемом исследовательской информации. Сущность современной криминологической парадигмы можно охарактеризовать как признание большинством ученых того, что преступное поведение детерминируется сложным сочетанием биологических, психологических и социальных факторов. Задача современных криминологов состоит в проведении анализа совокупности воздействий на личность, повышающих вероятность совершения преступления, и разработке на его основе оптимальных мер предупреждения.

Ключевые слова: парадигма криминологии, детерминанты преступности, криминологические теории, классическая школа, криминологический позитивизм, предупреждение преступности.

Криминология занимается разработкой и верификацией теорий, объясняющих преступное поведение, изучает условия формирования и применения уголовных законов, а также исследует работу системы предупреждения преступности. Корни современной криминологии можно найти в трудах социальных философов. Так, John Locke и Jean-Jacques Rousseau утверждали, что существование общества возможно, потому что мы все заключаем «общественный договор», в котором решаем отказаться от части нашей свободы действовать в собственных интересах ради привилегии жить в обществе. Что же происходит с теми, кто не заключает или решает нарушить этот завет? Как общество обеспечивает соблюдение контракта, в том числе, наказывая тех, кто его нарушает?[1] Следовательно, возникает вопрос о сущности криминологической парадигмы и характере ее изменений в историческом контексте. Под научной парадигмой мы понимаем принятую научным сообществом модель рациональной научной деятельности [2].

Классическая школа криминологии (Cesare Beccaria, Jeremy Bentham) зародилась как попытка навести порядок и разумность в обеспечении соблюдения общественного договора. Cesare Beccaria в своей книге «О преступлениях и наказаниях» [3] призывал к системе правосудия, которая определяла бы соответствующую сумму наказания за нарушение как ту, которая необходима для противодействия удовольствию и извлечению выгоды из зла. Предполагалось, что это изменит баланс в расчете затрат и выгод и, вполне вероятно, предотвратит некоторые преступления.

Труды Jeremy Bentham [4] заложили философскую основу пенитенциарного предупреждения, которое ввело новую форму наказания – тюремное заключение. Полагая, что обладают способностью решить, какое наказание подходит какому преступлению, криминологи классической школы считали, что профилактику можно оптимизировать, избегая ущерба для общественной легитимности сурового и чрезмерного наказания.

В их трактатах, призывающих к реформированию того, как общество наказывает нарушителей правил, мы видим первые попытки объяснить два ключевых вопроса криминологии: почему люди совершают преступления? Как общество пытается контролировать преступность? Ответ классической школы криминологии на первый вопрос состоит в том, что люди действуют рационально,

и когда выгода от нарушения законов перевешивает издержки, они, вероятно, решат нарушить эти законы. Их ответ на второй вопрос – предупреждение. Применение санкций было призвано удерживать преступников от совершения преступлений в будущем и в то же время дать понять правопопулярным гражданам, что преступление не окупается. Таким образом, мы можем констатировать, что классическая школа криминологии демонстрирует преимущественно социологический подход к изучению и предупреждению преступности.

В середине девятнадцатого века научные исследования человеческого поведения обратились к вопросу о том, почему некоторые люди нарушают закон. Ученые считали, что человеческое поведение не является продуктом выбора или индивидуальной свободы воли. Они утверждали, что поведение было продуктом сил, неподконтрольных человеку. Криминологи-позитивисты считали, что многие преступления могут быть связаны с биологическими источниками. Так, Franz Josef Gall, известный нейроанатом и физиолог, проведя исследования осужденных, задолго до появления работ Cesare Lombroso пришел к выводу о том, что наблюдаемые им физические признаки, такие, как черепные деформации и выпуклости, могут быть использованы для идентификации «прирожденных преступников» [5, с. 275–321].

Cesare Lombroso и его ученики Enrico Ferri и Raffaele Garofalo также разделяли идею о том, что некоторые из преступников были рождены с «уголовными конституциями», но они также говорили о том, что социальные силы являются дополнительным источником преступной причинности. Эти ранние позитивисты были критиками классической школы. В 1900 году Enrico Ferri прочитал серию лекций, в которых критиковал политику социального контроля, основанную на классической и неоклассической теории. Для нас представляет несомненный интерес то обстоятельство, что точка зрения ученых конца девятнадцатого века мало отличается от сегодняшних научных дебатов о наиболее эффективных средствах борьбы с преступностью.

Основными альтернативами назывались стратегии сдерживания, предполагавшие, что потенциальных преступников можно запугать до состояния соблюдения ими закона, по сравнению со стратегиями, которые сокращали бы количество правонарушений за счет устранения коренных причин преступности. Сегодня мы знаем о преступности и преступниках гораздо больше, чем знали криминологи конца девятнадцатого и начала двадцатого века, но мы продолжаем те же научные споры.

Мы наблюдаем противопоставление тех, кто поддерживает теории рационального выбора преступности (теории контроля и сдерживания являются наиболее популярными версиями) и поддерживающих «позитивистские» теории. Конечно, содержание современной позитивистской криминологии значительно отличается от теорий Franz Josef Gall и Cesare Lombroso. Современные кримино-

логи не объясняют поведение, нарушающее закон, с помощью формы головы и тела. Тем не менее, есть еще исследователи, которые утверждают, что биологические черты могут объяснить преступное поведение [6], и много тех, кто сосредоточивается на психологических характеристиках преступников [7; 8; 9]. Следует отметить, что мы, авторы настоящей статьи, проводим свои исследования, изучая как раз психологические причины преступного поведения.

К сожалению, большинство современных криминологов находятся на социологических позициях, которые называют первичными причинами преступности недостатки социальных структур и культуры.

Что общего у современных позитивистов со своими предшественниками? Нам представляется, что это убеждение в том, что человеческое поведение, включая преступность, не является просто следствием индивидуального выбора. Поведение определяется сложным сочетанием биологических, психологических и социальных детерминант. Задача современных криминологов-позитивистов состоит в том, чтобы распутать комбинацию воздействий, которые повышают вероятность совершения преступлений.

Сегодня сущность криминологической парадигмы раскрывается в ответах на три вопроса: какова природа преступности? Как мы объясняем преступление? Каковы последствия попыток общества контролировать преступность? Ответы на эти вопросы существенно различаются. Например, на первый вопрос о природе преступления, можно ответить, исследуя характеристики людей, совершающих преступления. В качестве альтернативы можно оспорить само определение того, что такое преступление и, следовательно, само понятие «преступник». Пытаясь ответить на этот вопрос, некоторые криминологи обращают внимание на уровень преступности. Но, конечно, даже на этот вопрос сложно ответить, потому что существует множество способов подсчета преступлений, каждый из которых предлагает разные, а иногда и противоречивые ответы.

Какова природа преступления? Простое определение преступления может быть проблематичным. Мы можем легко дать определение преступлению юридически: преступление – это нарушение уголовного закона. Простота этого определения – его достоинство, но также и его слабость. С положительной стороны, юридическое определение четко определяет, что будет считаться преступлением – действия, определенные государством как нарушение норм уголовного закона. Однако не так ясно, кого будут определять как преступника. Следует считать преступниками тех, кто нарушает закон, но не арестован? А как быть с теми, кто арестован, но не осужден?

Некоторые криминологи утверждают, что даже действие, которое может показаться преступным, нельзя назвать преступлением, пока этому действию не будет дана юридическая оценка. Как мы

можем узнать, является ли преступление преступлением, если намерение преступника не оценивалось? В англо-американском законодательстве преступное деяние, совершенное без преступного намерения, не считается преступным. Критики юридического определения преступления утверждают, что это слишком ограниченная концепция, которая, фактически, усекает криминологическое исследование. Юридическое определение преступления предполагает его государственное определение в рамках закона.

Криминологи утверждают, что мы должны задавать вопросы о прагматизме закона, например о том, чьи интересы защищаются путем определения конкретного поведения как незаконного [10; 11, с. 149–170]. Подобные вопросы, как правило, игнорируются, если мы безоговорочно принимаем юридическое определение. Действительно, конкретное используемое определение влияет на круг вопросов, задаваемых криминологами. Использование юридического определения способствует появлению у криминологов следующих вопросов: «Сколько преступлений совершается?» «Кто их совершает» «Почему некоторые люди становятся преступниками?» Если в центре внимания более широкая концепция преступления, адресованная как разработчикам правил, так и нарушителям правил, то возникнут другие вопросы: «Откуда является закон?», «Почему одни оскорбительные действия считаются преступлениями, а другие – нет?» «Чьим интересам служат законы?» и т.д.

Мы далеки от мысли о том, что споры в сфере криминологической науки в ближайшее время прекратятся. Тем не менее, исследователи должны понимать, что используемое ими определение преступления будет иметь важные последствия для характера разрешения вопросов, которые они задают, типов данных, которые они будут использовать для изучения преступности, а также видов объяснений и теорий, которые они будут применять для понимания преступности и преступного поведения.

Как изучается преступность? Сделав выбор в отношении определений, криминологи затем сталкиваются с массой данных и методологий, которые могут быть использованы при решении криминологических вопросов. Спектр используемых данных и методологические подходы должны определяться дефиницией преступления и ведущим вопросом исследования. Некоторые очень интересные исследовательские задачи требуют анализа количественных данных, в то время как другие требуют, чтобы исследователь использовал качественные подходы для изучения преступности или процесса уголовного правосудия. Например, если кто-то пытается описать социально-демографические характеристики преступников, то можно использовать один из нескольких способов подсчета преступлений и лиц, которые ими занимаются. С другой стороны, если интересоваться источником и природой организованной преступности, то явно более подходящим методом будет

проведение работ в рамках включенного наблюдения, «изнутри» изучая детерминацию исследуемого явления [12, с. 121–131].

Формирование криминологической парадигмы в историческом контексте характеризуется довольно сложным процессом ее становления. Происходило поочередное выдвигание тех или иных детерминант преступности на первый план в качестве единственных или ведущих причин, а остальной причинный комплекс при этом, практически, игнорировался. Сегодня криминология представляет собой зрелую науку, обогащенную значительным объемом проведенных исследований. И сущность современной криминологической парадигмы можно охарактеризовать как признание того, что преступное поведение детерминируется сложным сочетанием биологических, психологических и социальных факторов. Вопрос о превалировании типа детерминации при совершении преступления должен решаться в каждом конкретном случае. Поэтому задача современных криминологов состоит в проведении анализа комбинации воздействий на личность, повышающих вероятность совершения преступления, для выработки наиболее оптимальных мер предупреждения.

Литература

1. Foucault, M. (2012). *Discipline and punish: The birth of the prison*. Vintage.
2. Парадигма // Википедия. [2021]. Дата обновления: 23.11.2021. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=14735&oldid=118068119> (дата обращения: 13.09.2022).
3. Beccaria, Cesare (1963) (Originally published in 1764) *On Crimes and Punishments*. Translated by Henry Paolucci. Indianapolis, Ind.: Bobbs-Merrill.
4. Bentham, Jeremy (1970) (Originally published in 1765) *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. London: Athlone Press.
5. Темкин, О. Галл и френологическое движение / О. Темкин // Бюллетень истории медицины. Том 21. – № 3 (май-июнь 1947 г.). – С. 275–321.
6. Wilson, James Q., and Richard Herrnstein (1985) *Crime and Human Nature*. New York: Simon and Schuster.
7. Гомонов, Н.Д. Криминологические аспекты криминальной агрессии / Н.Д. Гомонов, В.М. Труш, П.П. Пирогов, В.П. Тимохов // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 8. – С. 147–155.
8. Гомонов, Н.Д. Стратификация и маргинализация общества: анализ криминогенных особенностей / Н.Д. Гомонов // Научный портал МВД России / ВНИИ МВД России. М.: ВНИИ МВД России. – 2015,– № 1 (29). – С. 38–44.
9. Труш, В.М. Выявление криминогенности личности: гуманитарно-лингвокультурологический и лингвокультурологический подходы / В.М. Труш, Н.Д. Гомонов, В.П. Тимохов // Юридическая наука. – 2020. – № 6. – С. 80–86.

10. Quinney, Richard (1974) *Critique of the Legal Order: Crime Control in a Capitalist Society*. Boston: Little, Brown.
11. Chambliss, William J. (1975) 'Toward a Political Economy of Crime. *Theory and Society* 2: 149–170.
12. Chambliss, William J. (1978) *On the Take: From Petty Crooks to Presidents* (Vol. 298). Bloomington: Indiana University Press.

PARADIGM OF CRIMINOLOGY: HISTORY AND MODERNITY

Gomonov N.D., Trush V.M., Timokhov V.P.

Murmansk State Arctic University; Russian Federal Penitentiary Service in Murmansk region; Ryazan branch of the Moscow Ministry of Internal Affairs University named after V.Y. Kikot

In this article, the authors analyze the formation of the modern paradigm of criminology. In particular, it is noted that its formation in the historical context is characterized by rather complex and contradictory processes. Certain determinants of crime were put forward as the only or leading causes, while the rest of the causal complex was practically ignored. Currently, criminology is a mature science, enriched with a significant amount of research information. The essence of the modern criminological paradigm can be characterized as the recognition by most scientists that criminal behavior is determined by a complex combination of biological, psychological and social factors. The task of modern criminologists is to analyze the totality of influences on a person that increase the likelihood of committing a crime, and to develop optimal preventive measures based on it.

Keywords: paradigm of criminology, determinants of crime, criminological theories, classical school, criminological positivism, crime prevention.

References

1. Foucault, M. (2012). *Discipline and punish: The birth of the prison*. vintage.
2. Paradigm // Wikipedia. [2021]. Update date: 11/23/2021. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=14735&oldid=118068119> (date of access: 09/13/2022).
3. Beccaria, Cesare (1963) (Originally published in 1764) *On Crimes and Punishments*. Translated by Henry Paolucci. Indianapolis, Ind.: Bobbs-Merrill.
4. Bentham, Jeremy (1970) (Originally published in 1765) *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. London: Athlone Press.
5. Temkin, O. Gall and the phrenological movement / O. Temkin // *Bulletin of the history of medicine*. Volume 21. – No. 3 (May-June 1947). – S. 275–321.
6. Wilson, James Q., and Richard Herrnstein (1985) *Crime and Human Nature*. New York: Simon and Schuster.
7. Gomonov, N.D. Criminological aspects of criminal aggression / N.D. Gomonov, V.M. Trush, P.P. Pirogov, V.P. Timokhov // *Legal science: history and modernity*. – 2019. – No. 8. – S. 147–155.
8. Gomonov, N.D. Stratification and marginalization of society: analysis of criminogenic features / N.D. Gomonov // *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia / VNII of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. M.: VNII MIA of Russia. – 2015, – No. 1 (29). – S. 38–44.
9. Trush, V. M., Gomonov N.D., Timokhov V.P. Identification of the criminality of a person: human-structural and linguo-culturological approaches // *Legal Science*. – 2020. – No. 6. – S. 80–86.
10. Quinney, Richard (1974) *Critique of the Legal Order: Crime Control in a Capitalist Society*. Boston: Little, Brown.
11. Chambliss, William J. (1975) 'Toward a Political Economy of Crime. *Theory and Society* 2: 149–170.
12. Chambliss, William J. (1978) *On the Take: From Petty Crooks to Presidents* (Vol. 298). Bloomington: Indiana University Press.

Применение прилагательного «Русский» для обозначения национальности: исторические аспекты формирования традиции

Жабреев Михаил Владимирович,

заместитель первого проректора, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: m.v.zhabreev@yandex.ru

Цель настоящего исследования: проанализировать исторические традиции обозначения национальности «русский» посредством прилагательного. Методики: анализ исторических источников, синтез, индукция, дедукция, анализ специальной литературы. В результате сделаны следующие выводы. Как у римлян, так и у греков имя, отражающее принадлежность к родовой общине, всегда записывалось и произносилось в форме прилагательного. Специально обратим внимание, что подлинным именем мужчины являлось *nomen gentile*. При этом люди, являющиеся на Руси потомками Руса, обозначалась как «русский». По мере социального развития обозначение «Русский» перешло к племенному союзу, затем – определило национальную принадлежность всех подданных российского государства. В настоящее время национальность «русский» подтверждает принадлежность к русскому миру, русской цивилизации, русской культуре и лишь гипотетически – к мужскому роду, к своему первопредку-родоначальнику по мужской линии – Русу. Сделанные выводы могут быть использованы как преподавателями истории в школах/вузах, так и иными исследователями при написании научных работ.

Ключевые слова: титулатура, официальное имя римского гражданина, личное имя, родовое имя, отчество, прозвище, мужские союзы, патриции, плебеи, Рус, рус, русин, великоросс, россиянин, национальность, русский.

За последние десятилетия автору данной статьи приходилось неоднократно знакомиться в средствах массовой информации и интернете с рассуждениями о причине отличия слова, отражающего национальность «русский», от подобных слов, отражающих национальность граждан большинства других стран.

В большинстве современных языков самоназвание национальности своего народа обозначается преимущественно именами существительными, причем как на собственном языке этого народа, так и в переводе на русский язык. Так, житель Японии с точки зрения своей национальности именует себя японец, житель Польши – поляк, житель Мексики – мексиканец, житель Венгрии – венгр, житель Индии – индеец и т.д. Всех их объединяет то, что название их принадлежности к национальности обозначается словом существительным. Со всем другим подход мы имеем в отношении большей части жителей России, национальность которых обозначается в русском языке словом «русский», являющееся прилагательным. Почему же так случилось?

Чтобы разобраться в данном вопросе, первоначально необходимо разделить обозначение принадлежности человека к государству, материку и к его национальности. Принадлежность лица к государству или материку обозначается его названием или самоназванием, в основе которых лежит название государства или материка местонахождения. Например, США, где все жители называют себя американцами, что говорит об их принадлежности к США, либо к более широкому понятию – северному американскому материку. То же самое мы можем сказать, например, в отношении австралийцев, которых все так называют по причине их местонахождения на материке Австралия или в государстве, имеющим название Австралийский Союз. Эти названия обозначаются словом существительным и никак не отражают национальность человека, которая зависит не от государственной или материковой принадлежности, а от принадлежности к своему роду-племени (народу), где в основе всегда лежит кровное родство. Обозначение принадлежности группы лиц к определенной территории (например, материку) обозначается словом население, к государству – граждане или подданные. Если говорить о национальной принадлежности людей, проживающих на территории современных США или Австралийского Союза, то это будут сотни видов национальностей, являющихся коренными жителями или приехавшими со всего мира людьми для постоянного местожительства в эти страны.

Отделив обозначения людей, отражающих принадлежность к государству и материку, оставимся на общепринятых в современном мире названиях национальностей. Эта группа слов в большинстве своем одновременно отражает название национальности человека и его принадлежность к государству. Например, мексиканец, индеец, финн, словенец, чех, поляк, венгр, узбек, таджик, японец и т.п., где название страны и обыденного понимания национальной принадлежности совпадают. И эти названия также обозначаются словом существительным.

Чтобы понять, почему национальную принадлежность большинства жителей России обозначают прилагательным словом «русский», необходимо обратиться к истокам появления в древнейших социальных образованиях обозначений отдельных людей, позволяющих выделить их из себе подобных членов этого сообщества. Этот подход основан на исторических традициях образования имен в древнейшие времена, который мы рассмотрим на примере формирования имени гражданина древнеримской общины.

Полное официальное имя (большая титулатура) римского гражданина (мужчины) состояло из нескольких имен, произносимых и записываемых в строгой очередности: *praenomen*, *nomen gentile*, *nomen pater*, *nomen tribus*, *cognomen*, *agnomen*.

Для уяснения порядка появления и формирования полного официального имени римского гражданина проанализируем состав такого имени на примере большой титулатуры Цицерона: *Marcus Tullius Marcus filius Marcus nepos Cornelia Cicero*, где:

- *Marcus* – *praenomen* (личное прозвание);
- *Tullius* – *nomen gentile* (имя, отражающее принадлежность к родовой общине);
- *Marcus filius* – *nomen pater* (имя, указывающее отца);
- *Marcus nepos* – *nomen avi* (имя, указывающее деда);
- *Cornelia* – *nomen tribus* (имя, отражающее принадлежность к трибе);
- *Cicero* – *cognomen* (имя, отражающее личное прозвище).

Праеномен – личное прозвание

Первоначально *praenomen* являлось единственным именем у всех мужчин индоевропейских народов. Древнейшая из известных нам надписей на древнелатинском языке, сделанная на золотой застёжке в конце VII века до н.э., использует для обозначения человека только одно *praenomen*: «*Manios med faked Numasioi*», что в переводе означает «Маний сделал меня (застёжку – М.Ж.) для Нумасия» [26, с. 123–146].

Со времени формирования древнеримской общины *praenomen* сохраняется в качестве личного прозвания римского гражданина, используемого при обращении в кругу своей семьи и родовой общины. Данное прозвание состояло из двух по-

следовательно получаемых личных имен. Первое такое имя мальчик получал на 9-й день своего рождения и пользовался им до своего совершеннолетия. Взрослое личное имя присваивалось мужчине в день его совершеннолетия, которое сопровождалось публичным снятием детской одежды и облачением его во взрослую мужскую тогу.

Цицерон прошел процедуру вступления в совершеннолетие в шестнадцатилетнем возрасте и получил взрослое личное имя *Marcus*. Примеры других римских личных имен: *Agrippa* в родовой общине *Furri*, *Paullus* в родовой общине *Aemilii*, *Proculus* в родовой общине *Verginii*, *Volero* в родовой общине *Publilii* [15, с. 376–377].

Nomen gentile – имя, отражающее принадлежность к родовой общине

Nomen gentile являлось именем родовой общины, в которую входил древний римлянин. Чем обусловлено появление этого имени мужчины? Ответ лежит в появлении мужских родовых общин, и, как следствие, в переходе происхождения рода из женской линии в мужскую. Согласно мнению большинства исследователей, первичными социальными образованиями древности являлись женские родовые общины [12, с. 50]. Воины-мужчины женских родовых общин, объединивших в военизированные отряды (мужские союзы), «путем применения террористических средств, запугивания населения и, подавляя силой всякие попытки протеста» [24, с. 322] постепенно захватили власть в женских родовых общинах, поставив во главе родовых общин своих самых авторитетных и сильных воинов, власть которых была основана, прежде всего, на их превосходстве в боевых навыках и физической силе. Мужские союзы воинов-мужчин выступили одним «из важнейших рычагов ниспровержения материнского рода и установления господства мужчины в семье и обществе.» [24, с. 322].

Чтобы сохранить главенство в родовой общине, а также иметь возможность передавать своим сыновьям наследство [12, с. 39, 201, 203] и власть, воину-мужчине, захватившему власть в общине, потребовалось перевести происхождение рода из женской линии в мужскую. Такой перевод возможен только при определении первоначально рода лица мужского пола, являющегося предком мужчины-узурпатора власти в родовой общине. А так как в женской родовой общине родство было известно только по женской линии, то у мужчин в принципе невозможно было определить их старшего родственника по мужской линии.

Здесь потребовалась фиктивная конструкция, с помощью которой нужно было «придумать» героического родственника (первопредка-родоначальника) для нового главы общины с последующим присвоением родовой общине имени этого отца рода (*pater gentis*) [22, с. 9, 92], [12, с. 41, 197–198]. Как указывает об этом И.В. Нетушил: «Внешним признаком принадлежности к одному роду служило общее родовое имя (*nomen gentile*

или просто *nomen*), образовавшееся по большей части от личного имени (*praenomen*) первопретка.» [15, с. 32–33]. Именно в таком порядке мужчина-узурпатор власти в родовой общине становится главой вновь возникшего мужского рода. А.Ф. Лосев характеризует глав, появившихся мужских родовых общин следующим образом: «Это сделало мужчину из третьестепенного участника общины главой рода или племени.» [9, с. 85].

Для мужчины-узурпатора власти в родовой общине через фикцию определялся героический обоготворенный предок [11, с. 59], [12, с. 133, 135], предок-эпоним мужского пола [12, с. 163], имя которого получал вновь формирующийся мужской род (*nomen gentilicium*) [13, с. 22], [15, с. 376–377], [19, с. 11], [12, с. 163], [17, с. 125–126], а вместе с ним и обязательный для соблюдения всеми его членами новый родовой культ (*sacra gentilicia*) [14, с. 5], [5, с. 232], [13, с. 22], [7, с. 83], [15, с. 33], [2, с. 68], [1, с. 23], [29, с. 21–22].

Специально обратим внимание на время появления родовых имен: родовые имена в древнейших обществах появляются не ранее возникновения мужских родовых общин. Как сообщает об этом Л. Морган: «У дикарских и варварских племен не существует семейных (родовых – М.Ж.) имен. Личные имена членов одной и той же семьи не указывают на их семейную связь.» [12, с. 47].

Как отмечает Л. Морган: «После того как счет происхождения перешел в мужскую линию, древние имена родов, которые, весьма вероятно, были заимствованы от названий животных или неодушевленных предметов, уступили свое место личным именам. Какой-нибудь выдающийся в истории человек становился предком-эпонимом.» [12, с. 169]. Ф. Куланж указывает нам, что «*Nomen* было тем именем предка, которое были обязаны носить все потомки и члены рода. . . . Имя предка было первое, усвоенное по времени, и первое по важности.» [7, с. 88]. Фест говорит об этом же следующее: «Членами рода называются имеющие общее происхождение и называющиеся одним и тем же именем.» [12, с. 162]. Л. Морган пишет: «Все сыновья и дочери, рожденные от членов рода мужского пола, были членами рода и по праву носили родовое имя.» [12, с. 169].

Тем самым уже по появившемуся родовому имени общины можно было четко отграничить мужские родовые общины от женских, правящие патрицианские (мужские) родовые общины от подвластных родов. Как пишет С.А. Муромцев: «Общее имя, принадлежавшее сородичам, служило внешним признаком их связи. Оно наследовалось в мужском поколении и приобреталось чужеродцами посредством усыновления их в свой род.» [13, с. 22]. Цицерон указывает нам, что «Члены (мужского – М.Ж.) рода суть те, которые носят одно и то же имя.» [12, с. 162].

Так возник патриархат, так появились патрицианские роды. Исходя из наименования этих родов, мы видим, что в основе каждого рода есть первопреток-отец (*pater*) [11, с. 59], а все члены тако-

го рода являлись патрициями (*patricii*), то есть сыновьями знатного отца [2, с. 68]. Ливий указывает нам, что «*gentes* первоначально были исключительно патрицианским учреждением» [15, с. 34]. Как пишет И.В. Нетушил: «Термин *patricii* выражал, следовательно, прежде всего общую бытовую противоположность к плебейам, признававшим первоначально, по всей вероятности, родство в женской линии.» [15, с. 35]. И далее, «Согласно с этим объясняется и высоко-почетное значение слова *patres* как обозначения глав благородных семейств. *Patres* суть, следовательно, те представители правящего благородного класса, которые в данное время находятся в положении действительных отцов семейств (*patres familiarum*) и которые в своей совокупности, в древнейшие времена, составляли единственно правоспособных членов народного собрания (*populus*).» [15, с. 36].

Как записывалось и произносилось *nomen gentile*? Как у римлян, так и у греков имя, отражающее принадлежность к родовой общине, всегда записывалось и произносилось в форме прилагательного [11, с. 25]. Например, слово, обозначающее название рода у римлян в царский и республиканский периоды, всегда оканчивалось на *-is* и *-i* (например, *Caecilis*, *Caecili*), а в императорскую эпоху – на *-ius* (например, *Caecilius*) [27, с. 87], точно так же, как слово, обозначающее название рода у греков, обыкновенно оканчивалось на *-αδης* или *-αδης*, что также характерно для окончаний слов прилагательных [7, с. 88]. Вот примеры таких прилагательных для римских родовых имен: «Когда римляне говорили: «Публий Корнелий» или «Квинт Гораций», то все знали, что Публий происходит из рода Корнелиев, а Квинт из рода Горациев.» [4, с. 12].

Обратим внимание, как показывают научные исследования индоевропейских языков, в латинском языке (как и в других индоевропейских языках) существительное и прилагательное с древнейших времен были дифференцированы [25, с. 21], что позволяет исключить вариант обозначения родового имени в качестве прилагательного появлением прилагательных как новой части речи.

У Цицерона эта часть титулатуры записывалась следующим образом: *Tullius* (написание и произношение на русском языке – Туллий). Написание родового принадлежности Цицерона в форме прилагательного говорит о том, что он «прилагается» или «принадлежит» к роду Туллия. Поэтому официальная запись и звучание родового принадлежности Цицерона обозначается прилагательным словом, образуемым посредством суффикса *-ius*, то есть «*Tullius*». Поэтому на вопрос о принадлежности к роду Цицерон мог ответить также только прилагательным словом «*Tullius*» (Туллий).

***Nomen pater* и *nomen avi* – имена, указывающие отца и деда**

Nomen pater обозначалось при помощи личного имени отца (*praenomen*) в соединении с буквой *f*,

как первая буква слова «сын» (*filius*). *Nomen avi* обозначалось при помощи личного имени деда (*praepomen*) в соединении с буквой *n*, как первая буква слова «внук» (*peros*). У Цицерона эта часть титулатуры записывалась следующим образом: *Marcus f.* (*Marcus* сын), *Marcus n.* (*Marcus* внук).

Чем обусловлено появление этой части имени мужчины? Ответ тот же, что и относительно родового имени. Отчество имели мужчины только тех родовых общин, где родство передавалось по мужской линии. В Древнем Риме только патриции имели право «указывать отца». Поэтому в полное имя мужчин мужских родовых общин была включена часть имени, отражающая имя отца, а чуть позднее – деда.

Как пишет И.В. Нетушил: «Значение, которым пользуется отчество у индоевропейцев (и семитов), в своем основании коренится в понятии о превосходстве мужской линии, усвоенном этими народами.» [15, с. 35]. Этим они отличались от плебеев, у которых родство передавалось по женской линии и, соответственно, отчества отсутствовали. Об этом же говорит Ливий: «указание отца или отчество в древнейшее время оказывалась отличительным и притом почетным титулом правящего класса, указывая на чистокровное благородство его членов, удостоверяемое записями в куриях» [15, с. 35].

Специально отметим, что народ, называющий себя «русскими», наряду с еще несколькими нациями, сохранил указанную древнейшую традицию и имеет в своем полном имени указание на отчество, производное от имени своего отца, что показывает на их принадлежность к мужской родовой общине.

Nomen tribus – имя, отражающее принадлежность к трибе

Nomen tribus показывало принадлежность мужчины к трибе и указывалось в сокращенном виде первыми тремя буквами названия трибы. Например, *AEM* (из трибы *Aemilia*), *CLA* (из трибы *Claudia*), *FAB* (из трибы *Fabia*). У Цицерона эта часть титулатуры записывалась следующим образом: *COR* (из трибы *Cornelia*).

Нахождение *nomen tribus* на предпоследнем месте титулатуры говорит о том, что эта часть имени появилось у римлян только с момента появления первых римских триб, чтобы показать принадлежность гражданина Рима к определенной трибе.

Cognomen – имя, отражающее личное прозвище

Cognomen возникало либо из случайных обстоятельств, в которых мужчина проявлял себя определенным образом (силач, храбрец, болтун, вран, трус, жестокий, хохмач, честный и т.д.), либо характеризовало его по отличительным особенностям, включая недостатки (левша, обжора, толстяк, великан, худоба, хромоножка, малой, лысый, рыжий, остроносый и т.д.). Например, как указывает Плутарх, Цицерон первый в своем роду получил прозвище

«*cicero*» (горошина) из-за формы своего носа, напоминающего горошину. У Цицерона кончик носа был широкий и приплюснутый с бороздкой посередине как на горошине [18, с. 3].

Большие родовые общины с течением времени дробились на более мелкие, причем к общему родовому имени стали присоединять особые прозвания для новых семей внутри единого рода [27, с. 88], [15, с. 33] с передачей этого прозвища по наследству по мужской линии [7, с. 88]. Особенно важна была передача по наследству почетных прозвищ, даваемые народом, войском или сенатом, выдающимся мужчинам за их великие деяния [15, с. 377–378].

Официально прозвища вошли в состав полного имени римского гражданина во времена Суллы (I век до н.э.), что объясняет нахождение прозвища в конце титулатуры. Когда в древнейших и очень крупных родовых общинах даже *согнотен* не позволяло выделить по имени множество новых появляющихся семей, возникла необходимость в появлении вторых прозвищ, именуемых *agnomen* [27, с. 88], которые также стали включаться в полное имя римского гражданина.

В качестве примера приведем Россию начала XX века, граждане которой имели фамильные и родовые прозвища, позволяющие отличать одну фамилию или род от других. Так, например, пункт 1 Декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 04.03.1918 «О праве граждан изменять свои фамилии и прозвища» закрепил право каждого гражданина «по достижении им восемнадцатилетнего возраста, изменять фамильное или родовое прозвище свободно, по его желанию, поскольку этим не затрагиваются права третьих лиц, обеспеченные специальными узаконениями» [30].

Еще раз приведем полное официальное имя (большую титулатуру) Цицерона: *Marcus Tullius M. f. M. n. COR. Cicero*. Где *Marcus* (личное имя), *Tullius* (из рода *Tullius*), *Marcus f.* (*Marcus* сын), *Marcus n.* (*Marcus* внук), *COR* (из трибы *Cornelia*), *Cicero* (Горошина). На русском языке полное официальное имя Цицерона звучит следующим образом: Марк Туллий Марка сын Марка внук Корнелия Цицерон.

Малая титулатура состояла из трех имен: *praepomen*, *nomen gentile*, *cognomen*. Например, у Цицерона она записывается следующим образом: *Marcus Tullius Cicero* (Марк Туллий Цицерон).

Специально обратим внимание, что подлинным именем мужчины являлось *nomen gentile*, которое одновременно являлось названием целого рода [7, с. 88]. Именно это имя являлось самым главным и важным в древнейшие времена [11, с. 25]. Все остальные имена и прозвища лишь конкретизировали и дополняли основное имя. Например, *praepomen* в буквальном переводе с древнелатинского языка означает даже не личное имя, а пред имя [3, с. 265]. Это говорит об особой важности показать принадлежность мужчины именно к своей мужской родовой общине, а все остальные имена и прозвища лишь дополняли эту принадлежность. Л. Морган пишет: «Как при обычном, так и при официаль-

ном приветствии люди обращаются друг к другу, произнося название родства, но никак не личное имя; благодаря этому ... путем постоянного упоминания сохранялась память о родственных отношениях между самыми отдаленными родственниками.» [12, с. 219].

Следует отметить, что большая часть *praepomen*, *praepomen gentile* и *soepomen* у возникающих римских (латинских) родов и их членов имеет этрусское происхождение. Например, имена, отражающие принадлежность к родовой общине, имеют этрусское происхождение: *Aulus*, *Atilius*, *Popilius*, *Sisenna*, *Caecina* [25, с. 38], [26, с. 122–123]. Данное обстоятельство говорит о достаточно большом политическом, экономическом и культурном влиянии этрусов на возникающие латинские родовые общины, что видно из желания латинян использовать этрусские имена для обозначения своих членов и определения названий для своих родовых общин, что в свою очередь позволяет говорить о желании латинских мужских родовых общин иметь в качестве своих предков этрусских героев или богов. Точно такие же титулатуры имело большинство италийских родовых общин не латинского происхождения [15, с. 378], что говорит о едином этрусском источнике появления этой традиции на Апеннинском полуострове, используемой большинством родовых общин в качестве подражания.

Аналогичную титулатуру имели граждане греческих полисов [7, с. 88]. Если посмотреть на родовые имена Древнего Востока, то мы увидим точно такой же подход. Например, известный всем завоеватель Тамерлан имел следующее официальное имя – Тимур Барлас ибн Тарагай. Что это значит? Тоже, что у римлян и греков. Тимур – личное имя, Барлас означает, что Тимур принадлежит к родовой общине Барлас, ибн Тарагай означает, что он сын Тарагая. А связи с тем, что Тимур во взрослом возрасте вследствие ранения стал хромать на одну ногу, то у него появилось прозвище Хромой (*Lenk*). Впоследствии, личное имя Тимур и его прозвище Хромой сначала начали использоваться вместе как «Тимур-Ленк» (*Timur-Lenk*), а затем вообще слились в одно имя Тимурлан, а позднее – Тамерлан (*Tamerlan*, *Tamerlane*, *Tamburlaine*).

Относительно имен женщин укажем, что женщины не имели официальных имен (титулатуру) римского гражданина. Замужние женщины обозначались родовым именем родовой общины мужа в соединении с именем мужа в родительном падеже, а незамужние девушки или женщины обозначались родовым именем родовой общины отца в соединении с именем отца в родительном падеже. При домашнем обращении использовались их личные имена [15, с. 379].

Возвращаясь к началу нашего исследования и основываясь на вышерассмотренном материале, объясним историческую традицию написания родового прилагательного, а в последующем, национальности «русский» через прилагательное.

Всем исследователям древних летописей известно о наличии в этих летописях сведений о ле-

гендарных основателях целых народов [10, с. 59–60]. Например, о пяти братьях-основателях новых родов-народов сказано следующее: «Начальницы же тогда родители их князюху единого отца сынове пяточислении кровницы, им же имена: Словен, Рус, Болгар, Коман, Истер. И в лето от сотворения света 3099 Словен и Рус с роды своими отличашася от Ексинопонта, и идоша от роду своего и от братии своея, и хождяху по странам вселенныя, яко острокрылаты орли прелетаху сквозе пустыня многи, идуще себе на вселение места благопотребна. И во многих местех почиваху, мечтающе, но нигде же тогда обретше вселения по сердцу своему. И старейший, Словен, с родом своим и со всеми, иже под рукою его, седе на реце, зовомей тогда Мутная. Начало Словенску граду проименовася. Другий же брат Словенов Рус вселися на месте некоем разстояннем Словенска Великаго, яко стадий 50 у соленого студенца, и созда град между двема рекама, и нарече его во имя свое Руса. И от того времени по имянном князей своих и градов их начахуся звати людие сии Словяне и Руси.» [21].

Обратим внимание на последнее предложение процитированного текста летописи. В нем указано, в частности, что по именам своих князей Словена и Руса стали называться, входящие в их окружение люди, а, именно, Словене и Руси. Таким образом, Словен и Рус стали первопредками-родоначальниками своих вновь возникших родов, личным именем которых и стали называться их мужские родовые общины.

Через полторы тысячи лет точно такой же подход к определению названий для своих мужских родовых общин использовали древние греки, а чуть позже и римляне, определяя для своей родовой общины имя ее родоначальника. Единственное что изменилось, так это форма слова, обозначающая принадлежность к родовой общине. По мере развития языковых форм (выделение первичных самостоятельных частей речи: существительного, прилагательного и глагола) это слово, как мы увидели на примере древних греков и римлян, стало строго прилагательным, показывающим «принадлежность» лица к своей родовой общине.

Вспомним еще раз родовое имя Цицерона. У него эта часть титулатуры записывалась следующим образом: *Tullius* (произношение и написание на русском языке – Туллий). Написание и произношение родового прилагательного Цицерона в форме прилагательного говорит о том, что он «прилагается» или «принадлежит» к роду Туллия. Поэтому на вопрос о принадлежности к роду Цицерон мог ответить также только прилагательным «*Tullius*» (Туллий). Если бы Цицерон принадлежал к родовой общине, первопредком которой был бы известный по летописям Рус, то его принадлежность к этому роду звучала бы как прилагательное «Русский». И на вопрос, какого ты роду-племени, Цицерон бы отвечал: – Я Русский! Что говорило бы о его принадлежности к родовой общине Руса.

Впоследствии, по мере социального развития и усиления влияния мужской родовой общины с родовым именем «Русский», ее название сначала перешло к племенному союзу, который она возглавила, объединив и подчинив себе окружающие ее общины, а затем по мере формирования государства, определило национальную принадлежность всех его подданных словом «русский». Первичная родовая принадлежность превратилась в национальность, так как стала распространяться на родовые общины, не имеющих своим предком Руса. Это самоназвание родовой общины Руса было воспринято окружающими его родовыми общинами и племенами как общепринятое.

Все государственнообразующие символы родовой общины русских получили аналогичные названия. Территория, населенная русскими, стала называться «Русская земля», а государственное образование – «Русское государство». Например, в Повести временных лет это записано так: «откуда есть пошла руская земля» [20, с. 3]. Происходит постепенный переход от главенства названия принадлежности к родовой общине к главенству территории места проживания и государства. Так произошло изменение самоназвания людей, проживающих на русской земле – они стали называться русские люди. Например, в Соборном уложении 1649 года словосочетание «русские люди» используется 35 раз [23, с. 444]. Русские, как более сильный этнос, постепенно вовлекали в сферу своего влияния и подчинения окружающие их родовые и племенные союзы, что повлекло за собой преобразование названия «русские» на подчиненное им население, что, в свою очередь, кратно увеличило население, называющее себя русскими людьми. Как написал об этом М.В. Ломоносов в своих замечаниях на диссертацию Г.Ф. Миллера «О происхождении имени и народа российского», перенос названия одного народа на другой обычно происходит от победителя к побежденным или от побежденных к победителю [28, с. 411].

Теперь очень важный вопрос, о причине временного исчезновения из общего применения названия национальности «русский» и его замене на иные обозначения русского населения.

Возрастание власти удельных князей Русского государства приводит к появлению самостоятельных русских княжеств с новыми княжескими городами-столицами, разбросанными по русской земле (период феодальной раздробленности). Возрастание политической и экономической роли этих княжеств приводит к переходу приоритета в названии обозначения населения от его общего родового имени «русские» к приоритету указания принадлежности жителей к своим городам. Например, в «Повести временных лет» есть такие строки: «И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: Да будет это мать городам руским» [8, с. 211]. Теперь русские люди получили уточняющие названия: кияне, тверичи, владимирцы, черниговцы, новгородцы и т.д. (почти все русские летописи X–XIII веков идентифицируют население Русского го-

сударства по названиям городов). И в этом не было ничего нового. Еще раз вернемся к рассмотренной выше летописи о пяти братьях-основателях новых родов. Снова обратим внимание на последнее предложение процитированного текста. В нем указано, что княжеские люди назывались или по именам своих князей, или по имени своих градов. А с учетом того, что согласно данной летописи Словеном и Русом были основаны соответственно города Словенск и Рус, то название жителей этих городов, даже после смерти основателей городов, имело ту же основу и соответствовало названию самих городов, но только с произношением в виде существительного.

Постепенно, по мере становления единого централизованного государства и развития международных отношений с иностранными государствами, наравне с обозначением русского населения по названиям городов появляется потребность в наличии общегосударственного обозначения населения Руси в противоположность иностранным подданным. Так как общеродовое прилагательное имя «русские» было забыто, общим самоназванием населения Руси на западный манер стало основанное на названии государства существительное слово «русы», превратившееся позднее в существительное «русины». Это хорошо видно в путевых записках А. Никитина «Хождении за три моря», написанных в конце XV века: «Хань у меня взял жеребца, а ув дал, что яз не бесермянин – русинь» [16, с. 267].

В XVIII веке в петровские и после петровские времена появляется тренд на более благозвучные термины и новоязы, что неизбежно привело к изменениям русского языка. Так рождаются новые обозначения русского населения: «великоросс», «россиянин». Например, в «Истории государства Российского», изданной в начале XIX века, подданные Российской империи, зовутся «россияне» [6].

Позднее, в целях консолидации разобщенных сословий и православных течений, начиная с середины XIX века, в высшем обществе и образовательной среде происходит постепенное возвращение к использованию общенационального обозначения жителей Российской империи прилагательным «русский», а к середине первой половины XX века использование имени существительного «русин» исчезает повсеместно. Интересно, что подвигло высшее общество Российской империи к мысли о возвращении старинного обозначения жителя страны словом «русский»? Кто первый предложил такую идею и как она нашла свое дальнейшее развитие в умах правящего класса России? Мы же пока просто зафиксируем, что в Российской империи, а затем и в советской России был осуществлен возврат к древнейшему написанию и произношению национальности «русский» через прилагательное.

Специально обратим внимание на то, что современное понимание национальности «русский» абсолютно не подтверждает кровное родство всех людей, считающих себя русскими. В настоящее время

национальность «русский» подтверждает принадлежность к русскому миру, русской цивилизации, русской культуре и лишь гипотетически – к мужскому роду, к своему первопредку-родоначальнику по мужской линии – Русу. А с учетом того, что в современном мире свою национальную принадлежность человек выбирает самостоятельно, то говорить сейчас о реальной принадлежности человека к какой-либо национальности вообще не приходится.

Литература

1. Боголепов Н.П. Учебник истории римского права / Изд. 3-е. М.: Университетская типография, 1907. 640 с.
2. Вегнер В. Рим. История и культура римского народа для любителей классической древности и для самообразования. В 2-х т. / Под ред. В.И. Модестова / 3-е русское изд., испр. и знач. доп. СПб., М.: т-во М.О. Вольф, 1902. 889 с.
3. Дыдынский Ф.М. Латино-русский словарь к источникам римского права. Изд. 2-е. Варшава, 1896. 352 с.
4. Калистратов Д.П., Утченко С.Л. Древний Рим: книга для чтения. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1955. 272 с.
5. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1 / Пер. с 3-го испр. нем. изд. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1875. 309 с.
6. Карамзин Н.М. Истории государства Российского. Т. 1 / Изд. 2-е, исправл. СПб.: Тип. И. Греча, 1818. 228 с.
7. Куланж Ф. Древняя гражданская община. Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима / Изд. 3-е / Пер. с фр. Н.Н. Спиридонова. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1895. 374 с.
8. Лихачёв Д.С., Дмитриев Л.А., Алексеев А.А., Поньрко Н.В. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. 526 с.
9. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 975 с.
10. Максимович М.А. Откуда идет русская земля, по сказанию Нестеровой повести и по другим старинным писаниям русским. Киев: Университетская типография. 1837. 148 с.
11. Моммзен Т. Римская история. Т. 1. До битвы при Пидне / 7-е изд. / Пер. В.Н. Неведомского. М.: Тип. В.Ф. Рихтер, 1887. 941 с.
12. Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Изд. 2-е / Под ред. М.О. Косвена / Пер. с англ. М.О. Косвена. Л.: Изд-во Института народов севера ЦИК СССР, 1935. 344 с.
13. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима: лекции. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К, 1883. 697 с.
14. Мэйн Г. Древнее право: его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям / Пер. с англ. 4-го изд. Н.А. Белозерской. Лондон, 1873. 313 с.
15. Нетушил И.В. Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима до Августа. Т. 1. Харьков: Тип. А. Дарре, 1894. с. 1–232; Т. 2. Харьков: Паровая типо-лит. Зильберберг, 1897. с. 233–522; Т. 3. Харьков: Паровая типо-лит. М. Зильберберг и с-вья, 1902. с. 523–778.
16. Никитин А. Хождении за три моря. М.: Изд-во «Эксмо», 2013. 475 с.
17. Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Римское частное право: учебник. М.: Юрист, 1996. 544 с.
18. Плутарх. Избранные жизнеописания. В 2-х т. Т. 2. Цицерон / Сост. М. Томашевская / Пер. В. Петуховой. М.: Правда, 1990. 608 с.
19. Покровский И.А. Лекции по истории римского права. СПб.: 4-е изд. студентов, 1911. 215 с.
20. Повесть временных лет по Ипатьевскому списку / Издание Археографической комиссии. СПб., 1871. 195 с.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. Л.: Наука, 1968. 262 с.
22. Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право (базовый учебник) / Под ред. В.А. Томсинова / Пер. с македон. В.А. Томсинова и Ю.В. Филиппова. М.: Изд-во «Зерцало», 1999. 448 с.
23. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года: учеб. пособие для высш. школы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.
24. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие / Отв. ред. Б.О. Долгих / Изд. 3-е. М.: Ленанд, 2017. 400 с.
25. Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка: учебник / Изд. 2-е, исправл. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 320 с.
26. Тронский И.М. Очерки из истории латинского языка / Отв. ред. И.И. Толстой. М.: Изд-во ЛКИ, 2016. 272 с.
27. Фёдорова Е.В. Введение в латинскую эпиграфику. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 255 с.
28. Фомин В.В. Ломоносов: гений русской истории. М.: Русская панорама, 2006. 462 с.
29. Хвостов В.М. История римского права / Изд. 7-е. М.: Московское научное изд-во, 1919. 478 с.
30. Декрет о праве граждан изменять свои фамилии и прозвища. [Электронный ресурс] // Доступ: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-03-04.htm> (дата обращения: 17.01.2023).

USE OF THE ADJECTIVE “RUSSIAN” TO DESIGNATE NATIONALITY: HISTORICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF TRADITION

Zhabreev M.V.

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

The aim of this study is to analyse the historical traditions of the designation of nationality “Russian” by means of an adjective. Meth-

ods: analysis of historical sources, synthesis, induction, deduction, analysis of special literature. The article examines the historical traditions of the spelling and pronunciation of the name denoting the generic affiliation, which later became the nationality "Russian". The following conclusions are drawn as a result. Both at the Romans and at the Greeks a name reflecting the belonging to a tribal community was always written and pronounced in the form of an adjective. Let's specially pay attention, that the original name of the man was *nomen gentile*. In process of social development the designation "Russian" passed to the tribal union, then – defined a nationality of all subjects of the Russian state.

Keywords: titlature, official name of the Roman citizen, personal name, patrimonial name, patronymic, a nickname, male unions, patricians, plebeians, Russ, Russin, Russians, Great Russians, nationality, Russian.

References

1. Bogolepov N.P. *Textbook of the History of Roman Law* / Ed. 3-th. M.: University Printing House, 1907. 640 p.
2. Wegner V. *Rome. History and Culture of the Roman People for the lovers of classical antiquity and self-education*. In 2 vols / Ed. by V.I. Modestov / 3rd Russian edition, revised and signed. M.O. Wolf, 1902. 889 p.
3. Dydynskiy F.M. *Latin-Russian Dictionary to the Sources of Roman Law*. Ed. 2-th. Warsaw, 1896. 352 p.
4. Kalistratov D.P., Utchenko S.L. *Ancient Rome: a reading book*. M.: State Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1955. 272 p.
5. Iering R. *The Spirit of Roman Law at Different Stages of Development*. Ч. 1 / Per. from the 3rd revised German edition. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazov, 1875. 309 p.
6. Karamzin N.M. *History of the Russian State*. T. 1 / edited 2nd edition, revised. St. Petersburg: Publishing house of I. Grech. 1818. I. Grech, 1818. 228 p.
7. Coulanges F. *The Ancient Civil Community. Study on cult, law, institutions of Greece and Rome* / Ed. 3 Edition / Per. from French by N.N. Spiridonov. M.: Publishing house of I.N. Kushnerev & Co, 1895. 374 p.
8. Likhachev D.S., Dmitriev L.A., Alekseev A.A., Ponyrko N.V. *Library of Ancient Rus literature*. T. 1: XI–XII centuries. SPb: Nauka, 1997. 526 p.
9. Losev A.F. *Mythology of Greeks and Romans*. Moscow: Mysl, 1996. 975 p.
10. Maksimovich M.A. *Where does the Russian land come from, according to Nesterov narrative and other ancient writings Russian*. Kyiv: University Printing House. 1837. 148 p.
11. Mommsen T. *Roman history*. T. 1. Up to the Battle of Pydna / 7th edition / Per. M.: Tip. M.: Publishing house of V.F. Richter, 1887. 941 p.
12. Morgan L.G. *Ancient Society or study of the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization* / Ed. 2d / Edited by M.O. Kosven / Per. L.: Publishing house of the People of the North CEC of the USSR, 1935. 344 p.
13. Muromtsev S.A. *Civil law of the Ancient Rome: lectures*. M.: Tip. M. Mamontov & Co, 1883. 697 p.
14. G. Maine G. *Ancient Law: Its Relation to the Ancient History of Society and its Relation to Recent Ideas* / Translated from English. 4th ed. by N.A. Belozerskaya. London, 1873. 313 p.
15. Netushil I.V. *Sketch of Roman State Antiquities. The state system of Rome before Augustus*. T. 1. Kharkov: Tip. A. Darre, 1894. p. 1–232; T. 2. Kharkov: steam printer-lit. Silberberg, 1897. pp. 233–522; T. 3. Kharkov: Steam Printing Works. M. Zilberberg & Co, 1902. pp. 523–778.
16. Nikitin A. *The Struggle for Three Seas*. Moscow: Eksmo Publishing House, 2013. 475 p.
17. Novitsky I.B., Peretersky I.S. *Roman Private Law: Textbook*. Moscow: Jurist, 1996. 544 p.
18. Plutarch. *Selected biographies*. In 2 vols. 2 Cicero / Comp. M. Tomashevskaya / Per. Petukhova. M.: Pravda, 1990. 608 p.
19. Pokrovsky, I.A. *Lectures on the History of Roman Law*. St. Petersburg: 4th ed. of students, 1911. 215 p.
20. *The Tale of Bygone Years by the Ipatievsky scroll* / Editions of the Archaeographic Commission. SPb., 1871. 195 p.
21. *Complete Collection of Russian Annals*. T. 31: *Chroniclers of the last quarter of the 17th century*. L: Nauka, 1968. 262 p.
22. Puhan I., Polenak-Akimovskaya M. *Roman Law (basic textbook)* / Edited by V.A. Tomsinov / Per. with Macedonian. Under edition of Tomsinov V.A. and Filippov Yu. M.: Publishing house Zertsalo, 1999. 448 p.
23. Tikhomirov M.N., Epifanov P.P. *Sobornoe uzponenie 1649 goda: textbook for high school*. M.: Publishing house of Moscow University, 1961. 444 p.
24. Tokarev S.A. *Early forms of religion and their development* / Edited by B.O. Dolgikh / Ed. 3-Ed. Moscow: Lenand, 2017. 400 p.
25. Tronsky I.M. *Historical grammar of Latin: a textbook* / Ed. 2nd revised edition. M.: Publishing house LKI, 2011. 320 p.
26. Tronsky I.M. *Essays on the History of Latin* / Ed. by I.I. Tolstoy. Moscow: LKI Publishing House, 2016. 272 p.
27. Fedorova E.V. *Introduction to Latin epigraphy*. Moscow: Moscow University Press, 1982. 255 p.
28. Fomin V.V. *Lomonosov: a genius of Russian history*. Moscow: Russkaya panorama, 2006. 462 p.
29. Khvostov V.M. *History of Roman Law* / Ed. 7-th. M.: Moscow Scientific Publishing House, 1919. 478 p.
30. *Decree on the right of citizens to change their surnames and nicknames*. [Electronic resource] // Access: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/18-03-04.htm> (access date: 17.01.2023).

Зарождение полицейского собаководства в Воронежской губернии в начале XX в.

Ситников Кирилл Алексеевич,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России
E-mail: kirillsa@mail.ru

В статье рассматривается процесс зарождения ведомственной кинологии в Воронежской губернии в начале XX века. Проводится анализ организации подготовки первых проводников собак Воронежской губернии в школе дрессировщиков Российского общества поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе и нормативных правовых основ такой деятельности. Также в статье освещается дальнейшее развитие служебного собаководства в регионе и его эффективность. В завершение работы автор приходит к выводу о том, что в начале XX в. в Воронежской губернии в рамках учрежденной в 1903 году уездной полицейской стражи стал активно внедряться новый метод осуществления служебной деятельности по борьбе с преступностью в виде применения служебных собак. В связи с этим можно говорить о формировании ведомственной кинологии в регионе.

Ключевые слова: полицейская стража; уездная полиция; дрессировщики собак; профессиональная подготовка; Воронежская губерния.

С появлением к концу XIX века новой самостоятельной науки кинологии ее достижения стали активно применяться в правоохранительной деятельности полицейскими органами разных стран, применявшими собак в качестве специального поискового средства [1].

Толчком к развитию данного прикладного направления кинологии, как правило, признаются работы известного австрийского юриста Г. Гросса, отмечавшего: благодаря собаке представитель правопорядка может не только защититься от скрытого нападения злоумышленника, но и «обнаружить его там, где человек не в силах видеть» [2].

Постепенно в различных городах Западной Европы началась активизация процессов по дрессировке собак для их дальнейшей полицейской службы [1].

В Российской империи в период с 1905 по 1906 годы дрессированные собаки постепенно стали применяться при розыске разбойничьих шаек в Прибалтийском крае, охране общественного порядка на улицах Санкт-Петербурга и Москвы, а также в обеспечении безопасности некоторых участков железных дорог [3, 4 С. 19]. Вместе с тем подобные начинания носили преимущественно инициативный характер, отсутствие опыта и системности деятельности приводили к многочисленным недочетам.

Все вышесказанное обусловило последующее принятие в начале 1907 года руководством МВД Российской империи решения о командировании чиновника по особым поручениям в Департаменте полиции В.И. Лебедева для изучения зарубежного опыта в рассматриваемой сфере. В результате исследования иностранных литературных источников было подготовлено специальное русскоязычное издание «Полицейские собаки. Краткие сведения о первом обучении полицейских собак» [5]. Летом того же года чиновник был командирован для непосредственного ознакомления с передовыми практиками служебного собаководства в Западной Европе [6].

По итогам проведенной работы В. И. Лебедев в отчете указывал, что применение собак служащими полиции «не только вполне возможно, но и по условиям службы в русской полиции... крайне необходимо как в столичной, так и в провинциальной полиции...» [7]. Он же выступил в качестве одного из инициаторов учреждения по образцу уже достаточно длительное время успешно функционировавшего немецкого Polizeihundeverein (дословный перевод с немецкого – «Клуб полицейских собак») Российского общества по-

ощрения собак к полицейской и сторожевой службе, устав которого был зарегистрирован определением Санкт-Петербургского особого городского по делам об обществах присутствия от 23.09.1908 № 229 [8].

Согласно учредительному документу организация создавалась для содействия «правильной постановке применения собак в разнообразных условиях полицейской и сторожевой службе» посредством:

- сбора сведений и подготовки обзора опыта практического применения полицейских собак в различных странах;
- ведения реестров породистых собак;
- организации взаимодействия заводчиков с полицейскими органами и лицами, желавшими приобрести соответствующих собак;
- издания методических материалов по служебной кинологии;
- разработки программ испытаний полицейских собак;
- организации состязаний и испытаний полицейских собак;
- подготовки тематических печатных изданий, в том числе журнала [8].

Открытие общества состоялось 5 октября 1908 года, а вскоре была организована первая Всероссийская выставка служебных полицейских собак.

Благодаря широкому вниманию со стороны общественности в январе 1909 года во исполнение задач организации по инициативе В.И. Лебедева началось строительство питомника сыскных собак, при котором должна была функционировать *школа дрессировщиков* [4, с. 22, 23]. Функционирование данного учреждения началось 21 июня 1909 года (данное обстоятельство в последующем и обусловило объявление указанной даты Днем кинологических подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации в соответствии с приказом МВД России от 18.06.2004 № 383 [9]).

Характеризуя промежуточные результаты деятельности общества, В.И. Лебедев в третьем издании «Руководства дрессировки полицейских и военных собак» отмечал, что к 1911 году дрессированные собаки использовались в полицейских управлениях нескольких десятков городов (в том числе и в Воронеже)[10].

Действительно, «Отчет о деятельности Российского общества поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе в 1910 году» свидетельствует о том, что на пятый курс обучения в школу дрессировщиков был командирован представитель из Воронежа. Анализ документа дает все основания утверждать, что им в период с 15 сентября по 15 декабря 1910 года был успешно освоен положенный курс, по завершении которого выпускник вернулся к месту несения службы, привезя с собой полученную собаку (к сожалению, установить должность указанного лица, нам не удалось.) [11]. В связи с этим мы можем говорить о становлении оперативно-служебного соба-

ководства, которое происходило преимущественно именно в рамках функционирования уездной полицейской стражи.

9 октября 1912 года на основании циркуляров Департамента полиции МВД Российской империи от 28.11.1910 № 23860 и от 08.07.1911 № 14921 в регионе состоялось заседание Особой комиссии под председательством вице-губернатора действительного статского советника С.А. Шидловского (в комиссию также входили губернский инспектор стражи (начальник Воронежского губернского жандармского управления) полковник В.З. Тархов, советник губернского правления статский советник Я.И. Генерозов, воронежский и павловский уездные исправники надворный советник, князь В.М. Вадбольский и статский советник М.И. Булович, офицеры полицейской стражи ротмистры В.М. Левандовский и И.Я. Хазбиевич.) [12] «для обсуждения вопросов о новой дислокации полицейской стражи» [13]. Однако среди прочего рассматривался и вопрос, связанный с внедрением передового опыта в области служебного собаководства.

По итогам работы комиссии было принято решение возбудить ходатайство о разрешении приобрести для отрядов полицейской стражи сыскных собак, с допущением стражников в качестве проводников. Также полагалось целесообразным в этой связи направить часть указанных служащих в командировку для обучения дрессировке за счет казны. В качестве источника средств на реализацию инициативы использовались остатки средств от содержания стражи [14].

Таким образом, в Воронежской губернии было принято официальное решение о подготовке кинологов из числа полицейских стражников.

По всей видимости, обусловлено такое решение было не только общеимперским развитием служебного собаководства, но и полученным незадолго до заседания Особой комиссии региональным опытом.

В период с 15 июня по 1 сентября 1912 года на 10 курсе школы дрессировщиков Российского общества поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе обучение прошли еще пять представителей губернии (таблица 1) [15; 16, с. 131–134].

Трое из них, как видно из вышеприведенной таблицы, являлись унтер-офицерами Воронежского жандармского полицейского управления железных дорог. Объясняется данный факт сложившимися к 1911 году общеимперскими тенденциями: началось повсеместное применение собак для раскрытия преступлений и для охраны грузов по линиям железных дорог. Результаты данной деятельности были настолько эффективными, что вскоре министр путей сообщения подписал циркуляр, в котором настоятельно рекомендовалось заведение полицейских собак во всех управлениях железных дорог [4, с. 21].

Также очевидно, здесь и далее в «Отчете Российского общества поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе за 1912

и 1913 гг.» ошибка: речь идет не о Воронежском отделе Юго-Восточной железной дороги, а о Во-

ронейском жандармском полицейском управлении железных дорог.

Таблица 1. Ученики X курса школы дрессировщиков Российского общества поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе от Воронежской губернии

№ п/п	ФИО ученика	Должность	Сведения о собаке		Рез-ы экзамена
			Кличка	Порода	
1.	К.И. Афанасьев	ст. пеший стражник Бирюченской уездной полиции	Юно	доберман-пинчер	хорошо
2.	Д.Д. Волков	полицейский надзиратель г. Бирюча	Гельд	доберман-пинчер	удовлетв.
3.	Т.А. Невзоров	жандармский унтер-офицер Воронежского отделения Юго-Восточной железной дороги	Доллар	эрдель-терьер	удовлетв.
4.			Дина	–	
5.	З.М. Осадчий	пеший стражник Бирюченской уездной полиции	–	–	очень хорошо
6.	Н.В. Сурков	жандармский унтер-офицер Воронежского отделения Юго-Восточной железной дороги	Женни	доберман-пинчер	очень хорошо

Отчеты, полученные в 1913 году от жандармских управлений железных дорог из Одессы и Воронежа, свидетельствовали о том, что благодаря применению полицейских собак были раскрыты свыше 80% преступлений, совершенных на обслуживаемой территории и за ее пределами [4, с. 28].

Еще двое служащих, упомянутых в таблице 1, принадлежали к уездной полиции, а точнее – к уездной полицейской страже.

После принятия решения Особой комиссией под председательством вице-губернатора С.А. Шидловского от 9 октября 1911 года стражники Воронежской губернии принимали участие в обучении дрессировщиков на всех трех курсах 1913 года (таблица 2).

Таблица 2. Ученики XII–XIV курсов школы дрессировщиков Российского общества поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе от Воронежской губернии

№ п/п	ФИО ученика	Должность	Откуда командирован	Сведения о собаке
				Порода
XII курс, продолжавшийся с 15 февраля по 15 мая 1913 года				
1.	С.И. Гусятников	конный полицейский стражник	Коротоякский уезд	доберман-пинчер
2.	С.Н. Ширяев	конный полицейский стражник	Коротоякский уезд	доберман-пинчер
XIII курс, продолжавшийся с 1 июня по 1 сентября 1913 года				
3.	М.И. Воронов	старший конный полицейский стражник	Землянский уезд	доберман-пинчер
XIV курс, продолжавшийся с 15 сентября по 15 декабря 1913 года				
4.	П.И. Волох	старший конный полицейский стражник	Воронежский уезд	немецкая овчарка
5.	Ф.С. Гарбузов	старший конный полицейский стражник	Нижнедевицкий уезд	немецкая овчарка

Всего за период с 1909 по 1913 годы обучение в школе дрессировщиков Российского общества поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе прошли 11 человек от Воронежской губернии. Большинство (63,6%) лиц, откомандированных из рассматриваемого региона в Санкт-Петербург с целью приобретения навыков в области оперативно-служебного собаководства – служащие полицейской стражи.

В результате, согласно отчетной документации общества к 1913 году был открыт его воронежский отдел (помимо него числилось еще 7: в Харькове, Уфе, Смоленске, Пензе, Риге, Верном и Чите) [16, с. 44].

Обнаруженные нами в Государственном архиве Воронежской области сведения позволяют говорить о функционировании на территории Воронежской губернии питомника полицейских сыскных собак, находившегося Павловском уезде [17].

Он продолжал свою работу и с началом Первой мировой войны вплоть до гибели Российской империи. Так, по состоянию на 24 апреля 1916 года в нем содержалось 7 собак, одна из которых была не приобретена в других губерниях, а выращена в самом г. Павловске. Приведенные в приложении данные также свидетельствуют о том, что в качестве проводников помимо стражников допускались и урядники.

Также мы можем с точностью утверждать, что уже в 1914 году на территории Воронежской губернии среди стражников 5 уездов были проводники (вместе с тем, нельзя исключать возможности наличия «кинологов» среди стражников и в иных уездах региона.).

Появление в регионе новой практики оказало плодотворное влияние на результативность проводимых уездной полицией дознаний. Помимо приведенных ранее статистических сведений из отчетов,

об этом свидетельствует и один из ярких примеров, нашедший свое отражение на страницах ведомственного журнала «Вестник полиции» [18].

Вместе с тем нельзя не обратить внимание и на возникавшие в ходе организации деятельности проводников собак Воронежской губернии затруднения. В качестве главной проблемы выступал, безусловно, дефицит компетентных кадров в соответствующей сфере.

Так, приказом от 20.05.1913 № 66 по коротоязкой уездной полицейской страже к исправлению должности урядника был допущен младший пеший стражник С.Н. Ширяев [19]. Однако новому уездному исправнику совместительство должности урядника и проводника представлялось недопустимым (поскольку при подобном «положении урядник не мог успешно нести с действительной пользой его для службы свои обязанности как урядника, так и проводника»). Для того, чтобы не потерять подготовленную в столичном питомнике дрессированную собаку, урядник был переведен в другое место несения службы с условием, чтобы он в течение трех месяцев передал накопленные знания и опыт новому стражнику. В дальнейшем выяснилось, что С.Н. Ширяев решил не подчиняться полученному приказу и для получения возможности поступить на службу в какой-либо другой уезд подал прошение о его увольнении по семейным обстоятельствам. Ввиду недопустимости подобного поведения полицейский был уволен без возможности дальнейшего восстановления на службе [20].

Таким образом, в начале XX в. в Воронежской губернии в рамках учрежденной в 1903 году уездной полицейской стражи стал активно внедряться новый метод осуществления профессиональной деятельности по борьбе с преступностью в виде применения служебных собак. В связи с этим мы можем говорить о формировании ведомственной кинологии в регионе. Начавшаяся Первая мировая война потребовала мобилизации всех сил и средств страны, что не могло не затронуть и рассматриваемую нами сферу: дрессированные собаки стали применяться преимущественно для военно-санитарной работы [1]. Дальнейшие революционные события, крах монархических устоев (в том числе ликвидация отечественной полицейской системы) в неменьшей степени сказались на численности подготовленных собак и необходимых для работы с ними специалистов.

Однако накопленный опыт в сфере дрессировки собак, организации школ проводников и сведения об эффективности участия «четвероногих друзей» в борьбе с преступностью ярко демонстрировали целесообразность функционирования института ведомственной кинологии. Так, по утверждению некоторых авторов, уже с весны 1918 года началась постепенная работа по восстановлению питомников [4, с. 35], а также по подготовке личного состава правоохранительных органов, что в дальнейшем нашло свое отражение в развитии воронежской милиции [21].

Литература

1. Иванов А.А., Матиенко Т.Л., Эриашвили Н.Д. Становление службы полицейских собак в Российской империи // Образование и право. 2018. № 1. С. 227–234.
2. Завгородний Д.И. На государственной службе [Электронный ресурс]. – URL: <http://aivengo.ru/boxers/inform/stat/chistory.htm> (дата обращения: 15.12.2022).
3. Первое 5-летие деятельности нашего Общества // Полицейская и сторожевая собака / под ред. В.И. Лебедева. – Санкт-Петербург: типография МВД, 1913. № 12. С. 73–84.
4. Диденко А.В., Яковенко А.А. Истрия развития служебного собаководства: учебное пособие. Ростов-на-Дону: РШ СРС МВД России, 2017. 92 с.
5. Полицейские собаки. Краткие сведения о первом обучении полицейским собак / сост. В.И. Лебедев. – СПб.: Типография МВД, 1907.
6. Чисников В.Н. Лебедев Василий Иванович (1868–1930) // Криміналістичні реєстраційно-довідкові й судово-експертні установи Міністерства внутрішніх справ та Міністерства юстиції Російської імперії (1889–1917 рр). – Кн. 1. – Київ-Харьків, 2013. – С. 497–508.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. 8-е делопр. 1908. Оп. 215. Д. 14. Л. 40–41.
8. Устав Российского общества поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе. Санкт-Петербург, 1908. 15 с.
9. Об объявлении Дня кинологических подразделений МВД России: приказ МВД России от 18.06.2004 № 383 // СПС «Консультант-Плюс».
10. Лебедев В.И. Руководство дрессировки полицейских и военных собак. 3-е изд., знач. доп. СПб., 1911. С. 1–3.
11. Отчет «Российского общества поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе» за 1910. Санкт-Петербург, 1914. С. 3, 4.
12. Адрес календарь // Памятная книжка Воронежской губернии на 1911 г. Воронеж, 1911. С. 1, 2, 7, 77.
13. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-1. Оп. 3. Д. 101. Л. 298–308.
14. Ситников К.А. Трансформация института уездной полицейской стражи Воронежской губернии в 1910–1913 гг. // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 3. С. 17–24.
15. ГАРФ. Ф. 1763. Оп. 1. Д. 2. Л. 50–52.
16. Отчет «Российского общества поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе» за 1912–1913. Санкт-Петербург, 1914. 198 с.
17. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 561. Л. 18, 18 об.
18. Вестник полиции. 1915. № 5. С. 159.
19. ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 933. Л. 121.
20. ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1080. Л. 39.
21. ГАВО. Ф. Р-38. Оп.3. Д. 22.

THE ORIGIN OF POLICE DOG BREEDING IN THE VORONEZH PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Sitnikov K.A.

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the process of the origin of departmental cynology in the Voronezh province at the beginning of the XX century. The analysis of the organization of the training of the first dog guides of the Voronezh province at the school of trainers of the Russian Society for the Promotion of the Use of Dogs to the police and guard service and the regulatory legal bases of such activities is carried out. The article also highlights the further development of service dog breeding in the region and its effectiveness. At the end of the article, the author comes to the conclusion that at the beginning of the XX century in the Voronezh province, within the framework of the county police guard established in 1903, a new method of carrying out official activities to combat crime in the form of the use of service dogs began to be actively introduced. In this regard, we can talk about the formation of departmental cynology in the region.

Keywords: police guards; county police; dog trainers; professional training; Voronezh province.

References

1. Ivanov A.A., Matienko T.L., Eriashvili N.D. The Formation of the Service of Police Dogs in the Russian Empire // *Education and Law*. 2018. No. 1. S. 227–234.
2. Zavgorodniy D.I. In the state service [Electronic resource]. – URL: <http://aivengo.ru/boxers/inform/stat/chistory.htm> (date of access: 12/15/2022).
3. The first 5th anniversary of our Society // *Police and watchdog / ed. IN AND. Lebedev*. – St. Petersburg: printing house of the Ministry of Internal Affairs, 1913. No. 12. S. 73–84.
4. Didenko A.V., Yakovenko A.A. The history of the development of service dog breeding: a textbook. Rostov-on-Don: RSH SRS of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 92 p.
5. Police dogs. Brief information about the first police dog training / comp. IN AND. Lebedev. – St. Petersburg: Printing house of the Ministry of Internal Affairs, 1907.
6. Chisnikov V.N. Lebedev Vasily Ivanovich (1868–1930) // *Criminalistic registry-financing and ship-expert established the Ministry of Internal Justice and the Ministry of Justice of the Russian Empire (1889–1917)*. – Prince. 1. – Kiev-Kharkiv, 2013. – S. 497–508.
7. State Archive of the Russian Federation (hereinafter – GARF). F. 102. 8th deed. 1908. Op. 215. D. 14. L. 40–41.
8. Charter of the Russian Society for the Encouragement of the Use of Dogs in the Police and Guard Service. St. Petersburg, 1908. 15 p.
9. On the announcement of the Day of cynological units of the Ministry of Internal Affairs of Russia: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 18.06.2004 No. 383 // SPS “Consultant-Plus”.
10. Lebedev V.I. Guidelines for the training of police and military dogs. 3rd ed., meaning. add. SPb., 1911. S. 1–3.
11. Report of the “Russian Society for the Encouragement of the Use of Dogs in the Police and Guard Service” for 1910. St. Petersburg, 1914. S. 3, 4.
12. Address calendar // *Commemorative book of the Voronezh province for 1911*. Voronezh, 1911. S. 1, 2, 7, 77.
13. State Archive of the Voronezh Region (hereinafter – GAVO). F. I-1. Op. 3. D. 101. L. 298–308.
14. Sitnikov K.A. Transformation of the institute of the district police guard of the Voronezh province in 1910–1913. // *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. No. 3. P. 17–24.
15. GARF. F. 1763. Op. 1. D. 2. L. 50–52.
16. Report of the “Russian Society for the Encouragement of the Use of Dogs in the Police and Guard Service” for 1912–1913. St. Petersburg, 1914. 198 p.
17. GAVO. F. I-6. Op. 2. D. 561. L. 18, 18v.
18. *Bulletin of the police*. 1915. No. 5. S. 159.
19. GAVO. F. I-1. Op. 2. D. 933. L. 121.
20. GAVO. F. I-1. Op. 2. D. 1080. L. 39.
21. GAVO. F. R-38. Op.3. D. 22.

Становление советских органов внутренних дел в Туве (1944–1950)

Суверов Евгений Васильевич,

д.и.н., профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства, Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: suverovev69@mail.ru

Винниченко Олег Юрьевич,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры международного права, Кемеровский государственный университет
E-mail: ole.vinnichenko@yandex.ru

Величко Алексей Михайлович,

д.ю.н., доцент, профессор кафедры международного права, Кемеровский государственный университет
E-mail: vizant63@yandex.ru

Вхождение Тувы в состав СССР в 1944 г. предусматривал перестройку всего государственного аппарата и права, под новые формы и стандарты. Происходил переход делопроизводства на русский язык. Однако процесс трансформации тувинской милиции начался еще в 20–30-е годы прошлого столетия, под руководством советников. Серьезной проблемой для деятельности органов внутренних дел в Туве стал дефицит квалифицированных кадров, труднодоступность отдельных районов, отсутствие развитой инфраструктуры, несогласованные действия различных подразделений правоохранительных органов. Постепенно тувинская милиция укреплялась выпускниками ведомственных учебных заведений и прикомандированных их других регионов СССР. Ужесточалась дисциплинарная и уголовная ответственность к милиционерам – нарушителям социалистической законности. Происходило постепенное насыщение техническими средствами различных подразделений.

Ключевые слова: Тувинская народная республика, Тувинская автономная область, органы внутренних дел, милиция, Управление Министерства внутренних дел.

В середине 1921 г. при поддержке советского правительства была образована Народная Республика Танну-Тува, а уже в 1922 г. сформировано Министерство внутренних дел. Вскоре началось формирование немногочисленной тувинской милиции, большое влияние при этом оказали советские специалисты. Сложившаяся в республике структура полностью копировала структуру правоохранительных органов РСФСР, действовали кодексы, созданные на советском законодательстве [1, с. 151–158].

В 1941 г. личный состав МВД Тувинской народной республики насчитывал всего 55 человек (из них 13 советских советников). В мае 1944 г. проходили службу в МВД Тувинской народной республики 75 работника государственной охраны, 32 оперативных работника, 34 милиционера, 71 охранник исправительно-трудовой системы [2, с. 18, 21]. В 20–40-е годы прошлого столетия издавались нормативные акты, которые определяли правила поведения местного населения в общественных местах. В регионе строго запрещалось распивать спиртные напитки в местах общего пользования, курить табак, щелкать семечки, бросать на пол окурки, орехи и т.д., срывать с афиш распоряжение органов власти, рубить деревья, посаженные в городе, быстро скакать на лошадях «на перегонки» в общественных местах [3].

Серьезное влияние на формирование органов внутренних дел Тувинской Народной Республики (ТНР) (1921–1944 гг.), оказала работа советских инструкторов. Так государственное делопроизводство с 1941 г., началось вести на тувинском языке, уже на кириллице.

Становление новых подразделений милиции в Туве началось, сразу после ее вхождения в состав СССР – 13 октября 1944 г. В УНКВД по Тувинской автономной области началась окончательная перестройка своей работы, на основании советского законодательства. В феврале 1945 г. были получены гербовые печати НКВД СССР, старые штампы были уничтожены [4, л. 15].

Управление НКВД по Тувинской автономной области с октября 1944 г. стало дислоцироваться в городе Кызыле [6] под руководством Н. Товариштай (бывшего министра внутренних дел ТНР), где находились подразделения НКВД: отдел по борьбе с бандитизмом (ОББ), 1-й спецотдел, ХОЗО (хозяйственная служба), ФИНО (финансовый отдел), 2 – я спецгруппа, отдел кадров (ОК) и др. В 1946 г. штатная структура ОВД насчитывала 194 единицы [2, с. 22].

Дежурные части назывались оперативными отрядами и занимались сбором и обобщением информации по совершенным преступлениям. В ок-

тябре 1944 г., в одном из таких отрядов находилось 2-е подразделение [2, с. 338].

Тувинские милиционеры, также привлекались для охраны золотых приисков треста «Тувзолото» (1944 г.), входившего в состав МВД СССР. Начал расширяться агентурно-осведомительный аппарат, оперативной разработке подвергались лица антисоветской ориентации, националисты, представители т.н. эксплуататорских классов.

В регионе остро стоял кадровый вопрос для органов внутренних дел. Не хватало квалифицированных специалистов. Постепенно в Туву, стали направлять, для прохождения службы, милиционеров из различных районов Советского Союза [4, л.50].

Началось распределение в Туву выпускников ведомственных учебных заведений. Так из Омской межобластной школы милиции с 29 января 1945 г. прибыли: Н.А. Писарев младший лейтенант милиции, старший оперуполномоченный ОУР; Д.Н. Демченко младший лейтенант милиции, старшим инспектором ГАИ; И.Ф. Решетов младший лейтенант оперуполномоченным ОБХСС; В.Я. Куколов младший лейтенант оперуполномоченный оперативной группы; В.Я. Тарасов младший лейтенант начальником ОАГС; И.Е. Чистяков младший лейтенант, старший инспектор отделения наружной службы и боевой подготовки [4, л.20].

Повышался уровень образования среди личного состава. В соответствии с Приказом МВД СССР № 0378 от 10 ноября 1946 г. в школах была организована общеобразовательная учеба для руководящего и оперативного состава УМВД и милиции, не имевших среднего образования. В апреле 1947 г. учебу в школе посещали 35 сотрудников. Занятия проводились по понедельникам, четвергам и субботам с 8.00 часов утра до 12.00 [6, л. 47].

Руководством УМВД по Тувинской автономной области осуществлялся контроль за уровнем успеваемости, слушателей – заочной формы обучения. На 1947–1948 учебный год на заочное обучение в Высшую и средние офицерские школы МВД и школу начсостава милиции было зачислено 18 сотрудников из УМВД по Тувинской автономной области. Однако многие из «заочников» для сдачи зачетов не подготовились, контрольно-письменные и работы не выполнили и не выслали в школы. По состоянию на 1 июня из 18 обучающихся, только 7 частично выполнили контрольно-письменные работы [6, л.70].

Организовывались различные курсы и семинары для практических работников. В целях повышения качества оперативно-служебной и политической подготовки, во время проведения учебного семинара с работниками паспортных столов и адресного бюро Управления милиции Тувинской автономной области был назначен начальником учебного пункта, старший инспектор ОСБП Управления милиции младший лейтенант милиции Калабушкин, заместитель начальника учебного пункта по политчасти старший инструктор по политчасти Оюн Доржу. Старшиной учебного пункта стал ко-

мандир взвода ведомственной милиции, старший сержант милиции Барышников. Сбор был проведен с 20 мая по 9 июня 1949 г. Для этого были подготовлены помещения и были предоставлены учебно-канцелярские принадлежности [7, л.84].

Увольнению из рядов тувинской милиции, подлежали сотрудники своими действиями дискредитировавшие органы внутренних дел. Так, в марте 1945 г. из ОВД был уволен вахтер ХОЗО УНКВД Ооржак Комбуштай, который в 1944 г. будучи дежурным комендантом КПЗ, насильственно принуждал к сожительству, задержанных женщин за контрреволюционную деятельность [4, л. 24].

Был осужден к 6 годам лишения свободы (и соответственно уволен со службы) в 1948 г. оперуполномоченный Овюрского РО МВД младший лейтенант милиции С.Д. Шайдан, за националистические и антисоветские высказывания, пьянством и злоупотреблением служебным положением [6, л. 25].

Требования к подготовке милиционеров, заключались в уверенном использовании служебного оружия, соответствующей физической подготовки, умении использовать специальные приемы задержания и сопровождения правонарушителей, защиты от нападения с ножом и т.д. Методика обучения начальной подготовке стрелков была разработана в середине 20-х гг. Основными ее принципами являлись следующие: работа с оружием вхолостую и с учебным патроном; стрельба из малокалиберного оружия на короткие дистанции (винтовка – от 25 до 70 м; пистолет – от 15 до 20 м); стрельба из боевого оружия на короткие дистанции (пистолет, револьвер – 15–20 м; винтовка – 100 м).

Физической подготовке сотрудников милиции, в послевоенный период, стало уделяться больше внимания. Система обучения борьбы «самбо», предусматривала общие и специальные физические упражнения [8, с. 14, 15]. Следует заметить, однако, что из-за своей географической удаленности в республике отсутствовали квалифицированные тренеры и этот вид борьбы стал развиваться в Туве лишь конце 1960-х годов [9, с. 16].

Профессиональная подготовка тувинских милиционеров, была еще не на должном уровне, при проверках вскрывались серьезные недостатки. Так 8 июня 1948 г. было осмотрено состояние табельного оружия у сотрудников Управления милиции, Кызыльского ГОМ и Кызыльско-сельского РО МВД. У младшего лейтенанта милиции Медведева, младшего лейтенанта милиции Сильянова и др. во время инспектирования пистолеты находилось дома, у старшего оперуполномоченного ОУР Иларионова, младшего лейтенанта милиции Москалева в рабочем столе. У Москалева и Сильянова не хватало 5 шт. патронов, у Берзина и Шактара по 8 шт., у лейтенанта милиции Чистякова, младшего лейтенанта милиции Филимонова оружие было грязное. Весь огневой арсенал Кызыльского ГОМ, хранился в шкафу дежурной комнаты и состоял из 10 наганов, причем из них 4 были неисправны.

По итогам контроля, начальником УМВД по Тувинской автономной области полковником Орловым был издан приказ «О результатах проверок хранения и состояния личного оружия у сотрудников УМ, ГОМ и Кыльско-Сельского РО МВД» от 22 июня 1948 г. № 88, на основании которого запрещалось оружие не оставлять на квартирах или в столах; ХОЗО УМВД должно обеспечить кобурами всех милиционеров; за незаконный расход патронов, за грязное состояние оружия, за его оставления в рабочих столах или на квартире будет строгое наказание [6, л. 77].

Небрежное обращение с огнестрельным оружием приводила к трагическому концу. Милиционер И.С. Конзай 1928 г.р., в органах ОВД служил с 20 октября 1948 г. осуществлял этапирование и охрану в здание народного суда подсудимого Тамдын-оола. Выйдя в соседнюю комнату, напиться воды в результате неумелых действий с винтовкой, он произвел выстрел, в результате которого была убита гражданка Иргит Сержина. В качестве наказания И.С. Конзай был приговорен к 3 годам лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях [7, л. 79].

Милиция Тувинской автономной области особый упор делала на пресечение преступлений против советских органов управления, а так же умышленных убийств, тайных хищений имущества, краж.

В конце Великой Отечественной войны на территории региона отмечался всплеск краж скота, имевший групповой характер. В 1944 г. было ликвидировано 4 шайки преступников. Основная нагрузка за раскрытием данного вида преступлений лежала на уголовном розыске, который укреплялся специалистами из других регионов Советского Союза. Первым начальником УГРО Тувы, после вхождения в состав СССР стал С.С. Крестинский, откомандированный из УНКВД по Красноярскому краю [2, с. 254].

В послевоенный период основные силы милиции в сельской местности были направлены на раскрытие краж скота, проведению профилактических мероприятий.

В июне 1949 г. у гражданина Кара Оол проживающего в Монгун-Тайгинском районе, было украдено 2 яка, неизвестными лицами. Похитив животных, преступник заколол их, разделав мясо, пытался скрыться. Об этом стало известно милиционеру Чимит Оол, который в течение 12 суток преследовал преступника и в местечке Кызыл-Хая Овюрского района задержал его. В качестве поощрения, сотруднику милиции было присвоено специальное звание младший сержант милиции и выдано денежное вознаграждение в сумме 300 руб. [7, л. 91].

Шел подсчет совершенных преступлений, качество работы тувинских милиционеров оценивалась в количестве раскрытых правонарушений, статистика при этом имела определенные погрешности.

В Туве в 1945 г. было зарегистрировано 387 преступлений (из них 3 убийства и 100 краж скота), раскрываемость составила 99,1%, а в 1950 г.

в регионе было совершено уже 754 преступлений, из них было раскрыто 95,7% [2, с. 20, 26]. Увеличение противоправных деяний было связано, прежде всего, с ростом населения и улучшением работы сотрудников ОВД, особенно в отдаленных районах, где уровень латентной преступности был традиционно высокий.

В целях усиления борьбы с уголовной преступностью в городе Кызыле было организовано усиление наружной милиции с 21 по 31 мая 1947 г. в составе 32 сотрудника милиции из разных служб и подразделений. Патрулирование по городу осуществлялось с 22 часов до 3-х часов ночи, согласно графику маршрутов [7, л. 54].

Проверка паспортного режима осуществлялась в основном силами участковых уполномоченных милиции, где решающую роль играла их профессиональная компетенция и честное выполнение своих служебных обязанностей. В Кызыле 30 марта 1947 г. была проведена операция по поддержанию паспортного режима, где из 701 проверенных домовладений, 55 человек проживало без прописки, 113 человек не были выписаны, многие проживали с просроченными паспортами. Было выяснено, что участковые уполномоченные городского отделения милиции Сильянов и Берзин на своих участках длительное время не бывали и поддержанием паспортного режима не занимались. Так более года проживал без прописки гражданин Шахов со своей женой [7, л. 35].

Руководство тувинской милиции прилагало усилия по поддержанию санитарного состояния в населенных пунктах, изъятию у населения незарегистрированного оружия, а также улучшению санитарного состояния в населенных пунктах. Несознательные горожане выбрасывали мусор на окраину города и набережную Енисея. Необходимо было контролировать своевременную очистку всех дворов, помойных ям и мусорных ящиков, туалетов. В уборке улиц задействовали арестованных за мелкое хулиганство, под охраной милиции.

Улучшалось снабжение тувинской милиции техническими средствами. В целях лучшего оперативного обслуживания райотделений МВД, обслуживания оперативного состава транспортом отделов и отделений УМ УМВД по ТАО в июле 1949 г. были выделены мотоциклы и велосипеды:

Наименование подразделения	транспорт	количество
Бай-Тайгинское РОМВД	мотоцикл велосипед	нет 1 шт.
Барум-Хемченское РОМВД	мотоцикл велосипед	1 шт. 1 шт.
Дзун-Хемченское РОМВД	мотоцикл велосипед	1 шт. 2 шт.
Чаа-Хольское РОМВД	мотоцикл велосипед	1 шт. 1 шт.
Улуг-Хемское РОМВД	мотоцикл велосипед	1 шт. 2 шт.
Тандынское РОМВД	мотоцикл велосипед	1 шт. 1 шт.

Наименование подразделения	транспорт	количество
Пий-Хемское РОМВД	мотоцикл велосипед	1 шт. 2 шт.
Каа-Хемское РОМВД	мотоцикл велосипед	1 шт. 1 шт.
Тес-Хемское РОМВД	мотоцикл велосипед	1 шт. 1 шт.
Эрзинское РОМВД	мотоцикл велосипед	1 шт. 1 шт.
Овюрское РОМВД	мотоцикл велосипед	1 шт. нет.
Сют-Хольское РОМВД	мотоцикл велосипед	нет. 1 шт.
Кызыльско-сельское РОМВД	мотоцикл велосипед	1 шт. 1 шт.
Городское отделение милиции Кызыла	мотоцикл велосипед	1 шт. 1 шт.
Отдел уголовного розыска	мотоцикл велосипед	1 шт. нет.
Государственная автомобильная инспекция	мотоцикл велосипед	4 шт. нет.
Отдел по борьбе с хищениями социалистической собствен- ности	мотоцикл велосипед	1 шт. нет.
Отдел по борьбе с бандитизмом	мотоцикл велосипед	1 шт. нет.
Оперативная группа	мотоцикл велосипед	1 шт. нет.

Мотоциклы были закреплены в райотделениях МВД за начальниками и их заместителями, в областном аппарате за начальниками отделов и отделений, велосипеды за участковыми, в первую очередь обслуживающие сельскую местность [7, л. 100].

Для обеспечения служебным жильем сотрудников милиции в областной столице возникали многочисленные трудности, где в октябре 1944 г. насчитывалось всего 730 жилых домов. Из-за роста населения, малого ввода нового жилья, в 1946 г. на одного человека в Кызыле приходилось всего 2,4 кв.м. жилой площади [10, с. 649, 650]. Строительные работы заменялись отсутствием механизированного транспорта и дефицитом строительных материалов. Для решения данной проблемы, широко применялся труд заключенных, которых привлекали к лесозаготовкам и производством кирпича [6, л. 91].

Несмотря на многочисленные трудности, шло возведение служебного жилья и административных зданий. В 1950 г. было построено административное здание УМВД по Тувинской автономной области по адресу Ленина, 18.

В районе, где занимались в основном скотоводством, началось развитие земледелия в рамках системы НКВД СССР. Подсобные хозяйства Спецторга имели свои огороды, где выращивались огурцы, осуществлялись посевы ячменя.

Активно привлекалось местное население, создавались бригады милиции (бригады содействия милиции), члены которого успешно раскрывали кражи и незаконный забой скота. На основании Приказа Начальника УНКВД Тувинской автономной области Новариштай «О мерах предупреждения желудочно-кишечных заболеваний в весенне-летний период 1945 г.» от 25 апреля 1945 г. № 55 тувинская милиция участвовала в очистке дворов, площадей, улиц прилегающих к административным и жилым зданиям УНКВД от зимних накоплений (отбросов, мусора), в эту работу привлекались лица, проживающие в ведомственных зданиях [4, л. 50].

Сотрудники санитарной части УМВД Тувинской АО проводили прививки личному составу, дабы избежать вспышек инфекционных заболеваний. Были вакцинированы (с 1 апреля 1947 г.) противотифозными и антидизентерийными веществами сотрудники милиции в санчасти [7, л. 14, 45].

С марта 1945 г. началась регистрация всего нарезного оружия, имеющегося у населения (независимо от служебного положения): винтовки (в том числе и мелкокалиберные), карабины, пистолеты, револьверы были изъяты.

Недостатки в работе милиции в Туве в данный период выражались в низком общеобразовательном и правовом уровне милиционеров. Из-за отсутствия транспорта, сотрудники ОВД нередко были вынуждены передвигаться верхом на лошадях, во все времена года.

Снижало качество работы милиции и непрофессионализм отдельных прокурорских работников. Недостаточно качественно осуществлялся и судебный надзор по уголовным делам, прокуроры зачастую игнорировали заседания суда [1, с. 151–158].

Во время проверки деятельности Берун-Хемчикском РО МВД, было отмечено, что учет уголовных преступлений, указанных РО МВД был поставлен плохо, записи велись небрежно, не было отметок по делам переданных в прокуратуру и суды за 1945–1946 гг. Журнал регистрации поступающих арестованных в КПЗ заполнялся разными чернилами и грязно, с помарками. Личные дела на заключенных не заводились, арестованные в камере предварительного заключения (КПЗ) принимались с не оформленными документами. В КПЗ 5 июня 1946 г. содержалось 21 человек, из них 16 человек уже было осуждено, большинство из них находилось во дворе РО МВД, где бесцельно бродили многочисленные родственники милиционеров, свободно общаясь с арестантами, которые охранялись только 1-м милиционером и то и без оружия.

В комнате дежурного по УМВД все время собирались лица, не имевшие никакого отношения к дежурству, в том числе и члены семей сотрудников, в присутствии которых велись служебные разговоры [7, л. 37].

Злоупотребление спиртными напитками, как правило, заканчивалось нарушением служебной дисциплины, совершением правонарушений различной степени. Милиционер Чаа-Хольского РО

МВД Чадамба 8 декабря 1948 г., находясь в селе Ак-Хем напился пьяным и учинил беспорядочную стрельбу во время доставки потерпевшего Сандан в райотделение. Перепуганный угрозами и выстрелами Сандан без обуви и одежды выбежал из юрты на улицу и укрылся за ближайшей горой, в результате чего обморозил себе конечности. После служебного разбирательства Чадамба был арестован на 15 суток с отбыванием на гауптвахте при УМВД, после чего был уволен [7, л. 25].

Таким образом, переход тувинской милиции на советскую систему организации службы, был заложен еще в 30–40-е годы, в том числе и с помощью специалистов из Советского Союза.

Кадровая проблема решалась за счет приглашенных сотрудников из других регионов, а также подготовки на месте. Увольнению из органов внутренних дел подлежали лица своими поступками, бросавших тень на ее деятельность. Улучшалось материальное снабжение и условия несения службы. Качество работы тувинских милиционеров определялось процентом раскрываемости преступлений, что не всегда соответствовало действительности. Недостатки в функционировании подразделений тувинской милиции, были характерны для всей советской правоохранительной системы, выделялось национальной спецификой и усложнялось практически отсутствием инфраструктуры на обширных, труднодоступных районах автономной области.

Литература

1. Доржу З. Ю., Шмит И.Д. Организация и функционирование органов прокуратуры Тувинской автономной области (1944–1961 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 5 (170). – С. 151–158.
2. Республика Тыва. МВД. Кызыл: МВД по Республике Тыва. 2014. – 454 с.
3. Постановление Советов Министров Тувинской Аратской республики от 28 мая 1932 г. № 59.
4. Архив ИЦ МВД по Республике Тыва. Ф.1. оп.1. Д.1.
5. Приказ НКВД СССР «Об организации управления НКВД по Тувинской автономной области» от 26 апреля 1944 г. № 001316.
6. Архив ИЦ МВД по Республике Тыва. Ф.1. Оп.1. Д.9.
7. Архив ИЦ МВД по Республике Тыва. Ф.1.Оп. 1. Д. 10.
8. Семенов В. В., Медведев И.В. Огневая и физическая подготовка в подразделениях советской милиции в 1946–1953 гг. // Огневая и физическая подготовка в подразделениях советской

милиции в 1946–1953 гг. // Алтайский юридический вестник. 2016. № 4 (16). – С. 12–15.

9. Аг-оол Е.М. Становление и развитие спортивного самбо в Туве // Вестник Тувинского государственного университета. № 4. Педагогические науки. 2022. № 1 (91). – С. 7–21.
10. Доржу З. Ю., Ширав Р.О. Социально-бытовые условия жизни населения г. Кызыла – столицы Тувинской автономной области (1944–1961 гг.) // Oriental Studies. 2019. Т. 12. № 4 (44). С. 645–660.

FORMATION OF THE SOVIET INTERNAL AFFAIRS BODIES IN TUVA (1944–1950)

Suverov E.V., Vinnichenko O. Yu., Velichko A.M.

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kemerovo State University

The entry of Tuva into the USSR in 1944 provided for the restructuring of the entire state apparatus and law, under new forms and standards. The transition of office work to Russian was taking place. However, the process of transformation of the Tuvan militia began in the 20–30s of the last century, under the leadership of advisers. A serious problem for the activities of the internal affairs bodies in Tuva was the shortage of qualified personnel, the inaccessibility of certain areas, the lack of developed infrastructure, uncoordinated actions of various law enforcement agencies. Gradually, the Tuvan militia was strengthened by graduates of departmental educational institutions and their seconded other regions of the USSR. Disciplinary and criminal liability to policemen who violate socialist legality was tightened. There was a gradual saturation of technical means of various departments.

Keywords: Tuva People's Republic, Tuva Autonomous Region, internal affairs bodies, police, Department of the Ministry of Internal Affairs.

References

1. Dorzhu Z. Yu., Shmit ID Organization and functioning of the prosecutor's office of the Tuva Autonomous Region (1944–1961) // Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. 2016. No. 5 (170). – S. 151–158.
2. Republic of Tyva. MIA. Kyzyl: Ministry of Internal Affairs for the Republic of Tyva. 2014. – 454 p.
3. Decree of the Councils of Ministers of the Tuva Arat Republic of May 28, 1932 No. 59.
4. Archive of the Information Center of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Tyva. F.1. op.1. D.1.
5. Order of the NKVD of the USSR "On the organization of the administration of the NKVD in the Tuva Autonomous Region" dated April 26, 1944 No. 001316.
6. Archive of the Information Center of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Tyva. F.1. Op.1. D.9.
7. Archive of the Information Center of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Tyva. F.1.Op. 1. D. 10.
8. Semenov V. V., Medvedev I.V. Fire and physical training in the divisions of the Soviet militia in 1946–1953. // Fire and physical training in the divisions of the Soviet police in 1946–1953. // Altai legal bulletin. 2016. No. 4 (16). – S. 12–15.
9. Ag-ool E.M. Formation and development of sports sambo in Tuva // Bulletin of the Tuva State University. No. 4. Pedagogical Sciences. 2022. No. 1 (91). – P. 7–21.
10. Dorzhu Z. Yu., Shirap R.O. Social and living conditions of the population of the city of Kyzyl – the capital of the Tuva Autonomous Region (1944–1961) // Oriental Studies. 2019. Vol. 12. No. 4 (44). pp. 645–660.

Цифровизация образовательной среды как способ снижения нагрузки на педагогические кадры

Чернякова Светлана Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юридических дисциплин Филиала ЧОУ ВО Московского университета имени С.Ю. Витте в городе Сергиевом Посаде
E-mail: chernaykovas@mail.ru

Цифровизация затрагивает практически все сферы жизнедеятельности человека, и в особенности – сферы труда и образования. Как показывает анализ законодательства и реальной педагогической практики, многие вопросы цифровизации организации учебного процесса остаются на периферии научного и законодательного внимания. При этом цифровизация образования обострила известную проблему – проблему избыточной нагрузки педагогических кадров. Одним из действенных шагов законодателя, направленных на адаптацию текущего статуса законодательных норм к реалиям актуальной педагогической действительности, можно считать Федеральный закон от 14 июля 2022 г. №298-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Автором статьи выявлены положительные и отрицательные стороны новой редакции Закона, на основании чего представлены пути дальнейшего совершенствования нормативного поля рассматриваемой области. Были определены такие направления работы, как закрепление обязательства по ведению электронного документооборота за учреждениями образования; обязательства по обучению педагогического состава работе с цифровым инструментарием; перевод части документационной работы в автоматизированный режим; вопросы заключения дополнительного соглашения об оказании услуг по разработке педагогом обучающего контента.

Ключевые слова: цифровизация образования, законодательство об образовании, трудовой кодекс, информатизация, автоматизация, дистанционное обучение, трудовая нагрузка, педагог.

Сфера образования в России на текущем этапе находится в фазе революционной институционализации, предполагающей импортирование и внедрение новых социальных, образовательных, технологических практик и инструментов, обусловленных, в первую очередь, процессами дигитализации и информатизации образования. Формирование особой – виртуальной – среды в учреждениях образования характеризуется одномоментностью трансформационного процесса (катализатором которого выступила недавняя коронавирусная инфекция) и повышенной степенью риска утраты качества образования. Индикаторами, свидетельствующими о глубинных трансформациях в сфере образования, являются такие вошедшие в употребление терминологические категории, как «частное образовательное учреждение», «дистанционное образование», «цифровизация образования», «компетентный подход в образовании», «маркетизация образования», «менеджмент образования» и многие другие.

Процесс институционализации образования на текущем этапе демонстрирует противоречия между двумя типами норм и институций – формальных (законодательство, регламенты образовательных учреждений, цифровые образовательные платформы) и неформальных (обычай и традиции оказания образовательных услуг) [5, с. 129]. Речь идет о том, что *де юре* образование в России уже во многом является оцифрованным, а обучение протекает, полностью или частично, в виртуальной среде, но *де факто* педагогические работники вынуждены следовать устаревшим практикам, связанных с бюрократической фиксацией образовательного и воспитательного процессов.

Следует сказать, что цифровизация образования не является педагогической новацией – точечные практики применения электронного инструментария в советских школах и вузах имели место уже с 1970-х гг. [13, с. 4], но именно сегодня цифровизация обрела массовый масштаб. В данной связи в научной среде, в масс-медиа и в педагогических кругах все чаще звучит мнение о том, что изменения в условиях жизни и уровне технологий требуют пересмотра сложившихся взглядов на форму, содержание и организацию образовательных процессов [13, с. 4].

Следует отметить, что ни в законодательстве, ни в научной правовой и педагогической литературе до сих пор не выработано единого определения понятию «цифровизация образования». При этом, некоторые специалисты дефинируют цифровизацию образования как процесс перехода, дру-

гие – как метод достижения образовательных целей, третьи – в качестве характеристики уровня оснащенности образовательного процесса. В целом, современные исследователи сходятся во мнении о том, что цифровизацию образования можно понимать в качестве методологии повышения качественного уровня оказания образовательных услуг за счет (1) индивидуализации образовательной траектории и (2) имплементации цифровых коммуникативных технологий в педагогическую практику [7, с. 4].

Безусловно, цифровизация затрагивает практически все сферы жизнедеятельности человека, в связи с чем постоянно появляются новые «цифровые» законы, призванные регулировать новые общественные институты и новые типы правоотношений. Следует отметить, что правительством Российской Федерации уже были приняты нормативные документы, регулирующие процедуры и результаты «оцифровки» образовательного сектора. Среди таких документов – Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации», указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Кроме того, обновлено и содержание ряда существующих законов; так, к примеру, в тексте Федерального закона Российской Федерации от 29.12.2012 № 273 – ФЗ «Об образовании в РФ» и в текстах действующих Федеральных государственных образовательных стандартов содержатся многочисленные указания на то, что реализация образовательных программ осуществляется посредством применения различных образовательных технологий, в том числе технологий дистанционного и/или электронного обучения [9, с. 27].

Вопросы цифровизации образования актуализированы, помимо прочего, в Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», где в числе приоритетных задач указывается ускоренное внедрение цифровых технологий в образовательную среду. Отчасти шаги по модернизации образования были предприняты в рамках федерального проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» (2016 г.), благодаря которому в образовательный сектор были внедрены многие цифровые инструменты.

Следует отметить, что вопросы поиска и внедрения цифровых средств в процесс обучения являются относительно разработанными в дидактической науке и педагогической практике, тогда как вопросы цифровизации организации учебного процесса незаслуженно остаются на периферии научного и законодательного внимания. При этом сохраняет свою актуальность проблема избытка бюрократических процедур, «бумажной работы», выполняемой преподавателями, хотя, на первый взгляд, цифровизация должна была снять бремя

заполнения документов с педагогических кадров или, по крайней мере, облегчить его.

По результатам социологических исследований (2019–2021 гг.), педагоги вынуждены заполнять по крайней мере 49 видов документов; 67% респондентов, работающих на педагогических позициях в учреждениях образования страны, указывают, что ключевой профессиональной проблемой для них выступает высокая документационная нагрузка. Д. Федорова в данной связи, ссылаясь на результаты международных исследований, указывает на то, что российская система образования сохраняет первые позиции в мире по степени бюрократизированности [12]. Впрочем, проблема избытка бюрократической нагрузки в педагогической среде не является специфической для российской системы образования – она проявляется, в той или иной степени, в любом государстве. Как указывает шведский исследователь Ф. Петтерссон, наиболее важными проблемами, с которыми сталкиваются современные педагоги – это (1) проблема разницы в качестве обеспечения в школах и вузах крупных городов и в периферийных учреждениях («педагоги вынуждены выживать в отдаленных сельских регионах») и (2) проблема административной нагрузки педагогов [14, с. 187].

Согласно российскому законодательству, для педагогических работников страны установлена сокращенная продолжительность рабочего времени – не более 36 часов в неделю; в реальной практике педагоги в России оказываются занятыми в течение 46 часов еженедельно, причем существенную долю их рабочего времени составляет заполнение планов и отчетов, подготовка к урокам и проверка контрольных заданий (более 15 часов), что, собственно, практически не учитывается при расчете профессиональной нагрузки педагогических кадров.

В идеальной ситуации цифровизация должна освободить педагога «от несвойственной ему бумажной работы» [13, с. 5]. Реальная практика массового перехода в онлайн-режим обучения показала, что нагрузка на всех субъектов образовательного процесса, напротив, существенно возросла (данное обстоятельство, к примеру, было отмечено 88% опрошенных А.В. Марковой педагогов [7, с. 5]). Индивидуализация образовательной траектории, отмеченная нами выше в качестве преимущества цифрового обучения, выступает, при этом, одной из причин увеличения нагрузки на педагогов. Сегодня педагог, выполняя роль тьютора и модератора учебного процесса, должен подстраиваться под индивидуальные особенности и потребности учеников в большей степени, чем в рамках традиционной педагогической парадигмы [1, с. 5].

Парадоксально, но время, затрачиваемое преподавателями на проверки работ обучающихся, в условиях цифровизации образования также существенно увеличилось [7, с. 6]; кроме того, педагог должен дистанционно коммуницировать с каждым из учеников и оперативно решать возникающие проблемы, тогда как объем стандартной бу-

мажной работы оставался прежним. С.Ю. Головина и О.В. Щербакова в данной связи говорят о том, что выполнение требований к продуктивности педагогов выступает для многих из них ключевым стрессогенным фактором (40% респондентов) [4, с. 547].

По нашему мнению, весьма важным шагом законодателя, направленным на адаптацию текущего статуса законодательных норм к реалиям актуальной педагогической действительности, стал Федеральный закон от 14 июля 2022 г. №298-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [11]. Целью принятия закона стало сокращение документационной нагрузки педагогических работников посредством фиксации перечня документации, подготовку которой должны осуществлять педагоги. Следовательно, возложение на педагогов обязательств, не предусмотренных в новой редакции Федерального закона, находится под запретом. Педагог, таким образом, оказывается избавленным от необходимости составлять документацию, не включенную в официальный перечень.

Вышеописанные изменения затронули и вопросы цифровизации образования: обновленный текст Закона предусматривает право учреждений образования на ведение электронного документооборота без дублирования совокупности документов и отчетности на бумажных носителях [10].

Оценивая меру законодателя, представленную в рамках данного дополнения к Закону, в целом как положительную, можем, при этом, отметить некоторую недоработанность новой правовой нормы. Выделим четыре вектора, по которым, по нашему мнению, возможно дальнейшее совершенствование законодательного сегмента, регулирующего цифровизацию образования и вопросы трудовой нагрузки на педагогов.

Во-первых, Закон закрепляет ведение электронного документооборота как право, а не как обязательство образовательного учреждения, что, в свою очередь, может повлечь за собой игнорирование данной возможности администрацией школ, колледжей, вузов и иных учреждений.

Во-вторых, Закон не предусматривает в перечне обязательств учебного учреждения обучение педагогического состава работе с цифровым инструментарием.

В-третьих, законодатель, урезая перечень документов, подлежащих заполнению педагогом, не учитывает тот факт, что многие из данных видов отчетности могут быть скомпилированы автоматически, без участия человека в принципе.

В-четвертых, Закон не регламентирует ситуации, при которых педагог, вынужденно оказавшийся в ситуации дистанционного обучения, не имеет электронного методического обеспечения и вынужден разрабатывать его самостоятельно, что в ряде случаев многократно увеличивает его рабочую нагрузку.

Таким образом, Закон в новой редакции сохраняет обязательство по выполнению значимой ча-

сти документальной работы за педагогами. В данной связи В.В. Насонкин и Н.В. Путило говорят о целесообразности внедрения практики так называемой «регуляторной гильотины». «Гильотинирование» ориентировано, в первую очередь, на сокращение бюрократии в образовательных учреждениях, на минимизацию количества требований и процедур, связанных с контролем и надзором за педагогическими процедурами [8, с. 325]. Рисками имплементации «гильотины» в образовательной среде исследователи называют следующие: (1) снижение качества образования, отсутствие результативности образования, выраженное в недостаточной степени сформированности требуемых компетенций обучающихся; (2) утрата контроля над деятельностью педагогического состава учреждения и отход от образовательных стандартов и программ [8, с. 326]. Тем не менее, данные риск-факторы, на наш взгляд, вполне преодолимы, а масштабы контроля над деятельностью педагогических кадров могут быть существенно сокращены. Соответственно, можно сделать выводы о возможности дальнейшего сокращения перечня отчетной документации и о переводе множества из них в автоматизированный (или, по крайней мере, в электронный) режим.

Как известно, множество российских вузов уже имеют в распоряжении электронную платформу обучения, с присущими ей функциями электронного расписания, электронными дневниками, электронными тестами и т.п. Данные вузы могут, по нашему мнению, стать площадками для реализации пилотных проектов по цифровизации документооборота. Данная мера, в свою очередь, предполагает принятие ряда подзаконных актов и внутренних регламентов учреждений высшего образования.

Подобные платформы, как известно, позволяют внедрять две степени цифровизации организационных процессов обучения: электронный документооборот (введение данных вручную педагогом) и автоматизированный документооборот (компиляция требуемой отчетности в автоматическом режиме). Автоматизированная компиляция отчетности и документов возможна, в частности, в отношении следующих позиций: рабочая программа по учебному предмету и элективным курсам, календарно-тематический план по учебному предмету и элективным курсам, отчеты об успеваемости (составляемые на базисе заполняемых вручную электронных журналов успеваемости), отчет об исполнении учебной программы по предмету, отчеты о посещаемости. Заполнение данных документов, как очевидно, не требует наличия особых педагогических компетенций специалиста и представляет собой, по сути, механический сбор существующих данных, который можно делегировать автоматизированным системам.

Обратимся к еще одному вектору совершенствования педагогической работы и соответствующего сегмента законодательного массива – получение педагогами цифровых компетенций. На сегодняшний день многие педагоги, не обладающие

достаточными знаниями, умениями и навыками обращения с виртуальным инструментарием, затрачивают много времени на подготовку электронной отчетности, что существенно увеличивает тяжесть возложенного на них бюрократического бремени. Следует согласиться со С.Н. Андреевой: переход к дистанционным формам обучения трансформировал условия труда педагога и «вызвал необходимость повышения компьютерной грамотности некоторых представителей педагогической профессии» [2, с. 37].

Снижение нагрузки на педагогический состав, столкнувшийся в тотальной цифровизацией образовательной среды, возможно, таким образом, исключительно при владении цифровыми компетенциями. В действующем законодательстве уже существуют некоторые нормы, позволяющие педагогам получать «электронные» навыки. В частности, положения ст. 47 Закона об образовании устанавливают право педагогов на бесплатное пользование образовательными, методическими и научными услугами образовательной организации. Руководствуясь логикой данного законодательного положения, можно предположить, что преподаватели имеют право требовать обучения навыкам пользования цифровыми технологиями [4, с. 554]. Тем не менее, данный Закон не фиксирует саму дефиницию понятия «методическая и научная услуга». Текст данной нормы, безусловно, подлежит уточнению – в противном случае цифровизация, как и ранее, будет приводить к увеличению документационной нагрузки на педагогов, что прямо противоречит сути цифровизации и стратегиям цифрового развития, принятым на государственном уровне.

Р.А. Галустов с соавт. также предлагают в данной связи «пересмотреть и обновить профессиональный стандарт «Педагог» с учетом влияния цифровизации на систему образования» [3, с. 459]. Е.В. Иванова, помимо прочего, говорит о необходимости введения нормы об обязательном заключении дополнительного договора с педагогами, переходящими в режим дистанционного обучения, условия которого будут учитывать новую специфику деятельности преподавателя и оградят его от дополнительного увеличения рабочей нагрузки [6].

Четвертым вектором совершенствования законодательства в области цифровизации образования среди выделенных нами является вопрос об отсутствии электронного образовательного контента. Терминологическая категория «электронный образовательный контент» на текущем этапе не зафиксирована в официальных нормативных источниках. При этом, разработка контента подобного рода представляет собой трудоемкий процесс, требующий от преподавателя знаний дисциплины, наличия цифровых компетенций, временных и трудо-затрат. При текущем статусе учебной нагрузки преподавателя, с учетом документационной, научной, методической и иной занятости, педагог зачастую вынужден также выполнять свер-

хручные работы по разработке электронного образовательного контента – на бесплатной основе, что, по нашему мнению, является не что иное как злоупотребление со стороны работодателя (образовательной организации). В данной связи актуальной мерой представляется расширение законодательства и включение в него положения об обязательном заключении гражданско-правового договора на разработку электронных пособий и тестов с соответствующей оплатой.

Таким образом, отечественный законодатель произвел существенные изменения в сфере образования, затрагивающие условия труда лиц, занятых педагогической деятельностью. Описанные нами изменения существенно расширили правовые основания регулирования трудовых отношений с педагогическими работниками в контексте снижения нагрузки и цифровизации образовательной среды. Однако глубинный анализ существующих положений и наблюдение за реальной практикой показывают наличие ряда нерешенных проблем законодательного и организационного характера, что требует принятия оперативных мер по систематизации и расширению норм трудового законодательства и законодательства об образовании.

Литература

1. Аетдинова, Р.Р. Источники рисков педагогической деятельности в условиях цифровизации / Р.Ф. Аетдинова, О.М. Чоросова // Современное педагогическое образование. – 2021. – № 8. – С. 4–8.
2. Андреева, С.Н. Гарантии обеспечения условий труда для отдельных категорий работников в российской федерации / С.Н. Андреева // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 2. – С. 34–39.
3. Галустов, Р.А. Цифровая трансформация образования и анализ возможных рисков: результаты опроса педагогов общеобразовательных организаций / Р.А. Галустов, И.В. Герлах, И.Е. Копченко, О.Н. Спирина, И.А. Твелова, В.М. Хлопкова // ПНиО. – 2021. – № 5 (53). – С. 446–462.
4. Головина, С.Ю. Изменение условий труда педагогических работников высшей школы: правовые аспекты / С.Ю. Головина, О.В. Щербакова // ПНиО. – 2021. – № 4 (52). – С. 547–565.
5. Головчин, М.А. Моделирование формальной институционализации образовательных отношений / М.А. Головчин // Экономика. Социология. Право. – 2020. – № 2 (18). – С. 128–142.
6. Иванова, Е.В. Правовое регулирование труда педагогических работников / Е.В. Иванова // Цифровая наука. – 2020. – № 5. – С. 163–172.
7. Маркова, А.В. Реализация и оценка цифровизации образования: изучение российского опыта / А.В. Маркова // Universum: психология и образование. – 2022. – № 9 (99). – С. 4–6.
8. Насонкин, В. В. «Регуляторная гильотина» в сфере образования: вопросы правового ре-

гулирования и практики реализации / В.В. Насонкин, Н.В. Путило // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2022. – № 2. – С. 309–326.

9. Синебрюхова, В.Л. Применение цифровых образовательных ресурсов и технологий в профессиональной деятельности педагогов: проблемы и пути решения / В.Л. Синебрюхова // КПЖ. – 2021. – № 6 (149). – С. 27–33.
10. Снижена бюрократическая нагрузка на педагогов // Совет Федерации. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.council.gov.ru/events/news/137327/>. – Дата доступа: 07.12.2022.
11. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. N298-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»». – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/404993831/>. – Дата доступа: 07.12.2022.
12. Федорова, Д. В Госдуму внесен законопроект о снижении бюрократической загруженности учителей – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1538731/>. – Дата доступа: 07.12.2022.
13. Хайруллин, Г. Т. О цифровизации образования / Г.Т. Хайруллин // Глобус: психология и педагогика. – 2020. – № 3 (38). – С. 4–7.
14. Pettersson, F. Understanding digitalization and educational change in school by means of activity theory and the levels of learning concept / F. Pettersson // Educ Inf Technol. – 2021. – #26. – С. 187–204.

DIGITALIZATION OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A WAY TO REDUCE TEACHERS' WORKLOAD

Chernyakova S.A.

Moscow State University named after S. Yu. Vitte

Digitalization affects almost all spheres of human life, and in particular – the spheres of labor and education. As the analysis of legislation and real pedagogical practice shows, the issues of digitalization of the organization of the educational process remain on the periphery of scientific and legislative attention. At the same time, the digitalization of education has exacerbated a well-known problem – the problem of excessive workload of teaching staff. One of the effective steps of the legislator aimed at adapting the current status of legislative norms to the realities of current pedagogical reality can be considered the Federal Law of July 14, 2022 N298-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Education in the Russian Federation”. The author of the article identified the positive and negative aspects of the new version of the Law; on the basis of which the ways of further improvement of the regulatory field in the area under consideration are presented. Such directions were identified as securing the obligation to maintain electronic document manage-

ment for educational institutions; obligations to train teaching staff to work with digital tools; transfer of part of the documentation work to an automated mode; issues of concluding an additional agreement on the provision of services for the development of educational content by a teacher.

Keywords: digitalization of education, legislation on education, labor code, informatization, distance learning, workload, teacher.

References

1. Aetdinova, R.R. Sources of risks of pedagogical activity in the conditions of digitalization / R.F. Aetdinova, O.M. Chorosova // Modern pedagogical education. – 2021. – No. 8. – P. 4–8.
2. Andreeva, S.N. Guarantees for ensuring working conditions for certain categories of workers in the Russian Federation / S.N. Andreeva // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 2. – S. 34–39.
3. Galustov, R.A. Digital transformation of education and analysis of possible risks: results of a survey of teachers of educational institutions / R.A. Galustov, I.V. Gerlakh, I.E. Kopchenko, O.N. Spirina, I.A. Tvelova, V.M. Khlopko // PNiO. – 2021. – No. 5 (53). – S. 446–462.
4. Golovina, S. Yu. Changes in the working conditions of pedagogical workers of higher education: legal aspects / S. Yu. Golovina, O.V. Shcherbakova // PNiO. – 2021. – No. 4 (52). – S. 547–565.
5. Golovchin, M.A. Modeling of formal institutionalization of educational relations / M.A. Golovchin // Economics. Sociology. Right. – 2020. – No. 2 (18). – S. 128–142.
6. Ivanova, E.V. Legal regulation of the work of pedagogical workers / E.V. Ivanova // Digital Science. – 2020. – No. 5. – S. 163–172.
7. Markova, A.V. Implementation and evaluation of the digitalization of education: the study of Russian experience / A.V. Markova // Universum: psychology and education. – 2022. – No. 9 (99). – P. 4–6.
8. Nasonkin, V. V. “Regulatory guillotine” in the field of education: issues of legal regulation and implementation practice / V.V. Nasonkin, N.V. Putilo // Bulletin of St. Petersburg State University. Episode 14–2022. – No. 2. – S. 309–326.
9. Sinebryukhova, V.L. The use of digital educational resources and technologies in the professional activities of teachers: problems and solutions / V.L. Sinebryukhova // KPZh. – 2021. – No. 6 (149). – S. 27–33.
10. Reduced bureaucratic burden on teachers // Federation Council. – 2022 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.council.gov.ru/events/news/137327/>. – Date of access: 07.12.2022.
11. Federal Law of July 14, 2022 N298-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Education in the Russian Federation”. – 2022 [Electronic resource]. – Access mode: <https://base.garant.ru/404993831/>. – Date of access: 07.12.2022.
12. Fedorova, D. A draft law on reducing the bureaucratic workload of teachers – 2022 has been submitted to the State Duma [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.garant.ru/news/1538731/>. – Date of access: 07.12.2022.
13. Khairullin, G.T. On the digitalization of education / G.T. Khairullin // Globus: psychology and pedagogy. – 2020. – No. 3 (38). – P. 4–7.
14. Pettersson, F. Understanding digitalization and educational change in school by means of activity theory and the levels of learning concept / F. Pettersson // Educ Inf Technol. – 2021. – #26. – С. 187–204.

Актуальные проблемы подготовки, организации и проведения аукциона по продаже и предоставлению в аренду публичного земельного участка

Березкин Алексей Сергеевич,

аспирант Негосударственного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: alexey_berezkin98@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению неоднозначных вопросов, возникающих в процессе формирования публичного земельного участка и выставления его на аукцион в целях продажи или предоставления в аренду физическим и юридическим лицам. В частности, поднимается проблема наложения границ формируемого для аукциона земельного участка на земельный участок без установленных в законном порядке границ, проблема отсутствия законодательного права организатора аукциона на внесение изменений в извещение о проведении аукциона. Кроме того, рассматривается вопрос, касающийся отсутствия законодательно определенного верхнего (максимального) предела установления начальной цены предмета аукциона, а также анализируется легитимность проведения земельного аукциона в электронной форме. Рассматриваемые в статье вопросы анализируются автором как с точки зрения их законодательного регулирования, так и с позиции их разрешения правоприменительными органами административной и судебной власти Российской Федерации.

Ключевые слова: Продажа земельного участка, аренда земельного участка, аукцион по продаже земельного участка, аукцион по продаже права аренды земельного участка, земельно-имущественные торги.

Комплексные мероприятия по вовлечению в гражданский оборот государственного и муниципального имущества имеют достаточно высокую общественную значимость, поскольку они на взаимовыгодных условиях способствуют успешному договорному сотрудничеству органов публичной власти и частного сектора. Так, посредством проведения торговых процедур, государство продает и предоставляет в аренду различные объекты недвижимого имущества, в том числе и земельные участки, реализация прав на которые пользуется вполне высоким спросом у населения и бизнеса.

Основу правового регулирования отчуждения и передачи в аренду государственных и муниципальных земельных участков составляет глава V.1 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – Земельный кодекс) [1]. Из положений названной главы следует, что по общему правилу договоры купли-продажи и аренды публичных земельных участков заключаются на торгах, проводимых в форме открытых по составу участников аукционов. При этом ключевыми статьями, регламентирующими порядок подготовки, организации и проведения аукциона на такие земельные участки, являются статьи 39.11 и 39.12 Земельного кодекса. Вместе с тем правовая регламентация определенных аспектов аукциона по реализации прав на земельный участок осуществляется не только нормами Земельного кодекса, но также и положениями иных нормативных правовых актов, имеющими весьма немаловажное значение.

Сам порядок подготовки, организации и проведения аукциона по предоставлению прав на публичный земельный участок является достаточно комплексным, в связи с чем его условно можно разделить на несколько последовательных этапов:

- 1) Образование и постановка на государственный кадастровый учет земельного участка в целях его продажи или предоставления в аренду путем проведения аукциона;
- 2) Принятие уполномоченным органом решения о проведении аукциона;
- 3) Подготовка и размещение аукционной документации в установленном законом порядке;
- 4) Рассмотрение поступивших заявок на участие в аукционе и принятие аукционной комиссией решения о допуске/недопуске заявителей к участию в аукционе;
- 5) Проведение аукциона;

6) Заключение договора по результатам аукциона.

Каждый из вышеуказанных этапов характеризуется необходимостью совершения управомоченными субъектами определенных действий в соответствии с положениями Земельного кодекса и иных нормативных правовых актов. При этом в ходе совершения соответствующих действий на практике нередко возникают вопросы, не имеющие зачастую однозначного правового регулирования.

Так, одной из актуальных в настоящее время проблем, возникающих на стадии образования земельного участка в целях его выставления на аукцион, является проблема наложения земельных участков друг на друга. Конечно, названная проблема больше затрагивает непосредственно процедуру формирования и постановки земельного участка на государственный кадастровый учет и имеет опосредованное отношение к аукциону на такой земельный участок, однако именно она во многом оказывает влияние на законность проводимых торгов. Выражение рассматриваемой проблемы заключается в том, что достаточно многие земельные участки все еще имеют статус ранее учтенных в соответствии с положениями Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [2]. Сведения о ранее учтенном земельном участке могут как содержаться в Едином государственном реестре недвижимости, так и отсутствовать в нем, однако ключевое значение в данном случае состоит в отсутствии установленных в законном порядке границ такого земельного участка, что приводит к невозможности определения точного расположения участка на местности. В этой связи уполномоченный орган может принять решение об образовании нового земельного участка на территории, которая фактически принадлежит на каком-либо вещном праве другому лицу.

Возникновение описанной выше ситуации на практике нередко приводит к земельным спорам между органом публичной власти и правообладателем «безграничного» земельного участка. В результате разрешения судом таких споров неблагоприятные последствия могут иметь место как для уполномоченного органа, так и для правообладателя ранее учтенного земельного участка. Например, для органа власти негативные последствия могут состоять в том, что аукцион по продаже или предоставлении в аренду образованного земельного участка и договор, заключенный по результатам такого аукциона, могут быть признаны судом недействительными, при этом выставленный на торги участок будет «снят» с государственного кадастрового учета. В свою очередь правообладатель земельного участка с неустановленными границами в результате вынесения судом решения в пользу уполномоченного органа не сможет установить в законном порядке границы своего участка, поскольку на территории, фактически принадлежащей такому лицу, образован другой земель-

ный участок. Разрешение судом споров такого рода зачастую невозможно без проведения землеустроительной экспертизы, в ходе которой эксперт устанавливает, имеется ли действительное пересечение границ земельных участков. Именно экспертное заключение зачастую ложится в основу принимаемого судом решения.

Также немаловажной проблемой, возникающей уже при организации земельного аукциона, автору видится отсутствие правового регулирования вопроса о возможности внесения организатором торгов изменений в извещение о проведении аукциона. Так, в соответствии с пунктом 19 статьи 39.11 Земельного кодекса извещение о проведении аукциона должно быть размещено на сайте www.torgi.gov.ru (далее – официальный сайт) за 30 дней до дня проведения аукциона. При этом Земельный кодекс не предусматривает возможности внесения изменений в уже опубликованное на официальном сайте извещение.

Вместе с тем объективная необходимость внесения изменений в извещение о проведении аукциона в силу различных факторов зачастую имеется и поэтому реализуется на практике. Нормативное обоснование изменений, вносимых в извещение, может быть следующим. Во-первых, законодательство Российской Федерации не содержит прямого запрета на внесение изменений в извещение. Во-вторых, стоит принять во внимание, что в части, не урегулированной земельным законодательством, в отношении земельного аукциона применяются общие правила о торгах, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс) [3]. Так, Гражданский кодекс в силу пункта 4 статьи 448 наделяет организатора торгов правом отказаться от проведения аукциона после публикации извещения, однако возможность внесения изменений в извещение Гражданским кодексом также не предусматривается. При этом в случае отсутствия прямого законодательного регулирования какого-либо вопроса гражданское законодательство в соответствии со статьей 6 Гражданского кодекса допускает применение к нему аналогии закона и аналогии права. Следовательно, если Гражданский кодекс предоставляет организатору аукциона право отказаться от проведения аукциона, то организатор торгов теоретически имеет право и на внесение изменений в извещение о проведении аукциона. Приведенная позиция находит свое подтверждение в административной и судебной практике. В частности, решение Московского областного УФАС России от 24 сентября 2021 года по жалобе № 37138 [4] указывает на то, что организатор торгов вправе вносить изменения в извещение о проведении аукциона. Аналогичный вывод содержится также и в постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 25 ноября 2022 года по делу № А14–21068/2021 [5].

Как видно из вышеизложенного, правоприменительные органы допускают возможность внесения изменений в извещение о проведении земельного

аукциона, однако законодательная норма о внесении таких изменений, как уже было сказано ранее, отсутствует, что зачастую приводит к обжалованию торгов в административном и судебном порядке в случае внесения организатором торгов изменений в извещение, что ведет в свою очередь к приостановлению процедуры торгов и затягиванию сроков ее проведения.

Между тем в рамках рассматриваемой проблемы стоит принять во внимание тот аспект, что в случае законодательного предоставления организатору торгов права на внесение изменений в извещение, такое право должно предусматривать возможность изменения не любых, а только определенных, не затрагивающих предмет аукциона, условий. Так, изменение условий аукциона в части выставляемого на торги земельного участка, по нашему мнению, должно быть запрещено. Например, замена выставляемого на торги земельного участка другим участком может привести к ситуации, при которой организатором торгов будут нарушены права лиц, которые подали заявки на участие в аукционе до внесения изменений в извещение, поскольку при подаче заявки такие лица рассчитывали на приобретение в собственность или на аренду именно первоначально выставленного на торги земельного участка. В свою очередь внесение изменений в извещение в части, например, переноса даты проведения аукциона видится вполне целесообразным, поскольку такое изменение никаким образом не влияет на сущность аукциона, однако, например, при отсутствии заявок на участие в аукционе, помогает продлить срок заявочной кампании и обеспечить более существенную конкурентную борьбу в рамках аукциона.

Неоднозначным также видится вопрос, касающийся установления уполномоченным органом размера начальной цены предмета аукциона при проведении аукциона на право заключения договора аренды публичного земельного участка. В частности, пункт 14 статьи 39.11 Земельного кодекса предусматривает, что начальная цена предмета аукциона на право заключения договора аренды земельного участка устанавливается по выбору уполномоченного органа в размере ежегодной арендной платы, определенной по результатам рыночной оценки, или же в размере не менее полутора процентов кадастровой стоимости такого земельного участка. Если с начальной ценой предмета аукциона, установленной на основании отчета об оценке, все более-менее понятно, то вот определение такой цены на основании кадастровой стоимости земельного участка вызывает некоторые вопросы. Прежде всего стоит обратить внимание на то, что законодатель предусматривает только нижний (минимальный) предел возможного размера начальной цены предмета аукциона, в то время как верхний (максимальный) предел установления начальной цены законодательно не урегулирован.

Отсутствие верхнего предела начальной цены предмета аукциона может приводить к установлению уполномоченным органом необоснованно вы-

сокого размера такой цены. Понятно, что в ходе проведения аукциона установленная начальная цена предмета аукциона постепенно увеличивается на соответствующий шаг аукциона, однако определенный изначально предельно высокий размер начальной цены может отпугнуть потенциального заявителя от участия в аукционе, что приведет к меньшей конкуренции в процессе его проведения. Таким образом, по нашему мнению, видится необходимость закрепления на законодательном уровне предельно возможного (максимального) размера установления уполномоченным органом начальной цены предмета аукциона при организации торгов на право заключения договора аренды публичного земельного участка в случае определения соответствующей начальной цены в зависимости от размера кадастровой стоимости такого земельного участка.

Помимо этого, нельзя обойти стороной вопрос, касающийся формы проведения аукциона по продаже и предоставлению в аренду публичного земельного участка. Так, еще до недавнего времени правомерность проведения такого аукциона в электронной форме была под вопросом. В частности, электронная форма аукциона посвящена статья 39.13 Земельного кодекса, в пункте 4 которой указано, что порядок проведения аукциона в электронной форме устанавливается федеральным законом. При этом в соответствии с пунктом 7 статьи 34 Федерального закона от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6], положения статьи 39.13 подлежат применению со дня вступления в силу федерального закона, устанавливающего порядок проведения электронных аукционов на государственные и муниципальные земельные участки.

Вместе с тем федеральный закон, устанавливающий порядок проведения аукционов на публичные земельные участки в электронной форме, был принят только в начале октября 2022 года. Принятым Федеральным законом от 07.10.2022 № 385-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и признании утратившей силу части 7 статьи 34 Федерального закона «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 385-ФЗ) [7] предусматривается проведение земельного аукциона исключительно в электронной форме на электронных площадках операторов, функционирующих в соответствии с законодательством о контрактной системе в сфере государственных закупок. Однако Федеральный закон № 385-ФЗ вступает в силу только 1 марта 2023 года, в связи с чем до этого времени правомерность проведения земельного аукциона в электронной форме носит неоднозначный характер.

Правовая неопределенность рассматриваемого вопроса состоит в том, что при отсутствии вступившего в силу федерального закона об электронной

форме проведения земельного аукциона достаточно высокое количество таких аукционов проводилось и проводится в электронной форме. При этом зачастую административные и судебные органы считают проведение электронного аукциона правомерным. Так, в решении Московского областного УФАС России от 28.02.2022 по делу № 6049/22 [8], а также в постановлении Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 18.08.2020 № 21АП-762/2020 по делу № А83-19474/2019 [9] содержатся выводы о том, что проведение электронного аукциона в настоящее время законом не запрещено, и поэтому правомерно.

Однако в решениях антимонопольного органа по данному вопросу встречается и обратная позиция, согласно которой проведение электронного аукциона на земельные участки является неправомерным. Такие выводы следуют из решения Псковского УФАС России от 06.11.2020 по делу № 060/10/18.1-662/2020 [10] и решения Приморского УФАС России от 28.01.2021 по делу № 025/10/18.1-14/2021 [11].

Таким образом, можно отметить неоднозначность складывающейся в разных субъектах Российской Федерации практики антимонопольного органа по рассматриваемому вопросу, которая сохранится, вероятно, до вступления в силу Федерального закона № 385-ФЗ.

Литература

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – 29 октября. – № 44. – Ст. 4147.
2. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – 20 июля. – № 29 (часть I). – Ст. 4344.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – 5 декабря. – № 32. – Ст. 3301.
4. Решение Московского областного УФАС России от 24 сентября 2021 года по жалобе № 37138 // Режим доступа: <https://br.fas.gov.ru/to/moskovskoe-oblastnoe-ufas-rossii/bbe9ebee-a2b0-4edb-beed-a5055bc61607/> – (дата обращения: 11.01.2023).
5. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25 ноября 2022 года по делу № А14-21068/2021 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/> – (дата обращения: 11.01.2023).
6. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2014 № 171-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства

Российской Федерации. – 2014. – 30 июня. – № 26 (часть I). – Ст. 3377.

7. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и признании утратившей силу части 7 статьи 34 Федерального закона «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.10.2022 № 385-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – 10 октября. – № 41. – Ст. 6947.
8. Решение Московского областного УФАС России от 28.02.2022 по делу № 6049/22 // Режим доступа: <https://br.fas.gov.ru/to/moskovskoe-oblastnoe-ufas-rossii/c7ea7a75-a8a3-41c9-9ebe-43cc3ddecfb4/> – (дата обращения: 12.01.2023).
9. Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 18.08.2020 № 21АП-762/2020 по делу № А83-19474/2019 // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/> – (дата обращения: 12.01.2023).
10. Решение Псковского УФАС России от 06.11.2020 по делу № 060/10/18.1-662/2020 // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – (дата обращения: 13.01.2023).
11. Решение Приморского УФАС России от 28.01.2021 по делу № 025/10/18.1-14/2021 // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – (дата обращения: 13.01.2023).

ACTUAL PROBLEMS OF PREPARING, ORGANIZING AND HOLDING AN AUCTION FOR THE SALE AND LEASING OF A PUBLIC LAND PLOT

Berezkin A.S.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article is devoted to the consideration of controversial issues that arise in the process of forming a public land plot and putting it up for auction for the purpose of selling or leasing it to individuals and legal entities. In particular, the problem of imposing the boundaries of a land plot formed for an auction on a land plot without legally established boundaries, the problem of the absence of the legislative right of the auction organizer to amend the notice of the auction is raised. In addition, the issue of the absence of a legally defined upper (maximum) limit for establishing the initial price of the subject of the auction is considered, and the legitimacy of holding a land auction in electronic form is also analyzed. The issues considered in the article are analyzed by the author both from the point of view of their legislative regulation, and from the position of their resolution by law enforcement authorities of the administrative and judicial authorities of the Russian Federation.

Keywords: Sale of a land plot, lease of a land plot, auction for the sale of a land plot, auction for the sale of the right to lease a land plot, land and property auctions.

References

1. Land Code of the Russian Federation dated October 25, 2001 No. 136-FZ (as amended on July 14, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – October 29. – No. 44. – Art. 4147.
2. On the state registration of real estate: Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ (as amended on December 19, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2015. – July 20. – No. 29 (part I). – Art. 4344.
3. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on February 25, 2022) (as amended and supplemented, entered into force on

- September 1, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – December 5. – No. 32. – Art. 3301.
4. Decision of the Moscow Regional OFAS Russia dated September 24, 2021 on complaint No. 37138 // Access mode: <https://br.fas.gov.ru/to/moskovskoe-oblastnoe-ufas-rossii/bbe9e-bee-a2b0-4edb-beed-a5055bc61607/> – (date of access: 01/11/2023).
 5. Resolution of the Arbitration Court of the Central District of November 25, 2022 in case No. A14–21068/2021 // Access mode: <https://kad.arbitr.ru/> – (date of access: 01/11/2023).
 6. On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 171-FZ of June 23, 2014 (as amended on December 27, 2019) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2014. – June 30. – No. 26 (part I). – Art. 3377.
 7. On Amending the Land Code of the Russian Federation and Recognizing Part 7 of Article 34 of the Federal Law “On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 385-FZ of 07.10.2022,” Collection of Legislation Russian Federation. – 2022. – October 10. – No. 41. – Art. 6947.
 8. Decision of the Moscow Regional OFAS of Russia dated February 28, 2022 in case No. 6049/22 // Access mode: <https://br.fas.gov.ru/to/moskovskoe-oblastnoe-ufas-rossii/c7ea7a75-a8a3-41c9-9ebe-43cc3ddecbf4/> – (date of access: 01/12/2023).
 9. Resolution of the Twenty-First Arbitration Court of Appeal dated August 18, 2020 No. 21AP-762/2020 in case No. A83–19474/2019 // Access mode: <https://kad.arbitr.ru/> – (date of access: 12.01.2023).
 10. Decision of the Pskov OFAS Russia dated November 6, 2020 in case No. 060/10/18.1–662/2020 // Access from the legal reference system ConsultantPlus. – (date of access: 01/13/2023).
 11. Decision of the Primorsky OFAS Russia dated January 28, 2021 in case No. 025/10/18.1–14/2021 // Access from the legal reference system ConsultantPlus. – (date of access: 01/13/2023).

Сравнительно-правовой анализ системы государственных пособий гражданам, имеющих детей в США и РФ

Верещагин Игорь Олегович,

студент, Юридическая школа, ФГАО ВО «Дальневосточный
Федеральный университет»
E-mail: vereshchagin.io@students.dvfu.ru

Прасков Данила Андреевич,

студент, Юридическая школа, ФГАО ВО «Дальневосточный
Федеральный университет»
E-mail: praskov_2001@mail.ru

Ковалева Милена Дмитриевна,

студент, Юридическая школа, ФГАО ВО «Дальневосточный
Федеральный университет»
E-mail: kovaleva.mdm@students.dvfu.ru

В статье рассматривается система государственных пособий гражданам, имеющим детей в Соединенных Штатах Америки (далее – США), выявляются проблемы и недостатки рассматриваемой системы, проводится сравнительно-правовой анализ с системой государственных пособий гражданам, имеющим детей в Российской Федерации (далее – РФ). Кроме того, авторами выделены преимущества российской и американской правовых систем в аспекте рассматриваемой темы. Цель научной работы заключается в осуществлении сравнительно-правового анализа между правовыми системами США и РФ по вопросу предоставления государственных пособий гражданам, имеющим детей, выявлении преимуществ и недостатков каждой из указанных правовых систем. Методологическую основу исследования составили общенаучные и научно-исследовательские методы исследования (анализ, синтез, сравнение, обобщение, индукция, дедукция). Результатами исследования явились проведение сравнительно-правового анализа по вопросу предоставления государственных пособий гражданам, имеющим детей в США и РФ, в результате которого были выявлены проблемы и недостатки системы государственных пособий, установленных в США, а также выявлены преимущества российской и американской правовых систем.

Ключевые слова: государственные пособия гражданам, имеющим детей; система государственных пособий в США и РФ; пособие на ребенка; прожиточный минимум; многодетная семья.

Сведения о системе государственных пособий в Соединенных Штатах Америки (далее по тексту – США) закреплены в Рекомендациях по уровню бедности на 2022 год [1], утвержденные Министерством здравоохранения и социальных служб США в соответствии с 42 USC9902 (2), и законе США от 1993 г. № 28 USC2461 «Об отпуске по семейным и медицинским причинам» [2]. На основании указанных актов, изданных на федеральном уровне, в систему государственных пособий **входит только пособие на ребенка.**

Как справедливо отмечает Дородонова Н.В., в США система социального обеспечения, в том числе лиц, имеющих детей, существенным образом отличается от иных стран. В США не существует единой системы выплат, но разработаны различные программы, которые адресованы различным категориям лиц, действующие в масштабах всего государства, а также в ряде штатов [3, с. 245]. К мнению Дородоновой Н.В. также присоединяются Сальников В.П. и Романовская Л.Р., которые отмечают, что основной задачей социальной поддержки лиц, имеющих детей, в США является не стимулирование рождаемости, как в РФ, Японии, Южной Кореи и других странах, а закрытие минимально необходимых потребностей [4, с. 101].

Кроме того, Дородонова Н.В. также выделяет классификацию видов социальной поддержки граждан, имеющих детей, в США, в которую включает: поддержание доходов (прямые денежные выплаты и налоговые льготы); натуральная помощь (продовольственные талоны и др.); социальные услуги (реальная помощь по уходу за детьми, работа с отцами, уклоняющимися от уплаты алиментов и др.); жилищные программы (субсидии на строительство, компенсация оплаты коммунальных услуг или аренды жилья и др.); образовательные программы (помощь в получении образования малообеспеченных детей); медицинская помощь (медицинское страхование детей и др. меры). Дородонова Н.В. также в целом отмечает о преобладании натуральной формы социального обеспечения граждан, имеющих детей, в США [5, с. 25].

В качестве особенности системы социального обеспечения США можно выделить отсутствие пособий: по беременности и родам, при рождении ребенка и по уходу за ним, которые существуют в рассмотренных настоящей работой странах. Вместе с тем, в упомянутом законе «Об отпуске по семейным и медицинским причинам» предусматривается неоплачиваемый отпуск с сохранением рабочего места на срок до 12 недель в течении любых 12 месяцев в связи с рождением ребенка и для

ухода за ним. Таким образом, отпуск по беременности и родам и по уходу за ребенком составляет 12 недель в целом.

Как уже было отмечено ранее, единственным государственным пособием, установленным на федеральном уровне, является пособие на ребенка, установленное Рекомендациями. Указанное пособие выплачивается гражданам, годовой доход которых на семью ниже установленных Рекомендациями пределов. Так, при расчете последнего принимаются во внимание все члены семьи, кроме детей младше 8 лет. В 48 сопредельных штатах и округе Колумбии установлен единый федеральный порог бедности на уровне: 13590 долларов США – 1 человек в семье; 18310 долларов США – 2 человека в семье; 23030 долларов США – 3 человека в семье; 27750 долларов США – 4 человека в семье и т.д.

Вместе с тем, для штатов Аляска и Гавайи установлены специальные, повышенные пороги бедности. Граждане, проживающие в штате Аляска, имеют право на получения пособия на ребенка только в том случае, если их годовой доход на семью не превышает: 16990 долларов США – 1 человек в семье (старше 8 лет); 22890 долларов США – 2 человека в семье; 28790 долларов США – 3 человека в семье и т.д. Для штата Гавайи установлены следующие пределы: 15630 долларов США – 1 человек в семье; 21060 долларов США – 2 человека в семье; 26490 долларов США – 3 человека в семье и т.д.

Для обеспечения получения населением минимального, достаточного для жизни заработка был принят закон США от 24.07.2009 г. «О справедливых трудовых стандартах» [6], которым устанавливается минимальный размер оплаты труда в виде минимальной почасовой ставки – 7 долларов и 25 центов США. Указанный минимальный размер почасовой ставки является федеральным и распространяется на всю территорию США. Вместе с тем, на уровне штата может быть принят специальный нормативно-правовой акт о минимальной заработной плате в соответствующем штате, которая не может быть ниже федеральной. Так, законом штата Аризоны от 30.03.2016 г. «О справедливой заработной плате и здоровых семьях» [7] минимальная почасовая ставка в 2022 году установлена в размере 12 долларов и 80 центов США. В штате Колорадо был издан приказ от 01.01.2022 г. № 38 «О сверхурочных и минимальной оплате труда в Колорадо» [8], который также устанавливает повышенный размер минимальной почасовой ставки на 2022 год в размере 12 долларов 56 центов США.

Кроме того, специальные, повышенные размеры минимальной почасовой ставки могут устанавливаться не только на уровне штатов, но и на уровне муниципальных образований. Так, например, в городе Флагстафф, находящемся в штате Аризона, была установлена минимальная почасовая ставка в размере 15 долларов США [9].

В качестве второго условия для назначения и выплаты пособия на ребенка необходимо выде-

лать наличие ребенка, не достигшего возраста семнадцати лет.

Размер указанного пособия составляет разница между получаемыми семьей доходами и установленными порогами бедности. Так, в случае наличия трех членов семьи, проживающих в штате Калифорния, годовой доход которых суммарно составляет 20000 долларов США, им подлежит выплата 3030 долларов США. Пособие на ребенка выплачивается ежемесячно уполномоченному лицу, обратившемуся за его назначением.

В том случае, если членами семьи являются также безработные трудоспособные граждане, то на них возлагается обязанность по началу осуществления трудовой функции в течение двух календарных лет со дня назначения указанного пособия.

Пособие на ребенка, установленное в США, выплачивается до суммарного получения семьей дохода, превышающего порог бедности, либо до достижения ребенком возраста семнадцати лет, либо в случае неисполнения обязанности по трудоустройству в течение установленного срока.

Отличиями от пособия на ребенка, установленного на территории РФ, выступают:

1) условия и порядок назначения и выплаты указанного пособия, а также размер и продолжительность его выплаты, предусматриваются на уровне регионального правотворчества (субъектом РФ). На территории, например, Приморского края вышеуказанные вопросы регулирует Закон Прим. края от 29.12.2004 г. № 217-КЗ (ред. от 27.06.2022 г.) «О защите прав ребенка в Приморском крае» [10] и Постановление Губернатора Прим. края от 02.06.2016 г. № 32-пг (ред. от 26.07.2022 г.) «О порядке назначения и выплаты пособия на ребенка» [11].

2) Нуждаемость в получении указанного пособия определяется исходя из ежемесячных доходов семьи, которые в среднестатистическом выражении должны быть ниже прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте РФ.

3) Устанавливается твердый, не дифференцированный размер пособия на ребенка, который подлежит обязательной ежегодной индексации.

4) Рассматриваемое пособие выплачивается при наличии детей, не достигших возраста семнадцати лет (в случае обучения в общеобразовательной организации – до ее окончания либо до достижения ребенком возраста семнадцати лет).

5) Пособие на ребенка назначается на один календарный год. Уполномоченное лицо после истечения указанного срока вправе вновь обратиться за его назначением.

Как справедливо отмечают Супян В.Б. и Минакова Н.В., США является федеративным государством и имеют как федеральное, так и региональное правотворчество (законы и программы поддержки граждан, имеющих детей). В связи с этим социальная поддержка семей и детей существенным образом отличается в зависимости от штата [12, с. 10]. Таким образом, также необходимо изу-

чить и пособия, установленные в различных штатах США.

Так, например, в штате Калифорнии действует специальная региональная программа помощи семьям – «Калифорнийские возможности для работы и осуществления обязанностей по воспитанию детей» (далее по тексту – программа), принятая решением Сената штата Калифорнии от 10.07.2015 г. № 220 [13]. Указанная программа включает в себя: предоставление денежного пособия; помощи в поиске работы; предоставление продовольственных талонов; бесплатную медицинскую страховку и другую социальную поддержку в зависимости от конкретных обстоятельств.

Условиями назначения пособий в денежной и натуральной формах программы выступают: бенефициар указанной программы (родитель или опекун) должен быть гражданином США или соответствовать требованиям нахождения на территории США; бенефициар должен проживать в Калифорнии; бенефициар не должен быть беглым преступником или осужденным за преступления в сфере оборота наркотических средств; бенефициар должен осуществлять уход хотя бы за одним ребенком в возрасте до 18 лет (или до 19 лет, если ребенок должен окончить среднюю школу до своего 19-летия); выплата назначается неполным семьям (один родитель отсутствует: ушел из семьи, умер, находится в тюрьме и т.д.) либо семьям, в которых второй родитель является безработным либо инвалидом; в случае наличия малолетнего ребенка (до 6 лет) ему должны быть сделаны все стандартные медицинские прививки; ребенок школьного возраста должен регулярно посещать школу; доход семьи не должен превышать определенные установленные пределы (признак нуждаемости в получении указанной программы). В штате Калифорния установлены следующие дифференцированные пределы дохода семьи в месяц: 1242 доллара США – наличие одного ребенка; 1539 долларов США – наличие двух детей и т.д.

Размер выплачиваемого денежного пособия по вышеуказанной программе также является дифференцированным и зависит от количества детей и получаемого семейного дохода. При наличии одного ребенка максимальная сумма пособия по программе CalWORKs составляет 733 доллара США, при наличии двух детей – 925 долларов США, при наличии трех детей – 1116 долларов США, при наличии четырех детей – 1308 долларов США и т.д.

Продолжительность выплаты денежного пособия по рассматриваемой программе, установленной в штате Калифорния, составляет 48 календарных месяцев. После окончания указанного срока управомоченное лицо при соблюдении всех условий может вновь обратиться за назначением и выплатой денежного пособия.

Как уже было отмечено ранее, наравне с прямыми денежными выплатами (денежными пособиями) гражданам, имеющим детей, в США большое значение также имеют и предоставляемые льготы. Так, например, налоговый вычет на детей позволя-

ет экономить от 3000 до 3600 долларов США в год семье на каждого ребенка [14]. Граждане, имеющие детей, также могут претендовать и на получение налогового вычета на заработанный доход, если последний не превышает 42 158 долларов США в год.

Кроме того, граждане, имеющие детей, в США могут компенсировать затраты на специальный, профессиональный уход за детьми до 4000 долларов США в год. Важным условием получения этой компенсации должны быть фактические траты на указанный профессиональный уход.

Вместе с тем, необходимо также отмечать и о поддержке усыновителей в США. Так, последним предоставляется кредит на усыновление до 14440 долларов США на ребенка. По мнению законодателя, это может помочь компенсировать судебные и иные расходы (проезд, питание и др.).

Система социального обеспечения США существенно образом отличается от систем иных стран азиатско-тихоокеанского региона (далее по тексту – АТР). Последнее связано с целью соответствующего правового регулирования, которая, по мнению правоведов, выражается в поддержке минимально необходимых потребностей, а не в стимулировании рождаемости. Вышеуказанное находит свое подтверждение непосредственно в мерах государственной поддержки – единственным федеральным пособием является пособие на ребенка, основанием для назначения и выплаты которого служит низкий уровень жизни семьи (получаемый семейный доход должен быть ниже федерального порога бедности). Кроме того, особенностями рассматриваемого правового регулирования также выступают:

1) преобладающее значение регионального правотворчества. Система региональных обеспечительных мер включает в себя большое количество программ, отдельных денежных пособий и льгот, установленных только на территории конкретного штата, позволяющих поддерживать высокий уровень жизни граждан, имеющих детей.

2) Социальное обеспечение граждан, имеющих детей, осуществляется, в том числе, при помощи натуральных и не прямых денежных форм. Так, наиболее распространенными являются налоговые льготы, бесплатное медицинское страхование, кредитование, продовольственные талоны.

В качестве преимуществ рассматриваемой системы необходимо выделять: развитость регионального нормативно-правового регулирования, посредством которого устанавливается специальная система пособий гражданам, имеющим детей, и предоставляются обширные меры социального обеспечения как натуральной, так и денежной формы обеспечения; нефиксированный размер федерального пособия на ребенка, сумма которого определяется индивидуально в зависимости от множества факторов (получаемый доход, количество детей и трудоспособных членов семьи и др.).

Недостатком указанной системы пособий, по нашему мнению, выступает социальная неза-

щищенность, уязвимость различных категорий населения, например: беременных женщин в связи с неоплачиваемым и непродолжительным отпуском по беременности и уходом за ребенком; беременных и родивших жен военнослужащих, проходящих военную службу. Кроме того, в качестве недостатка системы пособий, установленных на территории США, необходимо отмечать отсутствие первоначальной поддержки со стороны государства при рождении ребенка, что также, по нашему мнению, обусловлено целями правового регулирования.

Литература

1. U.S. Federal Poverty Guidelines Used to Determine Financial Eligibility for Certain Programs: notice Department of Health and Human Services от 12.01.2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aspe.hhs.gov/topics/poverty-economic-mobility/poverty-guidelines> (дата обращения: 03.01.2023 г.)
2. The Family and Medical Leave: law U.S. Department of Labor (DOL) Wage and Hour Division (WHD) от 05.02.1993 г. № 28 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dol.gov/agencies/whd/laws-and-regulations/laws/fmla> (дата обращения: 03.01.2023 г.)
3. Дородонова Н.В. Исторические предпосылки развития правовой регламентации в сфере социального обеспечения детей в США // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6 (125). Ст. 242–247
4. Романовская Л.П., Сальников В.П. Социальная поддержка населения в США: опыт реализации права на социальное обеспечение // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 9. Ст. 99–104
5. Дородонова Н.В. История становления государственной политики в области защиты детства и социального обеспечения детей в США // Вопросы российского и международного права. 2018. № 7А. Ст. 23–28
6. The Fair Labor Standards: law U.S. Department of Labor (DOL) Wage and Hour Division (WHD) от 24.07.2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dol.gov/agencies/whd/flsa> (дата обращения: 03.01.2023 г.)
7. The Fair Wages and Healthy Families: law State of Arizona от 30.03.2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://apps.azsos.gov/election/2016/general/ballotmeasuretext/l-24-2016.pdf> (дата обращения: 03.01.2023 г.)
8. On overtime and minimum wage in Colorado: order of the State of Colorado от 01.01.2022 г. № 38 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cdle.colorado.gov/sites/cdle/files/INFO%20%231%20COMPS%20Order%20%2338%20%282022%29.pdf> (дата обращения: 03.01.2023 г.)
9. The Minimum Wage: law by the Mayor of Flagstaff от 28.11.2016 г. [Электронный ресурс]. – Ре-

жим доступа: <https://goo.su/oYGzt> (дата обращения: 03.01.2023 г.)

10. О защите прав ребенка в Приморском крае: Закон Прим. края от 29.12.2004 г. № 217-КЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/494220986> (дата обращения: 05.01.2023 г.)
11. О порядке назначения и выплаты пособия на ребенка: Пост. Губернатора Прим. края от 02.06.2016 г. № 32-пг [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/423916309> (дата обращения: 05.01.2023 г.)
12. Минакова Н.В., Супян В.Б. США: роль государства в экономике и обеспечение социально-экономической безопасности // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 10 (550). Ст. 3–21
13. On the approval of the California Work Opportunity and Responsibility to Kids program: decision California State Senate от 10.07.2015 г. № 220 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ccrca.org/resources/family-resource-directory/item/california-work-opportunities-and-responsibility-for-kids-calworks/> (дата обращения: 03.01.2023 г.)
14. American Rescue Plan: law of USA от 11.03.2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www-doi-gov.translate.google.com/translate?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 03.01.2023 г.)

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE SYSTEM OF STATE BENEFITS FOR CITIZENS WITH CHILDREN IN THE USA AND THE RUSSIAN FEDERATION

Vereshchagin I.O., Praskov D.A., Kovaleva M.D.
Far Eastern Federal University

This article examines the system of state benefits for citizens with children in the United States of America (hereinafter referred to as the USA), identifies the problems and shortcomings of the system under consideration, conducts a comparative legal analysis with the system of state benefits for citizens with children in the Russian Federation (hereinafter referred to as the Russian Federation). In addition, the authors highlighted the advantages of the Russian and American legal systems in the aspect of the topic under consideration. The purpose of the scientific work is to carry out a comparative legal analysis between the legal systems of the USA and the Russian Federation on the issue of providing state benefits to citizens with children, identifying the advantages and disadvantages of each of these legal systems. The methodological basis of the study was made up of general scientific and private scientific research methods (analysis, synthesis, comparison, generalization, induction, deduction). The results of the study were a comparative legal analysis on the provision of state benefits to citizens with children in the United States and the Russian Federation, as a result of which the problems and shortcomings of the system of state benefits established in the United States were identified, as well as the advantages of the Russian and American legal systems were revealed.

Keywords: state benefits to citizens with children; the system of state benefits in the USA and the Russian Federation; child benefit; living wage; large family

References

1. U.S. Federal Poverty Guidelines Used to Determine Financial Eligibility for Certain Programs: notice Department of Health and

- Human Services from 12.01.2022 г. [Electronic resource]. – Access mode: <https://aspe.hhs.gov/topics/poverty-economic-mobility/poverty-guidelines> (accessed: 05.01.2023)
2. The Family and Medical Leave: law U.S. Department of Labor (DOL) Wage and Hour Division (WHD) from 05.02.1993 г. № 28 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.dol.gov/agencies/whd/laws-and-regulations/laws/fmla> (accessed: 05.01.2023)
 3. Dorodonova N.V. Historical prerequisites for the development of legal regulation in the field of child welfare in the USA // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. № 6 (125). Art. 242–247
 4. Romanovskaya L.R., Salnikov V.P. Social support of the population in the USA: the experience of realizing the right to social security // Legal science: history and modernity. 2015. № 9. Art. 99–104
 5. Dorodonova N.V. The history of the formation of state policy in the field of child protection and child welfare in the United States // Issues of Russian and international law. 2018. № 7A. Art. 23–28
 6. The Fair Labor Standards: law U.S. Department of Labor (DOL) Wage and Hour Division (WHD) from 24.07.2009 г. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.dol.gov/agencies/whd/flsa> (accessed: 05.01.2023)
 7. The Fair Wages and Healthy Families: law State of Arizona from 30.03.2016 г. [Electronic resource]. – Access mode: <https://apps.azsos.gov/election/2016/general/ballotmeasure-text/l-24-2016.pdf> (accessed: 05.01.2023)
 8. On overtime and minimum wage in Colorado: order of the State of Colorado from 01.01.2022 г. № 38 [Electronic resource]. – Access mode: <https://cdle.colorado.gov/sites/cdle/files/INFO%20%231%20COMPS%20Order%20%2338%20%282022%29.pdf> (accessed: 05.01.2023)
 9. The Minimum Wage: law by the Mayor of Flagstaff from 28.11.2016 г. [Electronic resource]. – Access mode: <https://goo.su/oYGzt> (accessed: 05.01.2023)
 10. On the protection of the rights of the child in the Primorsky Territory: The Law of the Primorsky Territory of 29.12.2004 № 217-KZ [Electronic resource] – Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/494220986> (accessed: 05.01.2023)
 11. On the procedure for the appointment and payment of child benefits: Decree of the Governor of Primorsky Krai of 02.06.2016 № 32-dg [Electronic resource] – Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/423916309> (accessed: 05.01.2023)
 12. Minakova N.V., Supyan V.B. USA: the role of the state in the economy and ensuring socio-economic security // USA and Canada: economics, politics, culture. 2015. № 10 (550). Art. 3–21
 13. On the approval of the California Work Opportunity and Responsibility to Kids program: decision California State Senate from 10.07.2015 г. № 220 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.ccrcca.org/resources/family-resource-directory/item/california-work-opportunities-and-responsibility-for-kids-calworks/> (accessed: 05.01.2023)
 14. American Rescue Plan: law of USA from 11.03.2021 г. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.doi.gov.translate.google.com/translate?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (accessed: 05.01.2023)

Развитие правового регулирования перевода жилого помещения в нежилое

Давыдов Тамерлан Владимирович,

студент, Юридическая школа, ФГАО ВО «Дальневосточный
Федеральный университет»

E-mail: Tamerlan_Davidov@icloud.com

Прасков Данила Андреевич,

студент, Юридическая школа, ФГАО ВО «Дальневосточный
Федеральный университет»

E-mail: praskov_2001@mail.ru

Ковалева Милена Дмитриевна,

студент, Юридическая школа, ФГАО ВО «Дальневосточный
Федеральный университет»

E-mail: kovaleva.mdm@students.dvfu.ru

В данной статье рассматриваются условия для перевода жилого помещения в нежилое, основания для отказа в совершении такого перевода, проблемы практической реализации (правоприменения) по ряду условий перевода помещений, выявляется и анализируется противоречивая судебная практика по бланкетному условию перевода жилого помещения, выявляется пробел правового регулирования при закреплении законодателем одного из условий перевода, а также предлагаются варианты преодоления выявленных проблем и пробелов. Цель научной работы заключается в анализе действующего правового регулирования, посвященного переводу жилых помещений в нежилые, определении проблем и пробелов правового регулирования и правоприменения в аспекте условий совершения такого перевода, а также в предложении мер для совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Методологическую основу исследования составили общенаучные и научно-научные методы исследования (анализ, синтез, обобщение, индукция, дедукция). Результатами исследования явились выявление исчерпывающего перечня условий для перевода жилого помещения в нежилое, проблемы отсутствия единообразной правоприменительной практики и пробела правового регулирования в части определения категории «постоянного места жительства».

Ключевые слова: жилое помещение, основания для перевода жилого помещения, отказ в переводе жилого помещения, согласие всех собственников жилых помещений, целевое назначение земельного участка.

В настоящее время вопросы перевода жилого помещения в нежилое, в том числе вопросы, касающиеся условий, порядка перевода и оснований для его отказа, в полном объеме регулируются положениями Жилищного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188 (ред. от 21.11.2022 г.) [1] (далее – ЖК РФ).

Положения ЖК РФ, как уже было отмечено ранее, в полном объеме, исчерпывающим образом регулируют общественные отношения, связанные с переводом жилого помещения в нежилое. Последнее находит выражение:

1) в закреплении исчерпывающих условий для перевода жилого помещения, среди которых:

А) общее соблюдение требований ЖК РФ и Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190 (ред. от 19.12.2022 г.) [2] (далее – ГрК РФ);

Б) жилое помещение, которое в будущем будет переведено в нежилое, должно иметь отдельный доступ без использования помещений, находящихся в общей долевой собственности других собственников, обеспечивающих доступ к иным жилым помещениям, либо должна быть техническая возможность оборудования такого отдельного доступа (действует в связи с положением о последующем исключении доступа к переведенному помещению с использованием помещений, обеспечивающих доступ к иным жилым помещениям, т.е. общих подъездов, лестничных клеток и т.п.);

В) переводимое помещение не должно быть частью иного жилого помещения;

Г) переводимое жилое помещение не должно признаваться в качестве места постоянного проживания, а равно не должно быть обременено правами каких-либо лиц;

Д) переводимое помещение, расположенное в многоквартирном доме, должно находиться на первом этаже (или на втором и иных этажах, если нижестоящие помещения являются нежилыми);

Е) запрет на перевод помещения в жилищном фонде социального использования, а равно запрет на перевод помещения в целях осуществления какой-либо религиозной деятельности.

На первый взгляд, исчерпывающий перечень условий для перевода жилого помещения в нежилое позволяет четко сформулировать смысл, правовую природу правовых норм, сделать работу правоприменительных органов, разрешающих вопрос о переводе или об отказе в переводе жилого помещения, эффективной, не допускающей ошибок, не нарушающей права и законные интересы граждан, ограничивает дискреционные полномочия указанных органов.

Вместе с тем, за указанной совокупностью очевидных преимуществ нормативного закрепления исчерпывающих условий для перевода жилых помещений в нежилые, существует и недостатки, заключающиеся в низком уровне правотворческой техники законодателей, недостаточности легального толкования правовых норм, в частности об условиях перевода жилых помещений, противоречивой судебной и административной практике.

Выделение вышеуказанных недостатков связано с одним из условий перевода жилого помещения в нежилое – общее соблюдение требований ЖК РФ и ГрК РФ при разрешении вопроса о переводе или об отказе в переводе жилого помещений. В связи с бланкетным характером указанного условия его следствием явилось крайне широкое действие части правовой нормы, для исполнения которой правоприменительные органы должны проанализировать большой массив нормативного материала, включая ЖК РФ и ГрК РФ, и детально изучить предъявляемые требования к земельным участкам и т.д.

Последнее, в том числе обуславливает возникновение ранее упомянутого недостатка, связанного с противоречивой судебной и административной практикой, когда правоприменительные органы ненадлежащим образом изучают и анализируют большой массив нормативного материала, в связи с чем принимают незаконные решения, нарушают права и законные интересы граждан.

Так, представляется интересной судебная практика на примере судебных актов (решения, апелляционного и кассационного определения) Центрального районного суда г. Тюмени, областного суда Тюменской области и судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации [3] (далее – ВС РФ).

Гражданин обладал на праве собственности земельным участком и жилым домом, находящимся на его территории. Причем по виду разрешенного использования земельный участок предназначался для озеленения территорий общего пользования, сохранения чистой окружающей среды, т.е. рекреационного назначения, при котором размещение объектов капитального строительства, в том числе объектов административно-бытового назначения, не разрешается по закону (заявитель возвел вышеуказанный жилой дом, когда вид разрешенного использования предусматривал возведение многоквартирных, многоэтажных домов плотной застройки).

Управа Центрального административного округа администрации г. Тюмени, являясь уполномоченным органом на разрешение вопросов, связанных с выдачей решений о переводе жилого помещения, приняло решение об отказе в таком переводе по общему основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 ЖК РФ, – несоблюдение условий при переводе жилого помещения в части нарушения обязательных требований ГрК РФ и Земельного кодекса РФ от 25.10.2001 г. № 136 (ред. от 05.12.2022 г.) [4] (далее – ЗК РФ). Как уже было

отмечено ранее, нарушение требований связано с видом разрешенного использования земельного участка, не предусматривающего размещение административно-бытовых помещений на нем.

Центральный районный суд г. Тюмени согласился с уполномоченным органом. Суд первой инстанции принимал во внимание наличие специального условия о соблюдении законодательства РФ в части жилищного и градостроительного массива нормативно-правовых актов, совместно с положениями о невозможности размещения объектов капитального строительства на земельном участке рекреационного назначения.

Вместе с тем, Томский областной суд принял апелляционное определение по жалобе гражданина, которым отменил решение суда первой инстанции и принял по делу новое решение. Суд апелляционной инстанции признал незаконным решение об отказе в переводе жилого помещения в нежилое, причиной принятия которого явилось отсутствие прямо предусмотренного в ЖК РФ условия для перевода и основания для отказа в таком переводе соответственно.

По мнению авторов настоящего исследования, судебной коллегией по гражданским делам Томского областного суда не в полной мере были изучены условия для перевода и основания для отказа, предусмотренные ЖК РФ. В том числе не в полной мере была проанализирована правовая природа указанных норм, призванных в совокупности и в полном объеме соблюсти законодательство РФ в аспекте градостроительного и земельного законодательства.

Позицию авторов подтверждает принятое позднее кассационное определение судебной коллегии ВС РФ № 89-КГ15–9 от 10.11.2015 г. (далее – Определение ВС РФ). Указанное Определение ВС РФ заключается в том, что суды обязаны при разрешении подобных дел детально анализировать и в совокупности с иными нормативно-правовыми актами рассматривать возможность перевода жилого помещения в нежилое.

Судебной коллегией по гражданским делам ВС РФ отмечается, что при таких обстоятельствах оснований для отмены решения суда первой инстанции у суда апелляционной инстанции не имелось. Решение Центрального районного суда г. Тюмени оставлено в силе, а апелляционное определение подлежит отмене.

С учетом вышеизложенного, необходимо отметить о существовании в настоящее время противоречивой судебной практики, заключающейся в том, что суды могут не принимать в достаточной мере ко вниманию бланкетные, неконкретные требования к переводу жилых помещений.

С целью разрешения указанной проблемы авторы настоящего исследования предлагают осуществить легальное толкование статей 22–24 ЖК РФ Верховным Судом РФ, посредством издания интерпретационных актов.

Наряду с указанной проблемой, как справедливо отмечают Ефремов Е.Н., Минеев В.А. и Наумки-

на А.В. [5, с. 45], выделяют и проблему недостаточности нормативно-правового регулирования, наличия пробелов в части одного из условий перевода жилого помещения в нежилое. Так, как уже было отмечено ранее, условием для перевода выступает непризнание жилого помещения в качестве места постоянного проживания для собственника или иных лиц.

Вместе с тем, законодателем не была закреплена прямая дефиниция места постоянного проживания (существует лишь определение места жительства) и в течении какого времени гражданин должен проживать в том или ином жилом помещении для признания его проживания постоянным в таком помещении.

Вышеуказанные вопросы, по мнению авторов настоящего исследования, должны быть разрешены законодателем, в том числе для эффективного правоприменения при принятии решения о переводе и для отграничения от сходной категории «преимущественно проживает» [6].

Таким образом, авторами настоящего научного изыскания был обнаружен ряд проблем и пробелов правового регулирования, разрешить которые позволит издание интерпретационных актов при легальном толковании правовых норм и внесение изменений в действующее правовое регулирование для определения понятия «место постоянного проживания».

Литература

1. Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 05.01.2023 г.)
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 05.01.2023 г.)
3. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.11.2015 г. по делу № 89-КГ15–9 – URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/f563f93a64db84c315d5e37c67efe7d3/> – Текст: электронный.
4. Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 05.01.2023 г.)
5. Ефремов Е.Н., Минеев В.А., Наумкина А.В. Перевод жилого помещения в нежилое и нежи-

лого помещения в жилое: проблемы реализации // Символ науки: международный научный журнал. 2022. № 5–1. Ст. 44–48

6. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть вторая: федер. закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 05.01.2023 г.)

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE TRANSFER OF RESIDENTIAL PREMISES TO NON-RESIDENTIAL

Davidov T.V., Praskov D.A., Kovaleva M.D.
Far Eastern Federal University

This article examines the conditions for the transfer of residential premises and non-residential, the grounds for refusal to make such a transfer, the problems of practical implementation (enforcement) on a number of conditions for the transfer of premises, identifies and analyzes contradictory judicial practice on the blank condition of the transfer of residential premises, identifies a gap in legal regulation when the legislator fixes one of the conditions of the transfer, and also suggests options for overcoming the identified problems and gaps. The purpose of the scientific work is to analyze the current legal regulation on the transfer of residential premises to non-residential, identify problems and gaps in legal regulation and law enforcement in terms of the conditions for making such a transfer, as well as to propose measures to improve legislation and law enforcement practice. The methodological basis of the study was made up of general scientific and private scientific research methods (analysis, synthesis, generalization, induction, deduction). The results of the study were the identification of an exhaustive list of conditions for the transfer of residential premises to non-residential, the problem of the lack of uniform law enforcement practice and a gap in legal regulation regarding the definition of the category of “permanent residence”.

Keywords: residential premises, grounds for the transfer of residential premises, refusal to transfer residential premises, consent of all owners of residential premises, the purpose of the land plot.

References

1. Housing Code of the Russian Federation: feder. Law of 29.12.2004 № 188-FZ [Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (accessed: 05.01.2023)
2. Urban Planning Code of the Russian Federation: feder. Law of 29.12.2004 № 190-FZ [Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (accessed: 05.01.2023)
3. The ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.11.2015 in case № 89-KG15–9 – URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/f563f93a64db84c315d5e37c67efe7d3/> – Text: electronic.
4. Land Code of the Russian Federation: feder. Law of 25.10.2001 № 136-FZ [Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (accessed 05.01.2023)
5. Efremov E.N., Mineev V.A., Naumkina A.V. Transfer of residential premises to non-residential and non-residential premises to residential: problems of implementation // Symbol of Science: international Scientific journal. 2022. № 5–1. St. 44–48
6. Civil Code of the Russian Federation: part two: feder. law of 26.01.1996 № 14-FZ [Electronic resource] – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (accessed 05.01.2023)

О правовом регулировании использования и охраны животных Арктики и Антарктики

Дойников Павел Игоревич,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: PIDOINIKOV@msal.ru

Животный мир Арктики и Антарктики подвержен многочисленному антропогенному, негативному воздействию. Это означает, что охрана животного мира Арктики и Антарктики, требует специальных правовых режимов охраны и эффективной их реализации.

Морские и водные млекопитающие, являются самыми физически крупными представителями Арктического и Антарктического животного мира. Палеонтологические данные констатируют жизнедеятельность тюленей и китов в кайнозойскую эру, то есть двадцать шесть миллионов лет назад.

В начале XXI века, на плане Земля все еще проживают около ста тридцати видов морских млекопитающих, делящихся на отряды: китообразных и ластоногих. Сокращение численности популяций морских и водных млекопитающих, в результате хозяйственного промысла, сделало необходимою предпринимать правовые меры, направленные на его ограничение.

Ключевые слова: Арктика; Антарктика; охрана животных; международно-правовое регулирование; китобойный промысел; морское право; белые медведи; тюлени; морские живые ресурсы; альбатросы и буревестники.

В системе правового регулирования охраны животных Арктики административно-официально важное место занимает Декларация министров окружающей среды приарктических стран «Об охране окружающей среды Арктики и Стратегия экологической защиты региона», принятая в тысяча девятьсот девяносто первом году [1]. Обозначенные в ней сферы охраны направлены на: защиту арктических экосистем; признание традиционных прав коренных народов арктического региона; регулярные наблюдения за состоянием экосистем региона; ограничение и запрещение негативного воздействия на них [2, С. 112–116].

Декларация «Об учреждении Арктического совета» принята в тысяча девятьсот девяносто шестом году [3, С. 721–723.]. Заключена между Швецией, Финляндией, США, Россией, Норвегией, Исландией, Данией, Канадой. Арктический совет, представляет собой межправительственную международную организацию, разрабатывающую стратегические решения арктических государств в области: охраны окружающей среды; сохранения биоразнообразия животных; обеспечения устойчивого развития; соблюдения прав коренных народов.

В рамках Арктического совета созданы рабочие группы. Их деятельность направлена на: ликвидацию последствий негативного воздействия; предотвращение деградации состояния фауны и флоры; прогнозирование и борьба с ЧС; охрану морской арктической среды [4, С. 96–101.].

Конвенция «По регулированию китобойного промысла» принятая в 1946 году [5], провозгласила формально символические ограничения добычи китообразных и ее запрет. Не предусматривает строгого запрета промысла морских млекопитающих, для прибрежных государств и международных организаций и Конвенция ООН по морскому праву 1982 года. Необходимо констатировать, что более строгого ограничения, а уж тем более запрета промысла морских млекопитающих в названных актах нет. Оба акта призывают к сотрудничеству с целью сохранения их запасов.

В Приложении один Конвенции ООН по морскому праву, дельфины и киты классифицируются далеко мигрирующими видами. Этот статус, обязывает государства, участвующие в Конвенции сотрудничать, в целях сохранения китов и дельфинов.

Стада китов, это естественные богатства, в сохранении которых, должны быть заинтересованы народы всего мира. В истории китобойного промысла, фиксировались случаи исчезновения от-

дельных видов китов, в результате чрезмерной добычи. В этой связи, на международном уровне возникла необходимость охраны китов от исчезновения. При рациональном правовом регулировании, количественные запасы китов, должны увеличиваться в численных размерах своего поголовья. Что в свою очередь, должно позволить добывать значительное количество китов без ущерба для естественных ресурсов. О признании естественных прав китообразных речь не идет.

Обобщая вышеизложенное, в целях установления международного порядка добычи китов, основываясь на принципах Соглашения «О регулировании китобойного промысла» принятого в тысяча девятьсот тридцать седьмом году [6], правительства китобойных держав в тысяча девятьсот сорок шестом году, в Вашингтоне, подписали Международную Конвенцию «По регулированию китобойного промысла» [7, с.370–377]. В которой, с точки зрения овеществлено-хозяйственного восприятия китообразных, закреплены меры по охране китовой популяции, преследующие количественную стабилизацию китобойного дела. Она устанавливает статус: китоматок, то есть кораблей на которых разделяются и хранятся китовые туши; кораблей с которых добываются киты; береговых станций, на которых хранятся не переработанные части китовых туш.

Участниками Конвенции учреждена Международная китобойная комиссия. Представительство в ней основывается на принципе – одна сторона – один член. Решения принимаются простым большинством голосов. Это правило не распространяется на внесение поправок к правилам, относящихся к использованию и сохранению численного поголовья китов.

За Комиссией закреплены полномочия: санкционировать поиски и проекты, посвященные китам и китобойному промыслу; исследовать статистическую информацию, о жизнедеятельности китов и численности их популяции; изучать добычу китов.

Комиссия подготавливает отчеты о своей работе, в контакте с Международным статистическим бюро по китобойному промыслу. Издает их, в виде аналитических, статистических, научных материалов о китах и их добыче. Находится бюро на территории Норвегии, городе в Сандрифьорде.

Комиссия вправе принимать поправки в Приложение к Конвенции. Суть поправок направлена на: определение китов подлежащих охране; даты начала и окончания сезона добычи; административные регламенты морских районов и заповедников; размеры китов и их виды, разрешенные к добыче; открытие и закрытие морских районов; учреждение заповедников; закрепление разрешенных орудий лова и добычи; определение количества добываемых животных и иные данные.

Основанные на научных данных, поправки преследуют устойчивую добычу китов. Они не должны приводить к остановке деятельности китоматок и береговых станций. Приведенные условия, кон-

статируют игнорирование наличие естественного права на жизнь у морских млекопитающих.

Участники вправе выдавать, физическим лицам, разрешения на добычу китов, в научно исследовательских целях. Добытые киты, должны перерабатываться, в соответствии с требованиями Правительства, предоставившего разрешение.

Национальными Правительствами, за нарушения положений Конвенции, предусматривается ответственность. Правительства государств участников обязаны представлять сообщения о нарушениях. В сообщении должны содержаться сведения о действиях: принятых в противовес нарушениям; примененных мерах ответственности.

Конвенцию можно денонсировать тридцатого июня ежегодно. Этот процесс реализуется путем подачи заявления, участниками Конвенции, не позднее первого января, Правительству, ее ратифицирующую.

Правовая охрана белых медведей требует особой регламентации. Белый медведь самый крупный наземный хищник из млекопитающих полностью живущий на дрейфующих льдах Северного ледовитого океана. Численность популяции белого медведя оценивается в размере 20–25 тысяч. Такая численность оценивается как критическая.

Международно-правовые нормы, призванные защитить белого медведя содержатся в Соглашении «О сохранении белых медведей» 1973 года [8, С. 563–565]. Оно подписано правительствами государств, имеющих выход к Северному Ледовитому Океану: США, СССР, Дании, Норвегии, Канады. Названные государства считают, что белый медведь – это значимый вид ресурсов арктического региона, нуждающийся в специальной защите. Примечательно, что примером охраны популяции белого медведя, во второй половине двадцатого века, выступал Советский Союз, где охота на них была запрещена. В то же самое время, на территории США она разрешалась, в том числе с самолета.

Правовая защита белых медведей обеспечивается при помощи организации национальных мероприятий государств арктического региона. Они подразумевают реализацию согласованных мер, направленных на запрет добычи белых медведей. Разрешается добывать медведей в научных целях и для контроля численности их популяции. Коренному населению регионов обитания белых медведей, добыча разрешается, только с использованием традиционных способов.

Экосистемы территорий местообитания белых медведей, охраняются мерами защиты государств участников Соглашения. Добыча белого медведя, исходит из практики использования новейших научно-технических данных. Использование авиа и моторных плавательных средств для добычи запрещено. Участниками Соглашения, установлен запрет на торговлю белыми медведями, частями их тел, продукции изготовленной на их основе.

Страны участницы Соглашения приняли обязательства, направленные на исследование белого

медведя. Обязательства реализуются, через вариации: сохранения, использования и обмена данными о животных [9, с.125–127].

В поисках правовых путей сохранения белого медведя, как вида животных на планете Земля, правительства США и РФ приняли Соглашение «О чукотско-алаянской популяции белых медведей» в 2000 году [10, С. 65–70.]. В нем определена общая квота добычи белых медведей. Квота определяется каждый год, российско-американской комиссией. Чукчи из России, добывают половину этой квоты. Эскимосы из Америки добывают другую половину. Проблема сохранения белого медведя как вида, представителя дикой фауны, решается неоднозначно, добыча как факт, продолжает иметь место быть.

Конвенция «О рыболовстве в северо-восточной части Атлантического океана» принята в 1980 году [11, с. 86–98]. Исключая Балтийское море и Белът, находящиеся к югу и востоку от линий, проведенных от мыса Хасеноре до пункта Гнибен, от Корсхаге до Сподсбьерг и от мыса Гильбьерг до Куллен, конвенционным районом, обозначены: в составе Атлантического и Северного Ледовитого океанов и находящиеся поблизости морей, к северу от тридцать шестой северной широты и между сорок второй западной долготы и пятьдесят первой восточной долготы. Не входят: Средиземное море и вблизи находящиеся моря до точки пересечения параллели тридцать шестой северной широты и меридиана пять тридцать шесть западной долготы; в части Атлантического океана находящейся к северу от пятьдесят девятой северной широты и между сорок четвертой западной долготы и сорок второй западной долготы.

Конвенция принималась для обеспечения правовой поддержки Комиссии по рыболовству в северо-восточной части Атлантического океана. Ее нормы действуют в отношении запасов рыбы конвенционного района. Нормы конвенции не распространяются на морских млекопитающих и сидячие виды живых организмов.

Конвенция «О сохранении лосося в северной части Атлантического океана» принята в 1982 году [12]. Реализуя ее нормы в 1984 году учреждена межправительственная Организация по сохранению лосося Северной Атлантики, штаб-квартира которой находится в Шотландии, в городе Эдинбург.

Целью деятельности этой Организации является сохранение, восстановление, увеличение запасов атлантического лосося и рациональное управление ими с помощью международного сотрудничества.

В настоящее время сторонами Конвенции являются Европейский Союз, Канада, США, Дания, Норвегия, Российская Федерация, Великобритания. Как наблюдатель в Организации участвует Франция. Исландия вышла из Организации с тридцать первого декабря 2009 года. Организация состоит из Североамериканской, Западно-Гренландской, Северо-Восточной комиссии по Атлантике и Совета.

Целью Конвенции закреплено сохранение и рациональное использование запасов лосося в реках Российской Федерации. Она устанавливает механизм осуществления государственного мониторинга и выполнения оценки состояния запасов дикого атлантического лосося в северных реках Европейской части России. Проводятся комплексные изучения численности атлантического лосося в речных бассейнах Кольского полуострова, Архангельской области, Карелии, Ненецкого Автономного Округа, Республики Коми.

В водах Канады, Японии, Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки обитают многочисленные анадромные виды рыб. Их популяции защищаются Конвенцией «О сохранении запасов анадромных видов рыб в северной части Тихого океана» 1992 года [13]. Государства, где обитают анадромные виды рыб несут ответственность за сохранение их запасов. Добыча рыбы осуществляется в пределах двухсот морских миль, отмеряемых от ширины территориального моря. Государства северной части Тихого океана формально согласны на отказ от экономических выгод в пользу сохранения запасов анадромных рыб. Международные научные исследования используются для создания эффективного механизма сохранения анадромных видов рыб Тихого океана.

Участники Конвенции обязаны информировать государство в ней не участвующие, о промысловой деятельности, оказывающей негативное воздействие на запасы анадромных видов рыб. Получив такую информацию, государства, не участвующие в Конвенции, должны принять правовые и административные меры, направленные на регулирование рыболовного промысла. Реализуя сотрудничество участники Конвенции противодействуют осуществлению незаконного промысла и несанкционированного изъятия анадромных рыб в конвенционном районе.

Соглашение «О сотрудничестве в предотвращении загрязнения окружающей среды в Арктике» принято в тысяча девятьсот девяносто четвертом году [14]. Заключено между Россией и США. Главной целью этой Конвенции является сотрудничество в разных аспектах охраны окружающей среды и животного мира.

Декларация «О предотвращении нерегулируемого промысла в районе открытого моря Северного Ледовитого океана» 2015 года [15]. Ее принятие определялось фактом масштабной незаконной добычи морских животных. Участники: США, Норвегия, Россия, Дания, Канада.

В Декларации констатируется, что Арктика, представляет собой территорию, на которой не действуют договоренности, регулирующие рыболовство. Естественные климатические и географические причины, делают практически невозможным осуществление рыболовства в Арктической части мирового океана. Стороны Декларации считают, что в ближайшем будущем промышленное рыболовство в этом регионе бесперспективно. Это обстоятельство нивелирует необходимость уч-

реждения специального органа управления рыболовством Северного Ледовитого океана.

Участники Декларации должны принять меры, направленные на уменьшение объемов нерегулируемого промысла в Северном Ледовитом океане. Промышленное рыболовство, должно быть разрешено исключительно государствам имеющих выход к Северному Ледовитому океану. Участвующие в Декларации страны, санкционируют научные исследования экосистем региона.

Соглашение «О укреплении международного научного сотрудничества» принято в 2017 году [16]. Заключено между Канадой, Данией, Финляндией, Исландией, Норвегией, Российской Федерацией, Швецией, Соединенными Штатами Америки. Целью Соглашения является укрепление сотрудничества в области научной деятельности для повышения результативности и эффективности развития научных знаний об Арктике, в том числе о состоянии ее животных.

Антарктида, представляет собой островной архипелаг, покрытый ледяным щитом. Он включает острова, ледники и морские пространства вокруг.

Вблизи Антарктиды обитают примерно 17 видов морских млекопитающих, в том числе такие: тюлени, киты, пингвины и иные виды различных птиц. К сожалению, три вида морских млекопитающих классифицирующиеся как вымирающие, требуют особой охраны. Это сейвал, финвал, синий кит.

Договор «Об Антарктике» 1959 года [17], содержит основы правового режима, защищающего животных Антарктики. Консультативное совещание, разрабатывает рекомендации его участникам. В 1977 году, на его девятом созыве, разработана и принята рекомендация, направленная на сохранение полярной фауны «Морские живые ресурсы Антарктики» [18]. Ее участники обязуются обмениваться статистикой уловов и с разумной осторожностью использовать животных Антарктики. Договор «Об Антарктике» дополнялся рекомендациями, протоколами, конвенциями превратившись в Систему Договоров «Об Антарктике». Согласованные меры для сохранения антарктической фауны и флоры 1964 года [19], зафиксировали уникальность Антарктических животных, их уязвимость для антропогенного воздействия. Международное сотрудничество закреплено основой их охраны, изучения и разумного использования.

Понятия, закрепленные в Согласованных мерах, представляют непосредственный интерес. Так называемое местное млекопитающее, раскрывается как животное, питающееся в младенчестве молоком, обитающее на Антарктическом континенте, китообразные исключаются. Термин местная птица, означает любых птиц, их яйца, встречающихся в Антарктике. Не разрешается ввозить не эндемичных животных южнее шестидесятого градуса южной широты. Исключения оформляются специальным разрешением – для ездовых собак, домашних животных и животных, используемых в научных целях. Ввозимые собаки, должны быть

привиты от лептоспирозиса, бешенства, инфекционного собачьего гепатитиса, чумы.

Нормы охраняющие животный мир южного полушария, содержатся в Конвенции «О сохранении тюленей Антарктики», подписанной в Лондоне 1972 году [20]. В соответствии с Согласованными мер для сохранения антарктической фауны и флоры, принятыми в продолжении Договора «Об Антарктике» участники признавали, что тюлени Антарктики ценнейшие животные. От активного промысла их численность не должна сокращаться. С точки зрения признания естественных прав тюленей, промысел в хозяйственных целях нужно полностью прекратить, в иных целях максимально ограничить.

Действие Конвенции распространяется к югу от шестидесятого градуса южной широты. Охраняемыми объектами являются тюлень Уэдделла, южный морской слон, тюлень Росса, тюлень крабобод, южный морской котик, морской леопард. Перечень может быть дополнен.

Участники Конвенции, обязались установить запрет добывать тюленей в конвенционном районе. Конвенция закрепила право участников определять: разрешенных к добыче тюленей; время года, когда добыча разрешена; территории, где разрешена добыча; способы разрешенной добычи; статистические данные о добыче; иную информацию, связанную с добычей.

Перечисленные меры направленные на исполнение Конвенции, сведены в приложение, которое возможно корректировать в соответствии с поступающими актуальными научно-техническими данными.

Участвующие в Конвенции государства, выдают разрешения на право добычи тюленей в хозяйственных и научных целях. Положения Конвенции могут быть изменены.

Конвенция «О сохранении тюленей Антарктики» 1978 года [21]. Целью ее принятия можно назвать регламентацию добычи тюленей. Конвенция закрепила виды тюленей, добыча которых разрешена в конвенционном районе. Это тюлени крабободы, Уэдделла, морские леопарды. В этой связи целесообразно поставить вопрос: являются ли тюлени природным ресурсом?

Установлены районы где запрещена добыча, время года, когда она разрешена, территории где добыча допускается. На территории заповедников добыча запрещена. Добыча тюленей запрещена с первого марта по тридцать первое августа.

Конвенция «О сохранении морских живых ресурсов Антарктики» 1980 года [22]. Разработанная, как правовая реакция на возросший вылов криля, наблюдавшийся в 1970 году. Конвенция направлена на ограничение добычи живых ресурсов Антарктики: тюленей, морских котиков, китов, рыб, пингвинов, иных птиц. Все перечисленные животные воспринимаются в Конвенции, как живые ресурсы. Естественные права морских млекопитающих, при таком подходе фактически игнорируются.

Комиссия по сохранению морских живых ресурсов Антарктики, располагающаяся на острове Тасмания, инициирует и организывает исследования: о морских животных и растениях Антарктики; о сборе статистической информации о численности животных; о масштабах промысла на них; о инспекционных проверках.

Комиссия определяет: количество разрешенных к добыче животных; районы где разрешена добыча; виды животных, находящихся под особой охраной; физические характеристики животных, подлежащих добыче; время года, когда добыча разрешена; содержание инспекционной проверки и лиц ей подлежащих при осуществлении промысла.

Комиссии по сохранению морских живых ресурсов Антарктики, получает основную информацию о состоянии ее животных, от Научного комитета.

Протокол «Об охране окружающей среды» принят в тысяча девятьсот девяносто первом году, к Договору «Об Антарктике» [23]. Участники объявили Антарктику природным заповедником. Они обязались охранять Антарктические экосистемы и животных, использовать их только в мирных и научных целях.

Протоколом закреплены принципы: ценности экосистем Антарктики; первоначальной эстетической ценности для научных исследований; глобальности исследований, как фактора при планировании и осуществлении деятельности в Антарктике.

Соглашение «О сохранении альбатросов и буревестников (качурок)» 2001 года [24]. Ее основной целью, является борьба с снижением численности популяций альбатросов и буревестников Южного полушария. Основными угрозами популяции альбатросов и буревестников обозначены: интродуцированные виды животных; прилов; ярусный лов. Из-за них гибнет значительное количество птиц Антарктики. Соглашение закрепило требования: к уменьшению масштабов вылова морских птиц; к наблюдению за ними; к охране мест их размножения.

Альбатросы и буревестники относятся к группе птиц, вероятность вымирания которых крайне высока. Примечательно, что 18 из 22 видов альбатросов находятся в состоянии вымирания. Соглашение «О сохранении альбатросов и буревестников» призвано: защитить их места обитания; наладить контроль за распространением и размножением хищников неаборигенных видов; установить правовые механизмы, снижающие прилов птиц; популяризировать научные исследования о эффективной защите птиц.

Несмотря на многочисленность международно-правовых актов, регулирующих охрану животного мира Арктики и Антарктики, численность животных, обитающих в обозначенных регионах продолжает уменьшаться. Одной из причин сложившейся негативной тенденции, нужно считать дезинтегрированность правового регулирования использования и охраны животного мира Арктики и Антарктики, как по предмету, так и сферам действия.

Литература

1. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XIII. М., 1956.
2. Дойников П.И. Правовые проблемы Арктического региона // Аграрное и земельное право. 2019. № 11.
3. Действующее международное право. Т. 3. М.: Московский независимый институт международного права, 1997.
4. Дойников П.И. Об охране животного мира Арктики в Российской империи // Безопасность Арктического региона: право, экономика, экология: сборник тезисов докладов по материалам Международной научно-практической конференции / отв. ред. Н.Г. Жаворонкова, Н.П. Воронина. М., 2021.
5. Фитсморис М. Международная конвенция по регулированию китобойного промысла // https://legal.un.org/avl/pdf/ha/icrw/icrw_r.pdf (дата обращения: 16. 11. 2022).
6. Nature.com – URL: <https://www.nature.com/articles/140180a0.pdf> (дата обращения: 16. 11. 2022).
7. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XIII. М., 1956.
8. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII. – М., 1978.
9. Дойников П.И. Правовые проблемы Арктического региона // Аграрное и земельное право. 2019. № 11.
10. Бюллетень международных договоров. 2007. N12.
11. Сборник международных соглашений Российской Федерации по вопросам рыболовства и рыбохозяйственных исследований. М., 1995.
12. Документ опубликован не был // СПС КонсультантПлюс.
13. Бюллетень международных договоров. 1993. N7.
14. СЗ РФ, 19.12.1994, N34, ст. 3614.
15. СЗ РФ, 18.05.2015, N20, ст. 2964.
16. СЗ РФ, 01.05.2017, N18, ст. 2802.
17. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII. – М., 1978.
18. АНТКОМ комиссия по сохранению природных ресурсов Антарктики – URL: <https://www.ccam-lr.org/ru/organisation/> (дата обращения: 24. 11. 2022).
19. Документ опубликован не был // СПС КонсультантПлюс.
20. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIV. – М., 1980.
21. Комментарий org. Комментарий Российского законодательства – URL: https://kommentarii.org/2019/poliarnoe_pravo/page34.html (дата обращения: 20.11.2022).

22. Bstudy.net- URL: https://bstudy.net/644945/pravo/pravovoy_rezhim_antarktiki(дата обращения: 20.11.2022).
23. СЗ РФ. 17.08.1998 г. N33. Ст. 3956.
24. Асар.ақ – URL: <https://www.асар.ақ/>(дата обращения: 20.11.2022).

ON THE LEGAL REGULATION OF THE USE AND PROTECTION OF ANIMALS IN THE ARCTIC AND ANTARCTIC

Doinikov P.I.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSUA)

The fauna of the Arctic and Antarctic is subject to numerous anthropogenic, negative impacts. This means that the protection of the wildlife of the Arctic and Antarctic requires special legal protection regimes and their effective implementation.

Marine and aquatic mammals are the largest physically representatives of the Arctic and Antarctic fauna. Paleontological data state the vital activity of seals and whales in the Cenozoic era, that is, twenty-six million years ago.

At the beginning of the 21st century, about one hundred and thirty species of marine mammals still live on the Earth, divided into orders: cetaceans and pinnipeds. The decline in the populations of marine and aquatic mammals, as a result of economic fishing, has made it necessary to take legal measures aimed at its limitation.

Keywords: Arctic; Antarctic; animal protection; international legal regulation; whaling; maritime law; White bears; seals; marine living resources; albatrosses and petrels.

References

1. Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Issue. XIII. M., 1956.
2. Doinikov P.I. Legal problems of the Arctic region // Agrarian and land law. 2019. No. 11.
3. Current international law. T. 3. M.: Moscow Independent Institute of International Law, 1997.
4. Doinikov P.I. On the protection of the wildlife of the Arctic in the Russian Empire // Security of the Arctic region: law, economics, ecology: a collection of abstracts based on the materials of the International Scientific and Practical Conference / ed. ed. N.G. Zhavoronkova, N.P. Voronina. M., 2021.
5. Fitsmaurice M. International Convention for the Regulation of Whaling // https://legal.un.org/avl/pdf/ha/icrw/icrw_r.pdf (Accessed: 16.11.2022).
6. Nature.com – URL: <https://www.nature.com/articles/140180a0.pdf> (accessed 16.11.2022).
7. Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Issue. XIII. M., 1956.
8. Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Issue. XXXII. – M., 1978.
9. Doinikov P.I. Legal problems of the Arctic region // Agrarian and land law. 2019. No. 11.
10. Bulletin of international treaties. 2007. N12.
11. Collection of international agreements of the Russian Federation on fisheries and fisheries research. M., 1995.
12. The document was not published // SPS ConsultantPlus.
13. Bulletin of international treaties. 1993. N7.
14. SZ RF, 12/19/1994, No. 34, art. 3614.
15. SZ RF, 05/18/2015, N20, art. 2964.
16. SZ RF, 05/01/2017, N18, art. 2802.
17. Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Issue. XXXII. – M., 1978.
18. CCAMLR Commission on the Conservation of Natural Resources of Antarctica – URL: <https://www.ccamlr.org/ru/organisation/> (Accessed: 24.11.2022).
19. The document was not published // SPS ConsultantPlus.
20. Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Issue. XXXIV. – M., 1980.
21. Comments.org. Comments on Russian legislation – URL: https://kommentarii.org/2019/poliarnoe_pravo/page34.html (date of access: 11/20/2022).
22. Bstudy.net – URL: https://bstudy.net/644945/pravo/pravovoy_rezhim_antarktiki (accessed 11/20/2022).
23. SZ RF. 08/17/1998 N33. Art. 3956.
24. Асар.ақ – URL: <https://www.асар.ақ/> (Accessed: 11/20/2022).

Формирование института правового регулирования виртуальной собственности

Ергалова Ариана Александровна,

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета
E-mail: ergalova.aa@gmail.com

Костина Диана Сергеевна,

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета
E-mail: kostina.ds@students.dvfu.ru

Батурин Евгений Алексеевич,

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета
E-mail: baturin.ea@students.dvfu.ru

Пономарёв Олег Владимирович,

старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Юридической Школы Дальневосточного федерального университета
E-mail: ponomarev.ov@dvfu.ru

В настоящее время существует явный пробел законодательства в сфере виртуальной собственности при внедрении цифровых технологий в современные правоотношения. Авторами рассмотрены и классифицированы разнообразные подходы к определению виртуальной собственности со стороны законодательства, теории и судебной практики, при использовании ретроспективного метода, выделены подходы в широком и узком понимании. Важным является финансово-правовое регулирование виртуальной собственности на данный момент через призму налогообложения «виртуальных денег» (криптовалюта, цифровых финансовых активов и др.), признанных имуществом, перспективы легализации сделок с виртуальными объектами (внутриигровых элементов, доменных имён, учётных записей и др.) и их последующее налогообложение, положения финансового контроля, целесообразность передачи полномочий в данной области ЦБ РФ.

Ключевые слова: виртуальная собственность, виртуальный мир, цифровое право, цифровая валюта, финансовый контроль, налогообложение.

Развитие технологий, возникновение отношений по поводу виртуальной собственности в современном мире диктуют свои условия для развития права. В частности, интересное исследование было проведено Медведевым А.И., который показал острую необходимость в признании и урегулировании виртуального мира, виртуальной собственности, и правоотношений возникающих по этому поводу: «взаимодействуя при помощи своих аватаров, пользователи общаются друг с другом, создают сообщества, устанавливают определённые писанные правила должного поведения, заключают соглашения и договоры, осуществляют субъективные права и правовые обязанности по отношению друг к другу и т.д.» [1].

В подтверждение данной проблемы можно привести тот факт, что первые споры по виртуальной собственности возникли ещё в 2002 году, когда Конституционный Суд РФ в деле «О прекращении производства по делу о проверке конституционности статьи 1062 ГК в связи с жалобой коммерческого акционерного банка «Банк Сосьете Женераль Восток»» указал на необходимость дальнейшего регулирования правоотношений, возникающих в этой сфере.

Исходя из логики, исторической ретроспективы можно сделать простой вывод: если есть собственность, то есть и имущественные отношения, впоследствии которых возникают и финансово-правовые отношения. Поэтому помимо гражданско-правового регулирования нужно обратиться к финансово-правовому, в данной статье авторы рассмотрят феномен виртуальной собственности, и финансово-правовые аспекты, возникающие из-за неё, в частности, механизмы налогообложения.

Методологическая основа исследования представляет собой применение всеобщих и частно-правовых методов исследования, как анализ, дедукция, синтез, системный анализ, обобщение, формально-юридический, сравнительно-правовой.

Финансово-правовое регулирование имеет ряд аспектов, связанных с правовой неурегулированностью виртуальной собственности. На данный момент законодательство не даёт конкретного ответа на понятие данного института, состава, объектов, правовой природы, есть лишь разрозненные «отсылки» в различных актах органов власти.

В частности, при исследовании данного института нужно рассмотреть Указы Президента РФ от 09.05.2017 № 203 (п. 4) и от 07.05.2018 № 204 (п. 11), в которых хотя и нет четкого законодательного закрепления дефиниций, но из содержания которых можно сделать вывод о том, что виртуаль-

ную собственность можно определить, как форму собственности, находящуюся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», отчуждение которой происходит благодаря сети «Интернет», технологии блокчейн и др. Также помимо Указов есть уже чуть более урегулированные понятия из сферы цифрового права, как цифровые финансовые активы, криптовалюта и иные, определённые в ФЗ «О ЦФА», в недавно внесённой законопроекте «О майнинге криптовалюты».

Однако этого явно недостаточно и авторы предлагают обратиться к теории, что активно развивалась в периоды 2014–2015 гг. и в настоящее время, поскольку мнений по поводу определения «виртуальной собственности» действительно много, нами предложено определение данного института в узком и широком смысле.

Виртуальная собственность в узком смысле понимается:

1. Как часть игрового права: внутриигровые объекты, фактически выступающие предметом оборота за реальные деньги, которыми игроки посредством своих персонажей могут владеть, пользоваться и распоряжаться в виртуальном пространстве [2]. Объекты, воспринимаемые пользователями многопользовательских ролевых онлайн-игр (а равно и иных родственных проектов, в том числе неигровых или не только игровых) как относящиеся к особому виртуальному миру игры или виртуальному пространству неигрового сервиса [3].
2. Аудиовизуальные произведения, предоставляющие собой созданную правообладателем подпрограмму, ход работы которой может быть подвергнут стороннему влиянию пользователя путем решения определённой, заранее предусмотренной в лицензионном или ином пользовательском соглашении, совокупности логических задач [4].
3. Предмет лицензионного соглашения, иное имущество или услуга, определённое им [5].

В действительности, такое мнение имеет место быть, однако мир не перестаёт развиваться, особенно виртуальный, цифровая среда не перестаёт удивлять всё большим количеством новых объектов. И далее мы обратимся к определению виртуальной собственности в широком смысле:

Во-первых, подход российских судов, определяющий виртуальную собственность, как совокупность графических и символьных обозначений [6, 7, 8]. Существенным минусом является упущение правовой природы виртуального мира, графические и символьные обозначения также охватывают и материальные объекты, как объекты искусства, книги, различные тексты и иное.

Во-вторых, подход, подразумевающий включение всех объектов виртуальной реальности, созданной в прошлом, настоящем и будущем: «совокупность общественных отношений по поводу прав владения, пользования и распоряжения объектами виртуальной реальности [9]. Естественно, минусом такого подхода является правовая неопределён-

ность из-за которой возникают разночтения, и споры соответственно.

В-третьих, определение института через информационный объект, информационно-цифровой объект, информацию:

1. Включающий в себя доменные имена, веб-сайты, аккаунты, игровое имущество и т.д., права на который принадлежат одному или нескольким владельцам [10].
2. Информационно-цифровой объект, который находится на праве владения, пользования и распоряжения, приобретаемый и (или) отчуждаемый субъектом или группой субъектов путем использования телекоммуникационной инфраструктуры, высокоскоростной передачи и обработки больших данных [11].
3. Информация в цифровой форме, отличающаяся от информации в аналоговой форме независимостью от носителя информации, идентичностью цифровых копий, доступом неограниченного числа лиц для одновременного пользования контентом и пр. [12]. Данная позиция весьма любопытна из-за сложности определения понятия «информация» на законодательном уровне, по этому поводу также есть работа Лебедевой Д.С., Яценко А.О.: информация – как объект гражданского права [13], и информация – объект гражданского, административного и уголовного права, исходя из толкования ФЗ «об информации, информационных технологиях и о защите информации».
4. Уникальный информационный объект, права на который принадлежат одному или нескольким владельцам и могут быть переданы другому владельцу без потери свойств объекта. Включающий в себя доменные имена сайтов, учётные записи социальных сетей, электронной почты и других сервисов [14].

По мнению авторов данный подход наиболее подходящий, поскольку даёт обширное понимание виртуальной собственности, но оно не является преувеличенным. Виртуальный мир – это фактически тот же реальный мир, только включающий в себя те объекты, что не могут существовать материально.

Развитие виртуального мира – моделируемой компьютерными средствами виртуальной среды (виртуальное трёхмерное пространство), предназначенной для взаимодействия пользователей в рамках этого пространства посредством особых виртуальных репрезентаций – графически моделируемых персонажей, или «аватаров» [15], фактически, началось с первой многопользовательской ролевой онлайн-игры (MMORPG, от англ. Massive «Multiplayer Online RolePlaying Game») MUD (Multi User Dungeon) в 1978 году, после которой началось бурное развитие всей игровой индустрии [16], и возникновения идеи электронных денег Дэвидом Чаум и Стефаном Брэндс [17]. Уже к 2000-м определилась тенденция на внедрение цифровых технологий в работу организаций, так называемая цифровая трансформация (от англ. digital transfor-

mation, DT или DX), понятие которой было отражено в работе Э. Столтермана и А. Крун Форс [18].

В настоящее же время «век цифровизации» практически каждый знаком (или слышал) с понятиями криптовалюты, биткоинов, цифровых валют, этериумов, невзаимозаменяемых токенов, и это в очередной раз подтверждает важность правового регулирования данного института.

В частности, многие вопросы связаны с финансово-правовым регулированием виртуальной собственности (через призму широкого толкования дефиниции): налогообложение виртуальной собственности и финансовый контроль.

Европейский центральный банк в 2012 году определил виртуальную валюту, как «нерегулируемые денежные средства, которые выпускаются и контролируются их разработчиками, используются и принимаются членами определенного виртуального сообщества» [19].

Минфин в своих письмах 2016–2018 гг. определял НДС при продаже биткоинов, криптовалюты через абз. 1 пп. 2 п. 2 ст. 220 НК РФ, налоговая база определялась через соотношение общей суммы полученных доходов из сделок по купле-продаже криптовалюты и общей суммы документально подтвержденных расходов на ее приобретение [20] Соответственно физические лица платят НДС по ставке 13%, если доход до 5 млн рублей, если больше, то 15%, юридические лица уплачивают налог на прибыль по ставке 20%.

ФЗ «О ЦФА», Верховный Суд РФ в Определении от 02.02.2021 N44-КГ20–17-К7, 2–2886/2019 впоследствии подтвердили такую позицию, виртуальная валюта получила законодательное закрепление в качестве имущества, цифрового права, но не средства платежа. Несомненно такой подход имеет ряд существенных проблем, как определение собственника криптовалюты (информацию о принадлежности невозможно получить из-за обезличивания в криптовалютных системах), невозможности осуществления механизма принудительной передачи такого имущества [5, 21].

На главным является тот факт, что налог в РФ оплачивается с любого дохода (тут возникает вопрос о легализации дохода, поскольку зачастую сделки по виртуальной собственности проходят «в теневой экономике»), соответственно всё будет подвергаться налогообложению, но зависит от правового статуса налогоплательщика: ФЛ, ИП, ЮЛ, ЮЛ, открытое в других странах и др.

Следующим рассмотрим финансовый контроль за операциями, связанными с виртуальной собственностью. Исходя из содержания ФЗ «О ЦФА» данная функция возложена на ЦБ РФ (как лицо, ведущее реестр цифровых активов). И здесь возникает вопрос: рационально ли возлагать на ЦБ РФ еще одно огромное поле деятельности, имеющее огромные перспективы развития, при том, что ЦБ РФ даже не публичный орган власти? В настоящее время банковский контроль уже охватывает: контроль за некредитными финансовыми организациями, контроль за кредитными организациями, фи-

нансовым рынком, валютное регулирование и валютный контроль [5].

Таким образом, виртуальная собственность в РФ имеет огромные перспективы развития, однако пока правовое регулирование имеет существенные проблемы и пробелы. Авторы считают необходимым внести изменения в Гражданский Кодекс посредством введения института виртуальной собственности, виртуальный объект признать объектом гражданского права. После чего создать кодифицированную систему актов непосредственно регулирующих виртуальную собственность, цифровое право.

Литература

1. Правовые отношения в пространстве виртуальных игровых миров: проблемы теории и практики // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-otnosheniya-v-prostranstve-virtualnyh-igrovyyh-mirov-problemy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 16.12.2022).
2. В.В. Архипов. Виртуальная реальность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр – Доступ из СПС «Гарант». – Текст: электронный.
3. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности (В.В. Архипов, Е.В. Килинкарлова, Н.В. Мелашенко, «Закон», N6, июнь 2014 г.) – Доступ из СПС «Гарант». – Текст: электронный.
4. Латухина В.С. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. – 2016. – Т. 1. № 1. – С. 74–80.
5. Новиков И.В. Виртуальная собственность: перспективы регулирования // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 789–804.
6. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ № ВАС-8143/11 по делу № А40–116118/09–104–553 от 30.06.2011 – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
7. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам № С01–958/2016 по делу № СИП-193/2016 от 05.12.2016 – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
8. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам № С01–762/2014 по делу № СИП-356/2013 от 03.09.2014 – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
9. Хисматуллин С.А. Понятие виртуальной собственности как нового объекта гражданского права // Наука в современном мире: приоритеты развития. 2018. Т. 2. № 1 (4). С. 75–78.
10. Palka P. Virtual Property: Towards a General Theory. Florence: European University Institute, 2017. 246 p.
11. Афанасьев Е.С. Виртуальная собственность как потенциальный институт в российском

праве: понятие и правовая природа // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 6А. С. 142–149. DOI: 10.34670/AR.2022.49.93.018

12. Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий. – М., 2019. – С. 214–143 и др.
13. Информация как объект гражданского права // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsiya-kak-obekt-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 18.12.2022).
14. Климушкин Д.М. Цифровые активы как новое измерение в экономике // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 11А. С. 85–92. DOI: 10.34670/AR.2020.93.11.009.
15. Duranske B.T. Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds.
16. История развития MMORPG. Краткий рассказ какие были MMORPG с 1978 по 2008 г. // StopGame URL: https://stopgame.ru/blogs/topic/107659/istoriya_razvitiya_mmorpg_kratkiy_rasskaz_kakie_byli_mmorpg_s_1978_po_2008_g (дата обращения: 18.12.2022).
17. История создания криптовалюты: первая в мире крипто и Satoshi Nakamoto // Binance URL: <https://goo.su/ZhP0m> (дата обращения: 18.12.2022).
18. Stolterman, Erik; Croon Fors, Anna. «Information Technology and the Good Life». Information systems research: relevant theory and informed practice. 2004. p. 689. ISBN1–4020–8094–8.
19. Virtual Currency Schemes. European Central Bank. October 2012. URL: <http://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemes201210en.pdf> (дата обращения: 29.12.2022).
20. Письмо ФНС России от 04.06.2018 № БС-4–11/10685 «О порядке налогообложения доходов физических лиц» (вместе с Письмом Минфина России от 17.05.2018 № 03–04–07/33234) – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

FORMATION OF THE INSTITUTION OF LEGAL REGULATION OF VIRTUAL PROPERTY

Ergalova A.A., Kostina D.S., Baturin E.A., Ponomarev O.V.
Law School of the Far Eastern Federal University

Currently, there is a clear gap in the legislation in the field of virtual property in the implementation of digital technologies in modern legal relations. The authors considered and classified various approaches to the definition of virtual property from the side of legislation, theory and judicial practice, using the retrospective method, approaches in a broad and narrow sense are highlighted. Important is the financial and legal regulation of virtual property at the moment through the prism of taxation of «virtual money» (cryptocurrencies, digital financial assets, etc.) recognized as property, the prospects for legalizing transactions with virtual objects (in-game elements, domain names, accounts, etc.) and their subsequent taxation, the provisions of financial control, the expediency of transferring powers in this area to the Central Bank of the Russian Federation.

Keywords: virtual property, virtual world, digital law, digital currency, financial control, taxation

References

1. Legal relations in the space of virtual game worlds: problems of theory and practice // Scientific electronic library “Kiberleninka” URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-otnosheniya-v-prostranstve-virtualnyh-igrovyh-mirov-problemy-teorii-i-praktiki> (date of access: 12/16/2022).
2. V.V. Arkhipov. Virtual reality: systemic legal problems in the context of the development of the computer games industry – Access from the ATP “Garant”. – Text: electronic.
3. Problems of legal regulation of the circulation of goods on the Internet: from distance trading to virtual property (V.V. Arkhipov, E.V. Kilinkarova, N.V. Melashchenko, “Zakon”, N6, June 2014) – Access from SPS “Garant”. – Text: electronic.
4. Latukhina V.S. Law of Virtual Worlds: New Objects of Civil Rights // International Journal of Social and Humanitarian Sciences. – 2016. – T. 1. No. 1. – S. 74–80.
5. Novikov I.V. Virtual Property: Regulatory Perspectives // Issues of Russian Justice. 2019. No. 1. S. 789–804.
6. Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. VAS-8143/11 in case No. A40–116118 / 09–104–553 dated 06.30.2011 – Access from the ConsultantPlus ATP. – Text: electronic.
7. Resolution of the Presidium of the Court for Intellectual Property Rights No. C01–958/2016 in case No. SIP-193/2016 dated 05.12.2016 – Access from the ConsultantPlus SPS. – Text: electronic.
8. Resolution of the Presidium of the Court for Intellectual Property Rights No. C01–762/2014 in case No. SIP-356/2013 dated 03.09.2014 – Access from the ConsultantPlus SPS. – Text: electronic.
9. Khismatullin S.A. The concept of virtual property as a new object of civil law // Science in the modern world: development priorities. 2018. Vol. 2. No. 1 (4). pp. 75–78.
10. Palka P. Virtual Property: Towards a General Theory. Florence: European University Institute, 2017. 246 p.
11. Afanasiev E.S. Virtual property as a potential institution in Russian law: concept and legal nature // Questions of Russian and international law. 2022. Volume 12. No. 6A. pp. 142–149. DOI: 10.34670/AR.2022.49.93.018
12. Kartskhiya A.A. Civil law model of regulation of digital technologies. – М., 2019. – С. 214–143 and others.
13. Information as an object of civil law // Scientific electronic library “CyberLeninka” URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsiya-kak-obekt-grazhdanskogo-prava> (date of access: 12/18/2022).
14. Klimushkin D.M. Digital assets as a new dimension in the economy // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2019. Volume 9. No. 11A. pp. 85–92. DOI: 10.34670/AR.2020.93.11.009.
15. Duranske B.T. Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds.
16. History of MMORPG development. A short story about what MMORPGs were like from 1978 to 2008 // StopGame URL: https://stopgame.ru/blogs/topic/107659/istoriya_razvitiya_mmorpg_kratkiy_rasskaz_kakie_byli_mmorpg_s_1978_po_2008_g (Accessed: 12/18/2022).
17. The history of the creation of cryptocurrency: the world’s first crypt and Satoshi Nakamoto // Binance URL: <https://goo.su/ZhP0m> (Accessed: 12/18/2022).
18. Stolterman, Erik; Croon Fors, Anna. “Information Technology and the Good Life”. Information systems research: relevant theory and informed practice. 2004. p. 689. ISBN1–4020–8094–8.
19. Virtual Currency Schemes. European Central Bank. October 2012. URL: <http://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemes201210en.pdf> (accessed 29.12.2022).
20. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 04.06.2018 No. BS-4–11/10685 “On the procedure for taxing personal income” (together with Letter of the Ministry of Finance of Russia dated 05.17.2018 No. 03–04–07/33234) – Access from the SPS “ConsultantPlus” “. – Text: electronic.

Ограничения правового механизма защиты коммерческой тайны

Коркин Максим Сергеевич,

студент, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: korkin.ms@students.dvfu.ru

Пономарёв Олег Владимирович.

старший преподаватель кафедры конституционного
и административного права Юридической школы ДВФУ,
Дальневосточный ФЕДЕРАЛЬНЫЙ университет
E-mail: ponomarev.ov@dvfu.ru

Авторами рассмотрены правовые аспекты защиты информации, относящейся к коммерческой тайне, которая является одним из наиболее важных для предпринимательской деятельности правовых институтов. Его существование способствует увеличению прибыли компании за счет неразглашения информации, важной для её функционирования. Несмотря на регулирование коммерческой тайны, определенное в отдельном Федеральном Законе «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 № 98-ФЗ и иных законодательных актах. Тем не менее, защита такой информации не является всеобъемлющей, ввиду того, что в упомянутом выше законе до сих пор отсутствуют некоторые неразрешенные процедурные аспекты, которые связаны с заключением договора о неразглашении коммерческой тайны, а также с решением коллизий, которые возникают между локальными нормативными актами, издаваемыми органами компании.

Ключевые слова: коммерческая тайна, конфиденциальная информация, Соглашение о неразглашении, предпринимательская деятельность, охрана коммерческой тайны.

Рыночная экономика, поддерживаемая на государственном уровне, обязательно формирует обширные и конкурентные отношения в сфере предпринимательства. Постоянный рост производственных мощностей, нестабильное положение на рынке товаров и услуг, а также экономические процессы, для которых характерна изменчивость, заставляют предпринимателей находить пути для защиты своего бизнеса от вмешательства извне, повышения эффективности производства и налаживания наиболее безопасного и гарантированного общения с контрагентами. Вся представленная совокупность факторов привела к появлению в российском правовом порядке института коммерческой тайны, призванного защитить коммерческую информацию, принадлежащую юридическим лицам или индивидуальным предпринимателям, от разглашения и распространения третьими лицами. Информация, которую содержит коммерческая тайна, зачастую представляет особую ценность для бизнеса, что обуславливает необходимость её защиты от внешнего вмешательства, в первую очередь правовыми способами.

Для того, чтобы наиболее полно раскрыть проблемы, возникающие в связи с защитой коммерческой тайны, необходимо уяснить её значение для предпринимателей. Представители бизнеса стремятся оберегать коммерческую тайну по той причине, что она напрямую связана с прибылью. Обычно информация, входящая в коммерческую тайну касается организации бизнеса, производства, научно-технологическими разработками и исключительными правами компании. По большому счету, все перечисленные виды информации, в перспективе могут принести их владельцам прибыль, что объясняет бережность обращения с коммерческой тайной.

Вообще, институт коммерческой тайны в российской правовой системе начал свое существование еще задолго до современного периода. Несмотря на несформированность в дореволюционной России такого института, схожий режим правового регулирования в отношении определенной информации был установлен Уголовным Уложением 1907 года, которым устанавливались меры ответственности за нарушение, как коммерческой, так и фабричной и кредитной тайны [1]. Появление законодательной попытки определить ответственность за нарушение соглашения о нераспространении информации, связанной с предпринимательскими процессами, приводит к выводу о том, что данный институт является закономерно вытекающим из отношений, складывающихся в обществе. Даже в поздний период существования СССР, в 1990 году был принят Закон СССР о предприяти-

ях, в положениях которого содержалось определение коммерческой тайны, под которой понимались сведения, связанные с финансовыми, производственными и иными процессами, происходящими на предприятии [2].

В современной России легальное определение коммерческой тайны дано в ФЗ «О коммерческой тайне», который был принят в 2004 году [3]. Данный закон определяет коммерческую тайну, как «режим конфиденциальности информации, позволяющий её обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду».

Важно понимать, что защита коммерческой тайны возможна не только за счёт правовых мер, но также за счёт технических и организационных мер, использование которых осуществляется в рамках закона. Так, к организационным мерам защиты коммерческой тайны можно отнести, например, подбор кадров и организацию документооборота таким образом, чтобы избежать утечки информации [4]. Например, при приёме лиц на работу в компанию, проявлением должной осмотрительности, обеспечивающим соблюдением коммерческой тайны будет являться проверка сведений об исполнении сотрудником своих обязанностей по неразглашению коммерческой тайны на предыдущих местах работы. Если лицо, претендующее на место, было привлечено к ответственности за разглашение сведений, обозначенных в качестве коммерческой тайны, организационной формой защиты соответствующего вида тайны выступит отказ в принятии такого лица на работу. Или если система почтовой рассылки внутри компании работает таким образом, что лица, в профессиональные обязанности которых не входит работа с определенным видом информации, получают письма, включающие в себя такую информацию, которая является коммерческой тайной, риски её распространения значительно увеличиваются [5].

К техническим мерам защиты коммерческой тайны относятся средства защиты информации за счёт технологических средств, таких, как, например, специальные программы и устройства. В частности, избежать утечки информации можно за счёт кодирования сообщений, которые передаются по электронной почте или факсимильной связи, аппаратов, уничтожающих документы и устройств, которые не дают сохранить информацию во время её передачи от одного сотрудника к другому или от компании к контрагенту [6].

Среди правовых мер защиты нарушения статуса коммерческой тайны, наиболее эффективным способом является заключение Соглашения о неразглашении [7]. На практике данный вид договора нередко выступает единственным способом ограничить доступ лиц к информации и обязать их не разглашать её. Например, Соглашение о неразглашении представляется эффективным вариан-

том в случае, если должность в компании замещается другим лицом.

В большинстве случаев договоры о конфиденциальности заключаются между лицами, которые так или иначе связаны договорными отношениями. В таком случае положения о конфиденциальности вносятся в договор, тем самым образуя смешанный договор. Однако, Соглашение о неразглашении может быть заключено и с лицами, которые никак не связаны договорными отношениями, но между ними существует необходимость в нераспространении какой-либо информации.

Соглашение о неразглашении заключается в силу определенных причин и для достижения целей, таких как:

1. Превенция распространения конфиденциальной информации работником компании, так как нередки случаи того, когда работник случайно или специально для того, чтобы отомстить работодателю или заработать денег, распространяет информацию, которая полезна конкурентам или отворачивает от компании потребителей. В данном случае, чем более четко регламентированы и проработаны ограничения для работника, тем меньше шанс того, что произойдет утечка информации [8];
 2. Немедленное прекращение распространения информации в момент, когда это стало происходить. Достижение такого результата может быть достигнуто за счет применения санкций в отношении работника, допустившего разглашение коммерческой тайны;
 3. Возмещение ущерба компании, понесенного в связи с действиями своего работника или иного лица, с которым заключено Соглашение.
- Основная проблема в вопросе заключения Соглашения о неразглашении состоит в том, что не установлен единый порядок, который определял бы точный перечень действий лиц, которые заключают Соглашение. В ст. 10 ФЗ «О коммерческой тайне» отображены основные требования к охране коммерческой тайны, при несоблюдении которых Соглашение вообще не будет считаться обязывающим лиц к чему-либо документом [9].

Во-первых, необходимо определить, какая информация является коммерческой тайной. Для этого в российских компаниях приказом директора вводится «Положение о коммерческой тайне» и к нему часто прилагается список сотрудников, допущенных к тайне [10].

Во-вторых, устанавливается порядок обращения с коммерческой тайной. При чём он устанавливается компанией самостоятельно, что позволяет максимально эффективно ограничить распространение информации в рамках политики и рода деятельности той или иной компании.

В-третьих, необходимо вести учёт лиц, допущенных к коммерческой тайне. Для этих целей может быть создан специальный Журнал, в котором с помощью подписи сотрудника фиксируется доступ работника к конфиденциальной информации [11].

В-четвертых, для полноценной охраны коммерческой тайны необходимо определиться с помощью какого договора будет устанавливаться соответствующий режим: трудового или отдельного Соглашения. Данный пункт является наиболее затруднительным для предпринимателей и влечет за собой непризнание информации в качестве коммерческой тайны, в том случае, если положения, включаемые в трудовой договор написаны неправильно с точки зрения юридической техники или ошибочны по своему существу. Также, часто Соглашения о неразглашении, которые составляются компанией, несовершенно, и не позволяют регулировать отношения в области защиты определенной информации от распространения в качестве института коммерческой тайны [12].

И, наконец, в-пятых, крайне важным требованием является нанесение на материальные носители, содержащие информацию, составляющую коммерческую тайну, или включение в состав реквизитов документов, содержащих такую информацию, грифа «Коммерческая тайна» с указанием обладателя такой информации.

Исходя из этого, наиболее целесообразными способами защиты компании от распространения коммерческой тайны видится комплексный подход компании к режиму информации, которой она обладает. Каждая компания должна, в первую очередь, сделать для себя выводы о том, какая информация входит в коммерческую тайну. Когда компания определяется с соответствующим перечнем, то необходимо обеспечить конфиденциальность информации с помощью шагов, которые в совокупности дают высокий практический результат.

Компания «Роснефть», имея перечень сведений коммерческой тайны и выполняя все прочие условия по защите информации осуществляет также такие действия, как установка камер видеонаблюдения, замков на дверях в помещениях, где содержится информация, являющаяся коммерческой тайной. Многие компании крупного и среднего предпринимательского сектора имеют на дверях замки, которые предоставляют доступ в помещение только по отпечаткам пальцев, что видится довольно надежным средством защиты коммерческой тайны. Также необходимо устанавливать сейфы и иные металлические хранилища для документов, выставлять перегородки между рабочими местами работников компании. Помимо этого, окна должны иметь жалюзи и светонепроницаемые шторы, чтобы не создавать возможностей для утечки информации из помещений, в которых содержатся документы.

Несмотря на многообразие всего вышечисленного, на практике имеются и иные способы защиты коммерческой тайны, такие как создание службы безопасности на предприятии, определение особого помещения, оснащенного соответствующей техникой для проведения переговоров, разделение локальной сети, в которой работают сотрудники, имеющие доступ к конфиденциальной информации и сети, через которую осуществ-

ляется выход в Интернет, так как большое количество конфиденциальной информации просачивается через Интернет в результате хакерских атак или разглашения информации работниками через сеть.

Неопределенность и непоследовательность в установлении режима коммерческой тайны, а лишь наличие общих требований по охране коммерческой тайны, которые определяют содержание соответствующих договоров, является неединственной проблемой в данном вопросе. Так, между локальными актами компании, касающимися коммерческой тайны, могут возникать коллизии, которые необходимо разрешать. Представляется наиболее правильным разрешение данных коллизий с позиции общеправовых принципов о разрешении конфликтов между нормами права.

В случае, если локальные акты одного и того же органа были изданы по одинаковому вопросу в разное время, то приоритет должен иметь тот акт, который был издан последним. В данном случае срабатывает принцип *lex posterior derogat priori*.

В том случае, если акты были изданы одним и тем же органом, то приоритет имеет акт того органа, который является вышестоящим по отношению к другому органу.

В случае, если в конфликт вступают общая норма и специальная, то приоритет имеет специальная норма, что выражает принцип *lex specialis derogate generali*.

Заключение. Таким образом, коммерческая тайна представляет из себя новый институт российского права, берущий свои истоки еще со времен дореволюционной России и обеспечивающий увеличение прибыли от предпринимательской деятельности. При этом определенные вопросы, связанные с коммерческой тайной, остаются не до конца урегулированными и требуют дальнейшей разработки законодателем, например, процедура заключения Соглашения о неразглашении. Коммерческая тайна должна служить развитию предпринимательства и гарантии соблюдения положений закона о конкуренции, антимонопольной политике государства. Дальнейшее законодательное закрепление необходимых для урегулирования отношений в области коммерческой тайны и развитие практики в данном направлении способы вывести ведение бизнеса в России на качественно новый уровень, при этом не позволяя предприятиям терять свой доход из-за противоправных действий работников и контрагентов.

Нам видится наиболее перспективным способом защиты коммерческой тайны в рамках современного этапа развития законодательства в данной области – составление Соглашений о неразглашении и иных договоров, регулирующих режим коммерческой тайны, таких как Соглашение о неконкуренции, защита предприятий от вмешательства извне за счёт отлаживания процесса охраны информации с помощью оборудования помещений, в которых содержатся документы, всеми необходимыми средствами защиты, а также раз-

витие IT-инфраструктуры предприятий, позволяющей предотвратить утечку информации за счёт технических средств и согласованность между органами компании в целях единообразного локального правового регулирования коммерческой тайны. На данный момент российский правовой порядок, в частности ФЗ «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 № 98-ФЗ и иные нормативно правовые акты не запрещают пользоваться всеми названными средствами защиты коммерческой тайны, что позволяет говорить о необходимости их использования для избегания разглашения информации, имеющей значение для бизнеса и стабильного увеличения прибыли компании.

Литература

1. Смольянинова С.Ю. Государственные преступления по Уголовному Уложению 1903 года // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2003. – с. 148–149.
2. Закон СССР «О предприятиях в СССР» от 4 июня 1990 года // Вестник Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 25
3. Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (с изм. и доп. от 2022 года) – [Электронный ресурс] – Консультант плюс 2023.
4. Косенцев, Е.А. Ответственность за разглашение коммерческой тайны: проблемы и пути решения / Е.А. Косенцев // Проблемы государства и права в исследованиях студентов. – Москва – Тюмень: АНО ВО «Институт деловой карьеры», 2022. – С. 82–84.
5. Ошибки при увольнении за разглашение коммерческой тайны: интересные споры за 2020–2021 годы // [Электронный ресурс] URL: <https://respectrb.ru/node/38650>.
6. Коммерческая тайна: проблемы правовой защиты // Мудрый Юрист URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/71092-kommercheskaya-tajna-problemy-pravovoj-zashhity> (дата обращения: 16.01.2023).
7. Олефиренко Елена Алексеевна Особенности правовой охраны коммерческой тайны // Образование и право. 2018. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovoy-ohrany-kommercheskoy-tayny> (дата обращения: 22.01.2023).
8. Решение Кунцевского районного суда г. Москвы по делу № 33–35077/2014 от 16.10.2014 // Интернет-ресурс «СудАкт».
9. Лычнева, О.Д. Коммерческая тайна организации и механизм ее обеспечения / О.Д. Лычнева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 47 (442). – С. 113–116. – URL: <https://moluch.ru/archive/442/96659/> (дата обращения: 22.01.2023).

10. Северин В.А. Правовое обеспечение информационной безопасности предприятия. М., 2000. С. 137–186.
11. Зантария, А.Б. Использование и охрана информации, составляющей коммерческую тайну: актуальность внедрения методических рекомендаций для предпринимателей / А.Б. Зантария // Молодой ученый. – 2022. – № 42(437). – С. 101–103.
12. Степанов А.Г., Шерстнева О.О. Защита коммерческой тайны. М., 2006. С. 8–9.

LIMITATIONS OF THE LEGAL MECHANISM FOR THE PROTECTION OF TRADE SECRETS

Korkin M.S., Ponomarev O.V.
Far Eastern Federal University

The authors consider the legal aspects of the protection of information related to trade secrets, which is one of the most important legal institutions for entrepreneurial activity. Its existence contributes to an increase in the company's profits due to the non-disclosure of information important for its functioning. Despite the regulation of commercial secrets defined in a separate Federal Law "On Commercial Secrets" dated 29.07.2004 No. 98-FZ and other legislative acts. However, the protection of such information is not comprehensive, due to the fact that the above-mentioned law still lacks some unresolved procedural aspects related to the conclusion of a non-disclosure agreement on trade secrets, as well as the resolution of conflicts that arise between local regulations issued by the company's bodies.

Keywords: trade secret, confidential information, non-disclosure agreement, entrepreneurial activity, trade secret protection.

References

1. Smolyaninova S. Yu. State crimes under the Criminal Code of 1903 // Actual problems of the fight against crime at the present stage. – Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. – pp. 148–149.
2. The Law of the USSR "On enterprises in the USSR" of June 4, 1990 // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. – 1990. – No. 25
3. Federal Law "On Trade Secrets" dated July 29, 2004 No. 98-FZ (with amendments and additions). from 2022) – [Electronic resource] – Consultant plus 2023.
4. Kosentsev, E.A. Responsibility for disclosure of trade secrets: problems and solutions / E.A. Kosentsev // Problems of state and law in students' research. – Moscow – Tyumen: ANO VO "Institute of Business Career", 2022. – pp. 82–84.
5. Errors in dismissal for disclosure of trade secrets: interesting disputes for 2020–2021 // [Electronic resource] URL: <https://respectrb.ru/node/38650>.
6. Trade secret: problems of legal protection // Wise Lawyer URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/71092-kommercheskaya-tajna-problemy-pravovoj-zashhity> (date of application: 16.01.2023).
7. Olefirenko Elena Alekseevna Features of legal protection of trade secrets // Education and law. 2018. No.5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovoy-ohrany-kommercheskoy-tayny> (date of appeal: 22.01.2023).
8. Decision of the Kuntsevsky District Court of Moscow in case No. 33–35077/2014 of 16.10.2014 // Internet resource "SudAkt".
9. Lychneva, O.D. The commercial secret of the organization and the mechanism of its provision / O.D. Lychneva. – Text: direct // Young scientist. – 2022. – № 47 (442). – Pp. 113–116. – URL: <https://moluch.ru/archive/442/96659/> (accessed: 22.01.2023).
10. Severin V.A. Legal provision of information security of the enterprise. M., 2000. pp. 137–186.
11. Zantaria, A.B. The use and protection of information constituting a trade secret: the relevance of the implementation of methodological recommendations for entrepreneurs / A.B. Zantaria // Young scientist. – 2022. – № 42(437). – Pp. 101–103.
12. Stepanov A.G., Sherstneva O.O. Protection of trade secrets. M., 2006. pp. 8–9.

Некоторые вопросы привлечения к налоговой ответственности и начисления пени в случае уплаты НДФЛ головной организацией

Обрашко Егор Андреевич,

студент, Юридическая школа, ФГАО ВО «Дальневосточный
Федеральный университет»
E-mail: obrashko.ea@students.dvfu.ru

В данной статье рассматривается вопрос о правомерности привлечения налоговыми органами налогового агента к предусмотренной законом ответственности за неперечисление суммы налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) в соответствующий бюджет по местонахождению обособленных подразделений, а также вопрос начисления пеней на сумму налога. В научной работе исследуется актуальная и устоявшаяся судебная и административная практика в рамках поставленного вопроса, выделяется проблема нормативно-правового регулирования и предлагается вариант разрешения выделенной проблемы. Цель научной работы заключается в определении официальной правовой позиции, правоприменительной практики, а также в выделении проблем и предложении вариантов по их решению. Актуальность научной статьи выражается сложившейся на сегодняшний день противоречивой правоприменительной практики налоговых и судебных органов. Методологическую основу исследования составили общенаучные и научно-научные методы исследования (анализ, синтез, обобщение, индукция, дедукция, сравнение). Результатами настоящей работы явились выявление устоявшихся правовых позиций, изложенных в судебных постановлениях Высшего Арбитражного Суда, Верховного Суда и федеральных арбитражных судов, выявление проблемы правового регулирования и предложение эффективного варианта разрешения проблемы.

Ключевые слова: налоговая ответственность, головная организация, обособленное подразделение, налог, НДФЛ, налоговый агент.

Правовое регулирование НДФЛ осуществляет Налоговый кодекс Российской Федерации: часть вторая от 05.08.2000 г. № 117 (ред. от 29.12.2022 г.) [1] (далее – НК РФ), а именно в рамках главы 23 НК РФ. Из положений указанной главы НК РФ исходит, что в качестве налогоплательщиков по данному платежу выступают физические лица. Несмотря на указание физических лиц в качестве налогоплательщиков указанного налога, обязанность по уплате последнего возлагается, например, на российскую организацию, т.е. на налоговых агентов.

Вышеуказанная обязанность должна быть исполнена организацией путем перечисления денежных средств в бюджет по месту учета в соответствующей инспекции Федеральной налоговой службы России (далее – ФНС России).

Российские организации могут иметь и создавать обособленные подразделения, в том числе филиалы и представительства, в соответствии со ст. 55 Гражданского кодекса РФ: часть первая от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022 г.) [2] (далее – ГК РФ).

Таким образом, в случае реализации организацией своего права, предусмотренного ст. 55 ГК РФ, по созданию обособленных подразделений по ним также необходимо переводить денежные средства в бюджет по месту нахождения таких обособленных подразделений. Кроме того, расчет денежных средств, подлежащих уплате в данном случае, определяется специальными правилами, предусмотренными п. 7 ст. 226 НК РФ.

С целью обеспечения надлежащего исполнения предусмотренной за организациями налоговой обязанности по переводу денежных средств в бюджет за физических лиц, вводится налоговая ответственность в виде начисления на каждый день просрочки пени.

Исходя из того, что НДФЛ, который был удержан российской организацией, подлежит уплате в бюджеты по месту нахождения обособленных подразделений, возникает закономерный вопрос о том, необходимо ли привлекать организацию к предусмотренной законом налоговой ответственности за уплату НДФЛ в бюджет по месту нахождения головной организации, расположенной в другом субъекте Российской Федерации. Официальная позиция, выраженная в НК РФ и иных актах, регулирующих отношения по поводу уплаты налогов, отсутствует.

Как справедливо отмечает советник налоговой службы II ранга РФ Рябова Р.И. [3, С. 35], при разрешении указанного вопроса необходимо об-

ращаться к положениям статьи об уплате налога. Возложенная на организацию обязанность тогда считается неисполненной или ненадлежаще исполненной, когда в поручении на перевод суммы НДС организацией неверно указываются реквизиты, а именно номер счета Федерального казначейства (далее – ФК) и наименование банка получателя, что в конечном итоге повлекло непоступление суммы НДС в соответствующий бюджет.

С учетом вышеизложенного следует, что в случае допущения ошибки в платежном поручении на перечислении НДС, которая в свою очередь не влечет перечисление НДС в бюджет на счет ФК, необходимо обратиться в инспекцию ФНС России по месту учета с заявлением об уточнении (в отношении какого налога совершен перевод, за какой период и т.д.). Кроме того, совместно с заявлением необходимо приложить документы, которые подтверждали бы совершенный перевод, например, исполненное платежное поручение от банковской организации, где указывается сумма перевода, счет ФК и иные необходимые сведения.

Следовательно, в случае наличия самого факта уплаты НДС в бюджет на счет ФК (когда денежные средства поступили на указанный счет), но при допущении ошибки в коде общероссийского классификатора административно-территориальных образований (далее – ОКАТО), то вышеуказанное не выступает в качестве налогового правонарушения в аспекте ненадлежащей оплаты НДС и невозможно применить соответствующие меры налоговой ответственности (уплата пени за каждый день просрочки).

Аналогичную позицию высказывает и Зобова Е.П. [4, С. 2], отмечая, что в ст. 75 НК РФ отсутствуют положения, исходя из которых, можно было бы сделать вывод о том, что начисление пеней зависит от неправильного порядка уплаты сумм налога, учитывая при этом также отсутствие факта неуплаты налога в более позднее время. Вышеуказанные позиции также отмечают Егоров В. [5, С. 8], Мельникова Е.В. и Лазукова Е.М. [6, С. 45].

Однако не все правоведа придерживаются вышеуказанной позиции, в соответствии с которой организация не привлекается к налоговой ответственности. Так, например, Лукаевич М.С. [7, С. 17] отмечает, что субъекты РФ имеют свои счета ФК и в случае, если такой счет неверно указан и это повлекло непоступление денежных средств на него, то необходимо признавать ненадлежащее исполнение организацией своей обязанности по перечислению НДС. Следовательно, существуют основания для начисления пени и привлечения к налоговой ответственности.

Официальной позиции, внешне выражение которой нашло бы отражение в положениях НК РФ, нет. Последнее, в свою очередь, явилось следствием противоречивой административной и судебной практики.

Так, принятое Письмо ФНС РФ от 2006 г. № 04–1–03/21 [8] разъясняет, что налоговый орган, вне зависимости от фактического перечисления НДС

в полном объеме, в том числе за обособленные подразделения, в бюджет, но не по месту нахождения подразделений, может направить налоговому агенту требование о перечислении неперечисленных сумм налога в бюджет по месту нахождения обособленного подразделения, а также начислить пени и привлечь организацию к ответственности, предусмотренной ст. 123 НК РФ.

Аналогичную правовую позицию можно встретить в постановлении ФАС Московского округа от 13.10.2009 г. № КА-А40/107 [9], постановлении ФАС Уральского округа от 01.03.2007 г. № Ф09–172/07-С2 [10], постановлении ФАС Московского округа от 19.10.2006 г. № КА-А41/9386–06 [11] и в других судебных постановлениях.

Однако позиция, выраженная в указанном Письме ФНС РФ № 04–1–03/21, поддерживаемая устоявшейся судебной практикой арбитражных окружных судов, противоречила ранее, по мнению авторов, верно высказанной в Письме ФНС РФ от 31.10.2005 г. № 04–1–02/844@ [12] правовой позиции. Так, налоговый орган отмечал, что пеня является компенсацией потерь государственной казны в результате недополучения сумм налога в установленный законодательством о налогах и сборах срок. Так, если в случае уплаты налога на доходы физических лиц по месту головной организации, последнее не происходит, то и в перечислении на другой счет Федерального казначейства по ошибке кода ОКАТО состава налогового правонарушения, предусмотренного ст. 123 НК РФ не содержит, и, соответственно, начисления пени также не влечет.

Кроме отмеченного Письма ФНС РФ № 04–1–02/844@, аналогичную правовую позицию высказал и Высший Арбитражный Суд постановлением № 14519/08, вынесенном 24.03.2009 г. [13], в котором отмечал, что Налоговый кодекс Российской Федерации не предусматривает ответственности за ненадлежащее исполнение налоговым агентом своих обязанностей за нарушение порядка перечисления удержанного налога на доходы физических лиц.

Необходимо также отметить позицию Егорова В. Который указывает, что точку в разрешении этого вопроса поставил Президиум Высшего Арбитражного Суда в своем постановлении от 23.07.2013 г. № 784/13 [14]. Так, суд установил, обязанность по уплате и перечислению налога налоговым агентом не может считаться неисполненной в случае допущения ошибок при указании в платежных документах кодов ОКАТО и КБК, поскольку в любом случае НДС поступает в бюджетную систему РФ.

Вместе с тем, необходимо принять во внимание постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда № 784/13, было направлено Письмом ФНС РФ от 24.11.2017 г. № ГД-4–11/23852 [15], в котором обязанность по уплате налога на доходы физических лиц организацией признается исполненным в случае исчисления, удержания и перечисления налога на соответствующий счет Федерального

казначейства, где неверное указание в платежных документах кода ОКАТО не ведет к образованию недоимки и, соответственно, не влечет начисление сумм пеней. Кроме указанных судебных актов, а также иных актов, разъясняющих законодательство о налогах и сборах, Верховным Судом Российской Федерации в определении от 10.03.2015 N305–15КГ-157 [16] высказана аналогичная правовая позиция.

Несмотря на устоявшуюся судебную и административную практику, актуальность настоящей статьи, в частности, выражается принятием неверных решений руководителей налоговых органов о привлечении налоговых агентов к ответственности, которая предусмотрена ст. 123 НК РФ, и начислением пени на НДСЛ, перечисленный на счет Федерального казначейства по месту учета головной организации. Последнее подтверждается принятыми судебными постановлениями, отменяющими решения руководителей налоговых органов, в частности постановление ФАС Московского округа от 14.05.2018 г. № Ф05–5361/18 [17], постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 23.05.2019 г. № Ф08–3750/2019 [18] и другие.

Авторы считают, что, принимая во внимание сложившуюся судебную и административную практику, а также неверное толкование положений ст. 45 НК РФ руководителями налоговых органов и существующие в настоящее время судебные споры, справедливым кажется утверждение о пробеле в нормативно-правовом регулировании рассматриваемого вопроса.

С целью разрешения выделенной проблемы авторами предлагается внести изменения в п. 7 ст. 226 НК РФ с учетом устоявшейся административной и судебной практики, в частности в учетом правовых позиций Высшего Арбитражного Суда, Верховного Суда и Федеральных окружных судов Российской Федерации об исполнении налоговыми агентами обязанности по уплате НДСЛ даже в том случае, если удержанные и перечисленные денежные средства поступили на счет Федерального казначейства в другом субъекте РФ. Таким образом исполнение обязанности по уплате налога не может повлечь за собой привлечение налогового агента к налоговой ответственности, предусмотренной ст. 123 НК РФ и начисление пени.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации: часть вторая: Федер. закон от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 05.01.2023 г.)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая: федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 05.01.2023 г.)
3. Рябова Р.И. Обособленные подразделения // Экономико-правовой бюллетень. 2011. № 3. Ст. 1–160
4. Зобова Е.П. Комментарий к Письму Минфина России // Строительство: акты и комментарии для бухгалтера. 2019. № 1. Ст. 1–3
5. Егоров В. Удержания из зарплаты // эж-ЮРИСТ. 2014. № 42. Ст. 1–15
6. Мельникова Е.В., Лазукова Е.М. Порядок уплаты НДСЛ головной организацией за свое обособленное подразделение // Бухгалтерский учет. 2016. № 3. Ст. 43–47
7. Лукаевич, М.С. Ответственность налогового агента: научно-практический комментарий ст. 123 Налогового кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 8. Ст. 1–25
8. Об уплате налога на доходы физических лиц: Письмо Федеральной налоговой службы РФ от 17.01.2006 г. № 04–1–03/21 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.klerk.ru/doc/42898/> (дата обращения: 05.01.2023 г.)
9. Постановление Федерального Арбитражного Суда Московского округа от 13.10.2009 г. по делу N А40–31254/09–118–160 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://goo.su/uUU3r> (дата обращения: 05.01.2023 г.)
10. Постановление Федерального Арбитражного Суда Уральского округа от 01.03.2007 г. по делу N А60–29555/06 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://goo.su/CxzmN> (дата обращения: 05.01.2023 г.)
11. Постановление Федерального Арбитражного Суда Московского округа от 19.10.2006 г., 20.10.2006 г. по делу N А41-К2–23470/05 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://goo.su/EEzQ> (дата обращения: 05.01.2023 г.)
12. Об уплате налога на доходы физических лиц: Письмо Федеральной налоговой службы РФ от 31.10.2005 г. № 04–1–02/844@ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57927/ (дата обращения: 05.01.2023 г.)
13. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.03.2009 г. по делу N А33–356/2008 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AR-V&n=92656#021331505627892322> (дата обращения: 05.01.2023 г.)
14. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.07.2013 г. по делу N А06–9384/2011 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70496110/> (дата обращения: 05.01.2023 г.)
15. О неправильном указании реквизитов обособленного подразделения организации в качестве основания для признания обязанности по уплате налога в бюджетную систему РФ неисполненной: Письмо Федеральной налоговой службы РФ от 24.11.2017 г. № ГД-4–11/23852 [Электронный ресурс] – Режим до-

ступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71752090/> (дата обращения: 05.01.2023 г.)

16. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.03.2015 г. по делу N А40–19592/14 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70791068/> (дата обращения: 05.01.2023 г.)
17. Постановление Федерального Арбитражного Суда Московского округа от 14.05.2018 г. по делу N А41–56227/2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=292579#02377428209450787> (дата обращения: 05.01.2023 г.)
18. Постановление Федерального Арбитражного Суда Северо-Кавказского округа от 23.05.2019 г. по делу N А53–26561/2018 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/40657048/> (дата обращения: 05.01.2023 г.)

SOME ISSUES OF BRINGING TO TAX LIABILITY AND ACCRUAL OF PENALTIES IN CASE OF PERSONAL INCOME TAX PAYMENT BY THE PARENT ORGANIZATION

Obrashko E.A.

Far Eastern Federal University

This article deals with the issue of the legality of bringing a tax agent to the responsibility provided for by law for non-transfer of the amount of personal income tax (hereinafter referred to as personal income tax) to the appropriate budget at the location of separate divisions, as well as the issue of accrual of penalties for the amount of tax. The scientific work examines the current and well-established judicial and administrative practice within the framework of the question posed, highlights the problem of regulatory regulation and suggests a solution to the highlighted problem. The purpose of the scientific work is to determine the official legal position, law enforcement practice, as well as to identify problems and propose solutions to them. The relevance of the scientific article is expressed by the contradictory law enforcement practice of tax and judicial authorities that has developed to date. The methodological basis of the study was made up of general scientific and private scientific research methods (analysis, synthesis, generalization, induction, deduction, comparison). The results of this work were the identification of well-established legal positions set out in judicial decisions of the Supreme Arbitration Court, the Supreme Court and federal arbitration courts, the identification of the problem of legal regulation and the proposal of an effective solution to the problem.

Keywords: tax liability, parent organization, separate division, tax, personal income tax, tax agent.

References

1. The Tax Code of the Russian Federation: Part Two: Feder. Law of 05.08.2000 № 117-FZ [Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (accessed 05.01.2023)
2. The Civil Code of the Russian Federation: Part one: feder. Law of 30.11.1994 № 51-FZ [Electronic resource] – Access mode:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ / (accessed 05.01.2023)

3. Ryabova R.I. Separate divisions // Economic and Legal Bulletin. 2011. № 3. Art. 1–160
4. Zobova E.P. Comment to the Letter of the Ministry of Finance of Russia // Construction: acts and comments for the accountant. 2019. № 1. Art. 1–3
5. Egorov V. Deductions from salary // ezh-YURIST. 2014. № 42. Art. 1–15
6. Melnikova E.V., Lazukova E.M. The procedure for paying personal income tax by the parent organization for its separate division // Accounting. 2016. № 3. Art. 43–47
7. Lukasevich, M.S. Responsibility of a tax agent: scientific and practical commentary of Article 123 of the Tax Code of the Russian Federation // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2015. № 8. Art. 1–25
8. On the payment of personal income tax: Letter of the Federal Tax Service of the Russian Federation of 17.01.2006 № 04–1–03/21 [Electronic resource] – Access mode: <https://www.klerk.ru/doc/42898/> (accessed 05.01.2023)
9. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Moscow District of 13.10.2009 in case № А40–31254/09–118–160 [Electronic resource] – Access mode: <https://goo.su/uUU3p> (accessed 05.01.2023)
10. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Ural District of 01.03.2007 on the case № А60–29555/06 [Electronic resource] – Access mode: <https://goo.su/CxzmN> (accessed 05.01.2023)
11. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Moscow District of 19.10.2006, 20.10.2006 in the case № А41–К2–23470/05 [Electronic resource] – Access mode: <https://goo.su/EEzQ> (accessed 05.01.2023)
12. On the payment of personal income tax: Letter of the Federal Tax Service of the Russian Federation of 31.10.2005 № 04–1–02/844@ [Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57927/ (accessed 05.01.2023)
13. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 24.03.2009 on the case № А33–356/2008 [Electronic resource] – Access mode: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AR-B&n=92656#021331505627892322> (accessed 05.01.2023)
14. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 23.07.2013 on the case № А06–9384/2011 [Electronic resource] – Access mode: <https://base.garant.ru/70496110/> (accessed 05.01.2023)
15. On incorrect indication of the details of a separate subdivision of the organization as a basis for recognizing the obligation to pay tax to the budget system of the Russian Federation unfulfilled: Letter of the Federal Tax Service of the Russian Federation of 24.11.2017 № GD–4–11/23852 [Electronic resource] – Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71752090/> (accessed 05.01.2023)
16. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.03.2015 on the case N А40–19592/14 [Electronic resource] – Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70791068/> (accessed 05.01.2023)
17. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Moscow District of 14.05.2018 in the case N А41–56227/2017 [Electronic resource] – Access mode: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=292579#02377428209450787> (accessed 05.01.2023)
18. Resolution of the Federal Arbitration Court of the North Caucasus District of 23.05.2019 in case N А53–26561/2018 [Electronic resource] – Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/40657048/> (accessed 05.01.2023)

Правовая оценка соответствия практики применения мер налогового стимулирования IT-сектора целям и задачам государственной политики: выявление неопределенностей модели налогообложения

Худяков Павел Алексеевич,

аспирант, кафедра правового регулирования экономики и финансов Института государственной службы и управления РАНХиГС
E-mail: khudiakovpavel@ya.ru

В рамках настоящего исследования проанализированы текущее налоговое регулирование и подходы к применению налогоплательщиками методов налогового планирования в рамках использования преференциального налогового режима и мер налогового стимулирования, предусмотренных для аккредитованных ИТ-компаний. В настоящей статье рассматривается процесс изменения регулирования и позиции финансовых органов в рамках реализации оперативных налоговых мер по стабилизации ИТ-сектора в 2022 году и влияние таких мер на практическое использование преференциального налогового режима. В рамках настоящего исследования анализируется и дается оценка соответствия практики применения мер стимулирования целям и задачам регулирования, а также осуществляется попытка оценить пределы допустимого налогового планирования с применением подобных льгот. В настоящей статье также предложен правовой подход к устранению налоговых неопределенностей, вызванных текущим регулированием и разъяснениями финансовых органов для целей соответствия регулирования определенным законодателем целям и задачам с целью определения пределов допустимого налогового планирования с применением налоговых льгот, предусмотренных для ИТ-компаний.

Ключевые слова Налоговые льготы. Налоговое планирование. Налоговые последствия реструктуризации. Выделение для целей применения налоговых льгот. Налогообложение ИТ-компаний.

Методы, предмет, цели и актуальность исследования

Настоящее исследование проводилось с применением сравнительно-правового метода, метода логического анализа, а также формально-юридического метода. Применение данных методов позволило не только дать оценку используемым налогоплательщиками методам налогового планирования при применении преференциального налогового режима для ИТ-компаний, но и выявить налоговую неопределенность и дефекты существующего налогового регулирования, определить пределы допустимого налогового планирования.

В рамках настоящего исследования предметом являлось налоговое законодательство, регулирующее применение налоговых преференций для ИТ-компаний, подзаконные нормативно-правовые акты, определяющие статус и правовой режим ИТ-компаний, а также разъяснения финансовых органов по вопросам применения налоговых льгот для ИТ-компаний.

Целью настоящей статьи является анализ положений налогового законодательства, разъяснений финансовых органов и практики применения налогоплательщиками методов и механизмов налогового планирования с использованием преференциального налогового режима для ИТ-компаний с целью выработки правовых подходов к устранению возникающих на практике налоговых неопределенностей, а также с целью определения пределов допустимого налогового планирования с учетом целей и задач налогового режима.

Тема исследования является практически значимой и актуальной для теоретического исследования, поскольку отсутствие стабильного регулирования и выработанной правовой позиции со стороны финансовых органов и судов позволяет налогоплательщикам допускать использование агрессивных механизмов налогового планирования, сопровождающееся существенными налоговыми рисками. Выработка правового подхода к устранению налоговых неопределенностей и уточнение пределов допустимого использования льгот позволит не только установить стабильность налогового регулирования, но и ограничить использование агрессивных методов планирования для минимизации бюджетных рисков. Теоретическое исследование в этом случае необходимо для определения правовой конструкции введения нормативных изменений в действующее регулирование.

Введение

Преференциальный налоговый режим для ИТ-компаний претерпел некоторые изменения в 2022 году, вызванные применением законодателем и финансовыми органами мер оперативного правового реагирования на экономические (в том числе налоговые) и социальные изменения в России.

Как структурные, так и реакционные процессы в российской экономике 2022 года повлияли на российский ИТ-сектор и стимулировали отток квалифицированных кадров, покидание российскими и иностранными ИТ-компаниями рынка, сокращение коммерческой, операционной деятельности ИТ-компаний, сокращение их функций и уровня присутствия в России. В результате чего образовался существенный риск оттока центров прибыли и доходов из российской юрисдикции и образования бюджетных и иных макроэкономических рисков. Органами государственной власти были приняты экстренные, оперативные меры по реагированию на вышеперечисленные вызовы.

Федеральный закон N67-ФЗ от 26.03.2022 [1], который был принят в связи с исполнением предложенных Президентом РФ в Указе N83 от 02.03.2022 [2] мер налогового стимулирования, внес изменения в ранее действующий преференциальный налоговый режим для ИТ-компаний. В частности, Закон N67-ФЗ установил льготную налоговую ставку по налогу на прибыль для аккредитованных ИТ-компаний на период с 2022 по 2024 гг. в размере 0%. Постановление Правительства РФ от 24.03.2022 N448, также изданное во исполнение Указа 02.03.2022 N83, установило мораторий для ИТ-компаний по проведению выездных налоговых проверок до 3 марта 2025 года.

Также, различными законодательными актами были установлены иные льготы и преференции, как персональные – для ИТ-специалистов, так и общекорпоративные – для аккредитованных ИТ-компаний. Данные льготы и преференции касались грантовой поддержки, упрощения трудоустройства иностранных специалистов, упрощения государственных закупок ПО и баз данных, включенных в Единый реестр российских программ для ЭВМ и баз данных, предоставление отдельным ИТ-специалистам льготных кредитов.

Федеральным законом N321-ФЗ от 14.07.2022 [3] налоговый режим для ИТ-компаний получил дальнейшее развитие. Была уточнена возможность применения ставки 0% по налогу на прибыль на период до 2024 года, были существенно расширены перечни квалифицированных видов деятельности, доходы от осуществления которых учитываются при расчете доли доходов для целей применения льгот. Федеральным законом N321-ФЗ были ликвидированы требования к численности сотрудников для получения льгот, снижены требования к доле доходов от осуществления квалифицированных видов деятельности с 90% до 70%. Была введена ретроспективная оговорка и данные изменения распространялись на правоотношения, воз-

никшие начиная с 1 января 2022 года с некоторыми особенностями. Возможность применения пониженных тарифов по страховым взносам в размере 7,6% для аккредитованных ИТ-компаний при условии соблюдения уточненных требований, предусмотренная Федеральным законом от 31.07.2020 N265-ФЗ, также была сохранена.

Федеральным законом от 14.07.2022 N321-ФЗ были внесены изменения в части установления условий при которых наиболее существенные налоговые льготы – пониженная ставка по налогу на прибыль и пониженные тарифы по страховым взносам, не могут применяться аккредитованными ИТ-компаниями вне зависимости от соблюдения иных условий. В частности, преференции не доступны для организаций, созданных в результате реорганизации (кроме преобразования) или реорганизованными в форме присоединения к ним другого юридического лица либо выделения из его состава одного или нескольких юридических лиц после 1 июля 2022 года, а также для организаций, в которых доля прямого или косвенного участия РФ составляет не менее 50%, что предусмотрено абзацами 19 и 21 пункта 1.15 статьи 284 НК РФ.

Наличие подобных исключений было направлено на борьбу с злоупотреблениями, которые были обусловлены возможностью применения налогоплательщиками налоговых льгот и льгот по страховым взносам, предусмотренных для ИТ-компаний, в рамках применения их в качестве инструментов налоговой оптимизации и налогового планирования. По моей оценке, введение подобных антизлоупотребительных норм ввело неопределенность в налоговое регулирование по причине наличия ранее выпущенной в разъяснениях финансовых органов позиции [4], согласно которой наличие деловых целей в реорганизации с дальнейшим применением созданной в результате реорганизации, аккредитованной ИТ-компании, налоговых льгот может являться обоснованным и безусловно не приводит к возникновению налоговых рисков.

По моей оценке, подобная непоследовательность существенно ухудшает стабильность налогового режима, формирует налоговую неопределенность, которая может повлиять как на отраслевые риски для ИТ-сектора экономики, риски налоговых доначислений для налогоплательщиков, формирующих собственную правовую оценку налоговому регулированию с помощью трактовок действующего регулирования и разъяснений финансовых органов.

В рамках настоящего исследования я постараюсь не только определить ключевые недостатки налогового регулирования и проводимой налоговой политики, лишь увеличивающей налоговую неопределенность и размывающей пределы использования мер налогового стимулирования, но и постараюсь выработать правовой подход к устранению такой налоговой неопределенности, а также предложить правовую конструкцию для разграничения и определения пределов использования налогоплательщиками допустимых инструментов на-

логового планирования и недопустимых агрессивных инструментов налоговой оптимизации.

Практика применения методов налогового планирования при применении преференциального налогового режима для ИТ-компаний

В 2021 году налогоплательщики из различных секторов экономики и отраслей использовали налоговые льготы и льготы по страховым взносам, предусмотренные налоговым маневром 2021 года [5]. Данная тенденция продолжилась в 2022 году. Трендом 1–3 кварталов 2022 года стало получение крупными финансовыми, инвестиционными группами, крупными производственными и торговыми холдингами, публичными компаниями с государственным участием аккредитации в российском реестре ИТ-компаний, некоторые из них пытались применить ряд преференций, в том числе налоговые льготы, предусмотренные для ИТ-компаний [6]. В дальнейшем некоторые из данных групп компаний были исключены из российского реестра ИТ-компаний в рамках аудита реестра Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций (далее – «Минцифры») [7], а сами правила аккредитации ИТ-компаний были уточнены и усложнены Правительством в части требований к видам экономической деятельности, доли квалифицированных доходов, уровню заработной платы специалистов, отчетности, аудиту реестра и иных требований [8]. Тем не менее, данный тренд демонстрирует стабильный интерес к применению преференциального налогового режима как со стороны групп компаний и организаций из ИТ-сектора, так и групп компаний, основная хозяйственная деятельность не связана с ИТ-отраслью.

В отсутствие большого объема разъяснений финансовых органов по вопросам применения налоговых льгот и пониженных тарифов по страховым взносам, предусмотренных для ИТ-компаний, налогоплательщики-члены групп компаний из различных отраслей экономики, используют налоговый режим для ИТ-компаний в качестве инструментов налогового планирования, что приводит к различным рискам и неопределенностям в налоговом регулировании.

Сложившееся регулирование и практика применения льгот, а также разъяснения финансовых органов допускают использование рискованных методов налоговой оптимизации группами компаний, основная финансово-хозяйственная деятельность которых находится за пределами ИТ-секторами экономики, и именно данные группы компаний, используя налоговую неопределенность и недостатки регулирования, подвергаются не только будущим налоговым рисками, но и влияют на стабильность функционирования инструментов налогового контроля и администрирования, возникновение бюджетных рисков. По моей оценке, законодатель по-прежнему не привел преференциальный налоговый режим, предусмотренный для ИТ-компаний,

в соответствии с целями и задачами его имплементации. Продолжая реформу налогового законодательства, регулирующего применение преференциального налогового режим для ИТ-компаний, законодатель лишь расширяет налоговую неопределенность.

При применении группами компаний из различных секторов экономики льгот и преференций, предусмотренных налоговым режимом для ИТ-компаний, такие группы компаний вынуждены осуществлять внутригрупповые реструктуризации в части корпоративной структуры, операционной модели, управленческой структуры, финансовой и налоговой структуры.

Цель подобных реструктуризаций заключается в создании юридически обособленной аккредитованной ИТ-компания группы, которая в дальнейшем осуществляет квалифицированные виды деятельности, подпадающие под применение преференциального налогового режима. Это оптимизирует общую налоговую структуру деятельности группы компаний за счет применения налоговых льгот по налогу на прибыль, пониженных тарифов по страховым взносам, а иногда и применения освобождения по НДС, предусмотренное при реализации ПО и баз данных, включенных в реестр российского ПО и баз данных. Данные структуры также могут быть осложнены иностранным элементом.

Конкретные юридические формы проведения подобных реструктуризаций выбираются налогоплательщиками в зависимости от конкретных условий, доступных инструментов и идентифицированных налоговых рисков. Одна из форм такой реструктуризации реализуется через создание нового юридического лица (ИТ-компания) с переводом в такое новое юридическое лицо сотрудников, активов, пассивов, операционных и неоперационных договоров, связанных с квалифицированной ИТ-деятельностью. Иная форма реструктуризации заключается в юридической реорганизации компании с переводом на выделившуюся компанию всех таких сотрудников, активов, пассивов, операционных и неоперационных договоров. Используемые группами компаний юридические формы осуществления реструктуризации для целей «фактического выделения» ИТ-компания из группы отличаются исключительно по юридической форме и проводимых юридических (и иных) процедурах и процессах, но не отличаются по целям, содержанию, конечному эффекту и результату от реструктуризации.

При осуществлении реструктуризаций в отсутствие выработанной финансовыми органами позиции, менеджмент групп компаний использовал общие доктринальные и выработанные в судебной практике и общих разъяснениях финансовых органов подходы к минимизации налоговых рисков оспаривания правомерности дробления структуры бизнеса группы компаний для дальнейшего применения налоговых льгот одной из компаний. В частности, группы компаний базировались

на формальных требованиях общей антизлоупотребительной GAAR (General Anti-Avoidance Rules) нормы, предусмотренной российским налоговым законодательством, статьи 54.1 НК РФ, а также на ее официальном и доктринальном толкование, многочисленной судебной практике по оспариванию налоговыми органами схем искусственного дробления бизнеса, выработанной в рамках правовым идей, выраженных в Постановление Пленума ВАС РФ [9] и толкованиях статьи 54.1 НК РФ.

Налогоплательщики предпринимали ряд действий для минимизации налоговых рисков и определения пределов допустимого налогового планирования, в том числе основываясь на правовых позициях, выраженных в разъяснениях финансовых органов [10], согласно которым налоговые льготы могут равным образом распространяться как вновь создаваемые ИТ-компании, так и ИТ-компании, созданные в результате юридической реорганизации существующих юридических лиц, при условии, что создание ИТ-компании в результате реорганизации существующих юридических лиц (разделение, выделение) должно исследоваться налоговыми органами в каждом отдельно взятом случае на предмет наличия признаков «дробления бизнеса».

В данных разъяснениях налоговые органы постарались определить пределы налогового планирования, указав на необходимость наличия деловой цели при осуществлении реструктуризации группы компаний (в том числе в форме реорганизации) с дальнейшим применением одной из компаний налоговых льгот и пониженных тарифов по страховым взносам, предусмотренных для ИТ-компаний. При этом каких-либо требований к экономической, хозяйственной деятельности группы компаний, подлежащей реструктуризации не устанавливалось.

Группы компаний, осуществляющие финансово-хозяйственную деятельность в секторах экономики и отраслях, за исключением ИТ, применяя вышеуказанные разъяснения и трактовки налогового законодательства, общие позиции судов и налоговых органов используют ряд инструментов минимизации налоговых рисков в рамках реализации процессов реструктуризации для целей «выделения» ИТ-компании. Цель использования данных инструментов минимизации заключается в создании функционально, организационно, «управленчески» и финансово независимой ИТ-компании внутри группы компаний для подтверждения деловых целей, коммерческой необходимости с целью обоснования отсутствия фактов искусственного дробления бизнеса исключительно для целей получения налоговой экономии для соответствия требованиям статьи 54.1 НК РФ, релевантных разъяснений финансовых органов и судебной практики. На практике, даже искусственное формирование деловых целей реструктуризации могло обеспечить налогоплательщикам уверенную защитную позицию, оспаривание которой для налоговых органов могло стать крайне непростой и трудоемкой задачей.

Федеральные законы от 14.07.2022 N321-ФЗ, от 31.07.2020 N265-ФЗ, а также от 26.03.2022 N67-ФЗ устанавливали формальные основания и требования для применения налоговых льгот как в части квалифицированных ИТ-доходов, так и в части требований к аккредитации ИТ-компании. Нормы НК РФ не предъявляли каких-либо дополнительных требований к виду хозяйственной деятельности, осуществляемой группой компаний, к которой относится «выделившаяся» ИТ-компания. Законодательство не предусматривает какие-либо ограничения для применения преференциального налогового режима пользователями льгот, которые не соответствуют целям и задачам такого налогового режима.

Таким образом, но уровне нормативно-правового регулирования какая-либо дифференциация между созданными или вновь выделенными ИТ-компаниями-членами групп компаний, осуществляющих неквалифицированные виды хозяйственной деятельности и созданными или существующими ИТ-компаниями, осуществляющими квалифицированные виды хозяйственной деятельности (ИТ-деятельности) и получающие квалифицированные ИТ-доходы, отсутствует, что по моей оценке не соответствует целям и задачам введения преференциального налогового режима.

При этом, в соответствии с Указом от 02.03.2022 N83, пояснительными записками к Федеральным законам 14.07.2022 N321-ФЗ, от 31.07.2020 N265-ФЗ, а также от 26.03.2022 N67-ФЗ, пояснениям официальных представителей различных ветвей власти относительно необходимости введения преференциального правового и налогового режима для ИТ-компаний, цели имплементации такого режима в российское законодательство заключаются в развитие ИТ-отрасли, обеспечении поддержки ИТ-индустрии и индустрии высоких технологий в соответствии с национальным проектом «Цифровая экономика» и принятыми в соответствии с ним федеральными программами цифровизации и технологического развития. Таким образом были определены характер, цели и основные направления налоговой реформы в ИТ-секторе. Данные цели и направления не менялись как при первоначальном введении и настройке регулирования в рамках налогового маневра (от 31.07.2020 N265-ФЗ), так при дальнейших налоговых реформах 2022 года. Стоит отметить, что часть изменений имела оперативный характер и при их введении финансовые органы не осуществляли глубокий анализ и прогноз бюджетного эффекта, макроэкономического эффекта по причине высокой волатильности экономики и реакционного характера осуществления реформ.

Тем не менее разъяснения финансовых органов, а также развивающаяся доктрина и практика не отвечали данным целям и задачам и позволяли рассматривать возможность применения преференциального налогового режима компаниям, созданным или выделенным в результате реструктуризации группы компаний, не осуществляющей

деятельность в ИТ-секторе, исключительно в качестве инструментов налогового планирования.

Пути к выработке правового решения по стабилизации преференциального налогового режима для ИТ-компаний и определения пределов допустимого налогового планирования

Минфин России, анализируя негативные для бюджета прогнозы в результате применения налоговых (а также неналоговых) преференций, предусмотренных для ИТ-компаний большим числом компаний и членов групп компаний, осуществляющих неквалифицированную экономическую деятельность (не связанную с ИТ-деятельностью), принял решение внести изменения в регулирование налогового режима, а также изменить правила аккредитации ИТ-компаний. В частности, был установлен прямой законодательный запрет на применение налоговых льгот по налогу на прибыль и страховых взносов для организаций, созданных в результате реорганизации (кроме преобразования) или реорганизованные в форме присоединения к ним другого юридического лица или выделения из его состава одного или нескольких юридических лиц после 1 июля 2022 года. Тем самым, законодатель установил прямо противоположный Письму ФНС от 17.03.2022 N СД-4–2/3289@ запрет на применения преференциального налогового режима налогоплательщикам, созданным в результате реорганизации.

Непоследовательные реформы – изменения налогового законодательства, административно-правового регулирования аккредитации ИТ-компаний, проведение неупорядоченных аудитов реестра ИТ-компаний со стороны Минцифры при поддержке финансовых ведомств демонстрирует отсутствие структурированной политики следования целям и задачам введения преференциального режима для ИТ-компаний, отсутствие у публичных субъектов понимания в части определения пределов и объектов действия преференциального налогового и неналогового (особого правового) режима деятельности ИТ-компаний, что приводит к возникновению многочисленных налоговых неопределенностей, применению налогоплательщиками рискованных инструментов налоговой оптимизации, агрессивных методов планирования.

По моей оценке, наличие подобной налоговой неопределенности и продолжающаяся непоследовательная реформа нормативно-правового, в том числе налогового, регулирования преференциального режима деятельности ИТ-компаний также приводит к возникновению существенных бюджетных рисков, связанных с выпадением налоговых доходов в результате применения преференциального налогового режима как инструмента налогового планирования широким кругом вновь созданных налогоплательщиков-членов групп компаний на которых в рамках бюджетного планирования, а также мер оперативного налогового регулирования, преференциальный налоговый режим для

ИТ-компаний направлен не был (что также не было учтено при планировании экономических и бюджетных прогнозов при имплементации преференциального налогового режима для ИТ-компаний).

Одновременно, подобная неопределенность приводит к возникновению налоговых рисков для вновь созданных налогоплательщиков-членов групп компаний, осуществляющих хозяйственную деятельность вне ИТ сектора экономики. Реализация данных налоговых рисков может привести к возникновению существенно числа налоговых споров, связанных с оспариванием правомерности применения налогоплательщиками налоговых льгот и пониженных тарифов по страховым взносам, предусмотренных для ИТ-компаний.

Исключения возможности применения налоговых льгот для ИТ-компаний для реорганизованных компаний не решают концептуальную проблему применения данного налогового режима. Группы компаний из различных секторов экономики успешно осуществляют «квази-выделение» путем создания новой ИТ-компаний, с переводом в такую компанию сотрудников, операционных и неоперационных договоров, активов, прав требования и обязательств (с учетом соблюдения требований в части квалифицированных доходов и прочих требований, обновляемых в рамках продолжающейся реформы).

На практике получили широкое распространение в том числе случаи, когда планируемое выделение ИТ-функции группы компаний, осуществляющей непрофильные виды деятельности в форме юридической реорганизации из операционной компании группы было приостановлено после установления запрета и было возобновлено позже путем «квази-выделения» – создания нового юридического лица с переводом «всей совокупности бизнеса» в созданную ИТ-компанию, в последствии успешно получившую государственную аккредитацию и применяющую налоговые льготы для ИТ-компаний и иные преференции. Аналогичные группы компаний рассматривают преференциальный налоговый режим для ИТ-компаний в том числе в качестве исключительно механизма налогового планирования.

По моей оценке, решением правовой проблемы устранения налоговой неопределенности и определения допустимых пределов применения льгот может стать имплементация в нормы налогового законодательства, минуя разъяснения финансовых органов, прямых требований к дополнительным характеристикам осуществления претендующей на льготы ИТ-компанией квалифицированных видов деятельности. Подобная имплементация должна исключать сложные правовые настройки такие как ограничения для реорганизации или специальные требования для первичной аккредитации, которые ввиду формальности требований и критериев легко преодолимы налогоплательщиками на этапе планирования юридической или договорной структуры ведения бизнеса группой компаний.

По моей оценке, в качестве возможного пути для устранения возможности по применению преференциального налогового режима в качестве инструментов налогового планирования для групп компаний, не осуществляющих профильную квалифицированную ИТ-деятельность, может являться установление норм ограничивающих подпадать под квалифицированные виды доходов – внутригрупповых ИТ-доходов, получаемых от связанных компаний группы, осуществляющих неквалифицированные виды ИТ-деятельности (т.е. внутригрупповые операции в пользу компаний, не осуществляющих виды экономической деятельности, перечисленные в обновленных правилах аккредитаций ИТ-компаний [8]). Установление подобных нормативных требований позволит напрямую устранить применения данных инструментов группам хозяйствующих субъектов, на которых изначально не было направлен преференциальный режим для ИТ-компаний, определить допустимые пределы налогового планирования, а также устранить налоговую неопределенность действия данного налогового режима.

При этом, для целей противодействия использованию налогоплательщиками искусственно созданных операционных и договорных структур для целей соответствия уточненным критериям и устранения ограничений (например, через использования связанных лиц-контрагентов-«прослоек»), возможно установить нормативные требования в том числе к «косвенному соблюдению критериев» (т.е., например, установить ограничения по квалификации внутригрупповых доходов в том числе для «сестринской», «материнской» компании взаимозависимого лица-контрагента налогоплательщика-ИТ компании), а также дополнить подобные нормативные требования ссылками на статью 54.1 НК РФ о недопустимости использования преференциального налогового режима для ИТ-компаний вне целей и задач регулирования с целью агрессивной минимизации налогообложения.

Для целей определения допустимых пределов налогового планирования, устранения налоговой неопределенности и настройки правового регулирования в соответствии с целями и задачами установления и дальнейших реформ преференциального налогового режима для ИТ-компаний, помимо законодательных изменений также требуется уточнение позиции финансовых органов по допустимости наличия у ИТ-компаний внутригрупповых квалифицированных доходов для целей соответствия критериям для применения льгот. В частности, подобная позиция приведена в Письме ФНС России от 17.03.2022 N СД-4–2/3289@ «О налоговых преимуществах, установленных для ИТ-бизнеса». По моей оценке, данное разъяснение финансовых органов также трактуется налогоплательщиками как возможность применения преференциального налогового режима для ИТ-компаний в качестве инструментов налогового планирования в том числе путем структурирования деятельности

группы компаний, основная хозяйственная, экономическая деятельность не является квалифицированной ИТ-деятельностью. Таким образом, данная позиция также размывает пределы допустимого налогового планирования и вносит налоговую неопределенность в применение преференциального налогового режима для ИТ-компаний.

Заключение

По моей оценке, вышеописанный правовой подход и меры не только позволят устранить налоговую неопределенность и стабилизировать применение налоговых льгот, уточнив пределы допустимого использования налогоплательщиками инструментов налогового планирования внутри индустрии, на которую нацелено и направлено регулирование, но и приведут к стимулированию ИТ-отрасли национальной экономики (в противовес стимулированию функционирования внутренних ИТ-функций групп компаний различных индустрий, что предполагает текущее нормативное-регулирование и разъяснения финансовых органов).

Подобное регулирование позволит устранить существующие в современных условиях и во многом спровоцированные законодательством, имплементированным в рамках реформ (в том числе оперативным мер стимулирования ИТ-отрасли, принятых в 2022 году), бюджетные риски агрессивного применения преференциального налогового режима с последующим выпадением налоговых доходов в объемах, более планируемых и бюджетизируемых финансовыми ведомствами. По моей оценке, ввиду сложившейся правовой конструкции преференциального режима для ИТ-компаний, в настоящий момент отсутствует возможность по оперативному устранению подобных бюджетных рисков за счет налоговых доначислений по результатам налоговых проверок и судебных разбирательств между налоговыми органами и налогоплательщиками, так как это потребует высоких административных и временных затрат, в том числе связанных с высокой юридической сложностью аналогичных споров при наличии в законодательстве налоговой неопределенности по допустимым пределам применения льгот.

Определение допустимых методов налогового планирования и уточнение нормативно-правового регулирования с устранением нерелевантных для такого регулирования разъяснений финансовых органов, по моей оценке, может обеспечить как стабильность налогового режима для налогоплательщиков, так и устранение вышеописанных бюджетных рисков.

Литература

1. Федеральный закон от 26.03.2022 N67-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 2 Федерального закона «О вне-

сении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации»;

2. Указ Президента РФ от 02.03.2022 N83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации»;
3. Федеральный закон от 14.07.2022 N321-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации»;
4. Письмо ФНС России от 17.03.2022 N СД-4-2/3289@ «О налоговых преимуществах, установленных для IT-бизнеса»;
5. Федеральный закон от 31.07.2020 N265-ФЗ (ред. от 23.11.2020) «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации»;
6. РБК: «Почта России получила статус IT-компании» [Электронный ресурс]. // – URL: <https://www.rbc.ru/business/09/06/2022/62a1702d9a79474fb68e720b> (дата обращения 22.11.2022);
7. РБК: «Минцифры исключило «Тинькофф», «Сбер» и Мосбиржу из реестра IT-компаний» [Электронный ресурс]. // – URL: https://quote.rbc.ru/news/short_article/62e8f0e49a794731704274bd (дата обращения 15.11.2022);
8. Постановление Правительства РФ от 30.09.2022 N1729 «Об утверждении Положения о государственной аккредитации российских организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий»;
9. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 N53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»;
10. Письма ФНС России от 20.02.2021 N СД-4-3/2160, от 20.02.2021 N СД-4 3/2249@, от 21.01.2021 N СД-4-2/561@.

LEGAL ASSESSMENT OF THE COMPLIANCE OF THE PRACTICE OF APPLYING TAX INCENTIVES IN THE IT SECTOR WITH THE GOALS AND OBJECTIVES OF STATE POLICY: IDENTIFYING UNCERTAINTIES IN THE TAXATION MODEL

Khudiakov P.A.

Institute of Public Administration and Management, RANEPА

Within the framework of this scientific study, the current tax regulation and approaches to the application of tax planning methods by taxpayers within the framework of the use of preferential tax regimes and tax incentive measures provided for accredited IT companies are analyzed. This article considers the process of changing the regulations and the position of financial authorities in the framework of the implementation of operational tax measures to stabilize the IT sector in 2022 and its impact on the practical use of preferential tax treatment. Within the framework of this study, the compliance of such practices with the purposes and objectives of regulation is analyzed and assessed, and an attempt is made to assess the limits of allowable tax planning with the use of such benefits. This article also proposes a legal approach to the elimination of tax uncertainties caused by current regulation and explanations of financial authorities for the purposes of compliance of regulation with the purposes and objectives defined by the legislator in order to determine the limits of allowable tax planning with the application of tax benefits provided for IT companies.

Keywords Tax benefits. Tax planning. Tax consequences of restructuring. Allocation for the purposes of applying tax benefits. Taxation of IT companies.

References

1. Federal Law N67-FZ dated 26.03.2022 “On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Article 2 of the Federal Law “On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation”;
2. Order of the President of the Russian Federation dated 02.03.2022 N83 “On measures to ensure the accelerated development of the information technology industry in the Russian Federation”;
3. Federal Law N321-FZ dated 14.07.2022 “On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation”;
4. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 17.03.2022 N SD-4-2/3289@ “On tax advantages provided for IT business”;
5. Federal Law N265-FZ of 31.07.2020 (as amended on 23.11.2020) “On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation”;
6. RBC: “Russian Post has received the status of an IT company” [Electronic resource]. // – URL: <https://www.rbc.ru/business/09/06/2022/62a1702d9a79474fb68e720b> (accessed dated 22.11.2022);
7. RBC: “The Ministry of Finance has excluded Tinkoff, SBER and MOEX from the register of IT companies” [Electronic resource]. // – URL: https://quote.rbc.ru/news/short_article/62e8f0e49a794731704274bd (accessed dated 15.11.2022);
8. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 30.09.2022 N1729 “On approval of the Regulations on state accreditation of Russian organizations operating in the field of information technology”;
9. Resolution of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation N53 dated 12.10.2006 “On the Assessment by Arbitration Courts of the Validity of the Taxpayer’s Receipt of Tax benefits”;
10. Letters of the Federal Tax Service of Russia dated 20.02.2021 ST-4-3/2160, dated 20.02.2021 N ST-4 3/2249@, dated 21.01.2021 ST-4-2/561@.

Применение таможенными органами ареста и изъятия как мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях

Цедрик Ксения Игоревна,

аспирант, Российская таможенная академия

E-mail: ctymrflhf@mail.ru

В ходе исследования проведено рассмотрение ареста и изъятия товаров как мер, обеспечивающих производство по делам о правонарушениях административно-правового характера, применяемых таможенными органами. Установлены сходства и отличия между данными обеспечительными мерами. Рассмотрены особенности хранения изъятых (арестованных) таможенными органами товаров. Установлено, что основным отличием ареста товаров от их изъятия является то, что при аресте товаров они могут не изыматься у их владельца. Кроме того, одним из отличий между рассмотренными обеспечительными мерами выступает применение ареста товаров в том случае, если их невозможно изъять. В ходе исследования установлено, что при изъятии товаров для обеспечения производства по делам о правонарушениях административно-правового характера у таможенных органов могут возникать проблемы с обеспечением сохранности изъятых товаров. Нормами права предусмотрено, что таможенный орган обеспечивает хранение таких товаров у себя на складах, а если это невозможно – привлекает к хранению сторонние организации, что приводит к возникновению дополнительных расходов в государственном бюджете. Усматривается необходимость в создании нового механизма хранения товаров, изъятых таможенными органами для обеспечения производства по делу об административно-правовом нарушении.

Ключевые слова: обеспечительные меры при производстве по делу об административном правонарушении арест товаров, изъятие товаров, сравнительно-правовой анализ, действия таможенных органов.

При рассмотрении дел об административных правонарушениях таможенными органами могут применяться такие меры обеспечения производства, как арест и изъятие товаров. Их применение как обеспечительных мер при рассмотрении дела об административном правонарушении урегулировано Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), конкретно – главой 27 данного нормативного правового акта [3].

Арест товаров как мера обеспечения производства при рассмотрении дел об административных правонарушениях закрепляется статьей 27.14 КоАП РФ. В соответствии с частью 1 указанной статьи он заключается в составлении описи товаров, являвшихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения, с объявлением лицу, в отношении которого была применена данная обеспечительная мера (или же его законному представителю) по делу об административном правонарушении о запрете на распоряжение (а при необходимости – и пользование) данными товарами. Арест товаров применяется в том случае, если их невозможно изъять или есть возможность обеспечить их сохранность без изъятия.

Товары, на которые таможенными органами налагается арест, могут быть переданы на ответственное хранение лицам, определенным должностным лицом, наложившим арест – во избежание нарушения наложенной на товары обеспечительной меры.

Арест налагается на товары в присутствии их владельца и двух понятых (исключение – наличие обстоятельств, признаваемых не терпящими отлагательств, в таком случае присутствие владельца товаров не обязательно). При наложении ареста на товары осуществляется видеофиксация, при необходимости могут быть применяться иные установленные требованиями нормативных правовых актов способы фиксации вещественных доказательств.

При наличии на то необходимости, при аресте товаров они могут быть упакованы или опечатаны. При осуществлении ареста товаров составляется протокол.

Изъятие товаров как обеспечительная мера при рассмотрении дела об административном правонарушении, применяемая таможенными органами, закрепляется положениями статьи 27.10 КоАП РФ [3].

Изъятие применяется к товарам, которые стали орудиями совершения административного правонарушения либо его предметами. Общие обстоятельства использования изъятия товаров как обеспечительной меры при рассмотрении правонарушения, имеющего административно-правовой ха-

рактически совпадают с положениями, применяющимися к аресту товаров, а именно:

- в обоих случаях составляется протокол о наложении таможенными органами обеспечительной меры;
- изъятие товаров и их арест осуществляются в присутствии лица, которому они принадлежат, и двух понятых;
- и при изъятии, и при аресте товаров применяется видеофиксация процесса, а также, при необходимости – используются иные способы фиксации вещественных доказательств, имеющих значение при рассмотрении дела о правонарушении административно-правового характера;
- при применении обеих обеспечительных мер при наличии на то необходимости товары могут упаковываться и опечатываться;

Совпадение вышеуказанных признаков осложняет отграничение ареста товаров от их изъятия, в связи с чем необходимо изучить различия между данными обеспечительными мерами, которые могут применяться таможенными органами при рассмотрении дела по правонарушениям административно-правового характера.

Отличия проявляются в следующем: при изъятии товаров они помещаются на хранение в место, определяемое должностным лицом, вынесшим соответствующее решение, в то время как при аресте товаров они могут по-прежнему находиться у их владельца. Кроме того, при изъятии товаров, в зависимости от их разновидности или особенностей их хранения они могут сдаваться для реализации или уничтожаться. Если законом установлены правила хранения определенных категорий товаров, они должны соблюдаться.

Изъятие товаров как обеспечительная мера применяется таможенными органами при проведении осмотра, для совершения которого нет необходимости извещать владельца товара либо его законного представителя [1].

Арест товаров применяется в том случае, если их невозможно изъять.

Федеральная таможенная служба России (далее – ФТС России) публиковала разъяснения относительно порядка и условий хранения арестованных и изъятых таможенными органами товаров по делам о правонарушениях административно-правового характера. ФТС России указывает [5], что таможенные органы могут хранить изъятые товары как у себя, так и в иных местах (в том случае, если сам таможенный орган не может обеспечить хранение изъятых товаров у себя).

Если изъятый либо арестованный товар помещается таможенным органом на хранение в сторонней организации, то таможенный орган заключает с данной организацией договор об осуществлении хранения на возмездной либо же безвозмездной основе. Если хранение осуществляется на основе возмездного контракта, то он строится на основании положений Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ [4]. Это связано с тем, что таможенный орган, заключая возмезд-

ный контракт, осуществляет расходование бюджетных средств.

Если же хранение строится на безвозмездной основе, то нормы обозначенного правового акта к соглашению о хранении не применяются. При подборе сторонней организации, в которую помещаются на хранение изъятые таможенными органами товары, учитываются следующие характеристики:

- место расположения склада, выбранного для хранения изъятых товаров;
- свободную площадь склада, которую можно использовать для размещения на хранение изъятых товаров;
- соблюдаются ли условия, необходимые для хранения определенных категорий товаров.

Арестованные товары могут помещаться на хранение у их владельцев – в таком случае расходы на их хранение несет владелец товаров. Если же они будут храниться не у владельца, а в сторонней организации на безвозмездной основе, то после завершения рассмотрения дела по правонарушению административно-правового характера, в соответствии с разъяснениями ФТС России, данная компания может потребовать оплатить хранение таких товаров у их владельца [5].

Изъятие и арест товаров таможенными органами как обеспечительные меры при рассмотрении дел о правонарушениях административно-правового характера современными исследователями практически не рассматриваются, что указывает на несколько возможных аспектов:

- в юридической доктрине отсутствуют сложности с разграничением ареста и изъятия товаров таможенными органами для обеспечения производства по делам о правонарушениях административно-правового характера;
- анализ правоохранительной практики, проводимый таможенными органами, недостаточен для выявления основных проблем в разграничении ареста и изъятия товаров, как обеспечительных мер, которые могут применяться таможенными органами.

Между тем постоянный рост количества дел о нарушении таможенных правил приводит к увеличению частоты применения ареста и изъятия товаров, из-за чего возникает явная необходимость в разграничении ареста от изъятия товаров [2].

Можно выделить несколько характерных черт, по которым проводится отграничение изъятия товаров от их ареста:

- арест товаров как обеспечительная мера применяется таможенными органами только в том случае, если отсутствует возможность изъять товары или можно обеспечить сохранность таких товаров, не изымая их;
- при аресте товаров товары не изымаются у их владельца, и, соответственно, не возникает необходимости в обеспечении хранения таких товаров;
- изъятые товары могут направить на реализацию и уничтожить, в то время как в отношении товаров, на которые наложен арест, такие меры не применяются.

Необходимость в обеспечении хранения изъятых товаров на время рассмотрения дела о правонарушении административно-правового характера приводит к возникновению у таможенных органов определенных сложностей. Изымая товары, представители таможенных органов должны принять решение о том, где они будут находиться до окончания разбирательства. Проблема заключается в том, что у таможенного органа может не быть в пользовании помещения, в котором можно разместить на хранение изъятые товары – из-за их объема или необходимости соблюдения особого температурного или иного режима для их сохранности. Из-за этого таможенные органы вынуждены прибегать к заключению договоров о возмездном хранении изъятых товаров со сторонними организациями, что налагает дополнительную нагрузку на государственный бюджет.

В большинстве случаев договора хранения изъятых товаров, заключаемые со сторонними организациями, являются возмездными, поскольку предприятия, способные обеспечить необходимые условия для сохранения товаров, не желают представлять соответствующие услуги бесплатно. Кроме того, при заключении аналогичного договора на безвозмездной основе возникает риск того, что предприятие, у которого находятся на хранении изъятые товары, не станет дожидаться завершения рассмотрения дела об административном правонарушении, и покроет понесенные расходы за счет незаконной реализации части находящегося у него на хранении изъятых товаров.

Несмотря на то, что расходы, понесенные таможенными органами при заключении возмездного договора хранения изъятых товаров, могут быть возмещены владельцем данных товаров по окончании рассмотрения дела об административном правонарушении, это не решает проблему с нагрузкой на государственный бюджет, поскольку возмещение таких расходов не всегда добровольно и может затянуться за счет принудительного исполнения.

Таким образом, усматривается явная необходимость в разработке новой системы хранения товаров, изъятых таможенными органами с целью обеспечения производства по делу об административном правонарушении, с возложением расходов за возмездное хранение таких товаров на их владельца, с исключением «промежуточно-го» звена в виде таможенного органа, обеспечением владельцам изымаемых товаров выбрать место их хранения (в том случае, если их хранение в помещениях таможенных органов невозможно) из закрытого перечня организаций.

Литература

1. Кияшко Е.Ю. «Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемые таможенными органами при нарушении таможенных правил», 2020.
2. Загорулько М.Е. «Меры обеспечения производства по делам об административных пра-

вонарушениях в деятельности таможенных органов: место и значение», 2015.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 04 ноября 2022 года), URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.11.2022).
4. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05 апреля 2013 года № 44-ФЗ, URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.11.2022).
5. Федеральная таможенная служба. Порядок и условия хранения таможенными органами изъятых (арестованных) товаров по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, URL: <https://customs.gov.ru/document/text/248470> (дата обращения: 16.11.2022).

APPLICATION BY THE CUSTOMS AUTHORITIES OF ARREST AND WITHDRAWAL AS MEASURES TO ENSURE PROCEEDINGS IN CASES ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

Tsedrik K.I.

Russian Customs Academy

In the course of the study, the arrest and seizure of goods were considered as measures to ensure the proceedings in cases of administrative and legal offenses applied by customs authorities. Similarities and differences between these interim measures have been established. The features of storage of goods seized (arrested) by customs authorities are considered. It is established that the main difference between the seizure of goods and their seizure is that when goods are seized, they may not be withdrawn from their owner. In addition, one of the differences between the considered interim measures is the use of seizure of goods in the event that they cannot be seized. In the course of the study, it was found that when goods are seized to ensure proceedings in cases of administrative and legal offenses, customs authorities may have problems with ensuring the safety of the seized goods. The norms of law provide that the customs authority ensures the storage of such goods in its warehouses, and if this is not possible, it involves third-party organizations for storage, which leads to additional expenses in the state budget. There is a need to create a new mechanism for storing goods seized by customs authorities to ensure the proceedings in the case of an administrative violation.

Keywords: interim measures in the proceedings on an administrative offense arrest of goods, seizure of goods, comparative legal analysis, actions of customs authorities.

References

1. Kiyashko E. Yu. "Measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses applied by customs authorities in violation of customs rules", 2020.
2. Zagorulko M.E. "Measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses in the activities of customs authorities: place and significance", 2015.
3. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on November 04, 2022), URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: 11.16.2022).
4. Federal Law No. 44-FZ of April 05, 2013 "On the Contract System in the field of procurement of goods, Works, services for State and Municipal Needs", URL: <http://pravo.gov.ru> (date of application: 16.11.2022).
5. Federal Customs Service. The procedure and conditions of storage by customs authorities of seized (arrested) goods in criminal cases and cases of administrative offenses, URL: <https://customs.gov.ru/document/text/248470> (date of application: 16.11.2022).

Сопоставление подходов к формированию и развитию институтов ювенальной юстиции России, КНР, Италии и Японии

Чекулаев Сергей Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридической школы Дальневосточного федерального университета
E-mail: chekulaev_ss@dvvu.ru

Богданов Сергей Васильевич,

студент, Юридической школы Дальневосточного федерального университета
E-mail: serj32837@gmail.com

Устинова Яна Сергеевна,

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета
E-mail: ustinovayanaa@gmail.com

Защита в судах лиц, не достигших совершеннолетия, является темой, которая сегодня особенно актуальна для цивилизованного общества. В статье приведены результаты сравнительного анализа истории развития ювенальной юстиции, ее этапов и основных норм. Государства для сравнения были отобраны с учетом их специфики с точки зрения эволюционных процессов, существенных культурных, ментальных, законодательных различий и разницы в правоприменительной практике в сфере правовой защиты несовершеннолетних. Описано, как в выбранных для анализа государствах развивался институт ювенальной юстиции, приведены причины, по которым в одних странах он имеет многолетнюю историю и успешно решает свои задачи, а в других до сих пор пребывает на этапе становления.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, несовершеннолетние, преступность, правосудие, правоохранительные органы, ювенальные суды, права ребенка, ювенальная юстиция в Российской Федерации, сравнительный анализ.

Сегодня в Российской Федерации широко обсуждаются вопросы о том, что собой представляет ювенальная юстиция, способен ли этот институт принести пользу российскому обществу и какой эффект можно ждать, если он будет внедрен в отечественную практику и получит развитие: позитивный или негативный. Для ответа на эти вопросы следует, прежде всего, уделить внимание теоретической части: определить термин «ювенальная юстиция», проанализировать, как она возникла, после этого провести сравнение развития рассматриваемого явления в государствах ЕС и АТР, а также провести анализ преимуществ и недостатков, которые имеют место в государствах, где ювенальная юстиция на высоком уровне развития или только начинается ее внедрение.

В настоящее время в Российской Федерации концепция государства в сфере правосудия по делам несовершеннолетних находится в стадии формирования [6, с. 57]. В процессе судебной реформы, проходившей в 1991 году, планировалось внедрить и развивать ювенальную юстицию в РСФСР. Республиканский Верховный Суд одобрил реформирование системы правосудия, что получило отражение в постановлении от 24 октября 1991 года «О концепции судебной реформы в РСФСР» [7]. Сегодня рассматриваемый институт пребывает в РФ на этапе своего развития. Впервые нововведения в отечественном законодательстве, касающиеся правовой защиты лиц, не достигших совершеннолетия, были инициированы в 1995 году. Президент РФ своим указом от 14 сентября указанного года утвердил «Национальный план действий в интересах детей», предусматривающий меры, направленные на внедрение в государстве ювенальной юстиции [8].

Через три года, а именно 24 июля 1998 года, парламент принял закон федерального уровня «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». В нем вводился термин «дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации». Из этой группы выделялись дети из семей с низким уровнем благосостояния (малоимущих), с девиантным поведением и некоторых других категорий [9]. Наличие подобной классификации и конкретной терминологии позволяет заключить, что при принятии упомянутого законодательного акта государство уже разделяло несовершеннолетних, исходя из особенностей личности и социального положе-

ния семьи ребенка, что крайне важно с точки зрения становления ювенальной юстиции.

Следующее ключевое событие в рамках процесса развития системы защиты прав и свобод ребенка произошло 14 февраля 2000 года, когда Пленум Верховного Суда вынес постановление «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» [10]. В соответствии с этим документом судебным органам было рекомендовано рассматривать уголовные дела, в которых фигурировали дети, с применением к ним следующей нормы статьи 76 УК: «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред.» [11]. Это важное обстоятельство, поскольку на практике большинство преступных деяний совершаются несовершеннолетними впервые и они, как правило, не являются тяжкими. А в упомянутой норме закреплена возможность избежать уголовного наказания при условиях, которые перечислены в диспозиции. Тот факт, что высшая судебная инстанция рекомендует применять данную норму по отношению к детям, говорит о том, что произошел существенный сдвиг в развитии защиты прав этой категории граждан.

Следует также отметить, что в УК, который принят 24 мая 1996 года, появились статьи, предусматривающие ответственность за преступные посягательства, направленные на несовершеннолетних. Среди них, например, статья 156, по которой привлекаются к ответственности лица, не исполняющие свои обязательства по воспитанию детей [11].

На территории Ростовской области в 2001 году произошел запуск проекта «Поддержка правосудия в отношении несовершеннолетних», в рамках реализации которого предполагалось создать ювенальные суды. Через два года в коллегии по уголовным делам областного суда появился особый судебный состав, уполномоченный рассматривать дела, касающиеся лиц, не достигших совершеннолетия, в качестве кассационной инстанции.

Еще через год, то есть в 2004 году, в Таганроге появился первый в стране ювенальный суд. Его разместили в отдельном помещении и при организации работы этого органа руководствовались канадским опытом. Примером стало здание ювенального суда в Монреале (провинция Квебек). Такой выбор связан с тем, что в Канаде институты правовой защиты детей являются одними из наиболее развитых в мире. Эффект от появления и функционирования ювенального суда в Ростовской области появился очень быстро. В том же 2004 году, согласно официальным статистическим данным, отмечалось падение уровня повторной преступности среди детей. За год количество рецидивов совершенных ими преступных деяний уменьшилось почти на 22%. Опыт функционирования ювенального суда говорит о том, что решение о создании органа правосудия, который уполномочен заниматься

только делами, касающимися лиц, не достигших совершеннолетия, следует рассматривать как позитивное. Это существенный сдвиг в процессе становления в РФ ювенальной юстиции.

В качестве следующего ключевого этапа развития рассматриваемого института можно выделить вынесенное Пленумом Верховного Суда Постановление от 1 февраля 2011 года «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних.» [12]. Этот документ содержит разъяснения по поводу специфики привлечения к уголовной ответственности и применения наказаний к лицам до совершеннолетнего возраста. Кроме того, подробно перечисляются многочисленные акты, принятые на международном уровне, положения которых необходимо принимать во внимание российским судам, рассматривающим дела с участием детей. При рассмотрении упомянутого постановления с точки зрения его роли в процессе становления в РФ ювенальной юстиции следует сделать акцент на пункте 44 данного документа, в соответствии с которым: «судам следует повышать воспитательное значение судебных процессов по делам о преступлениях несовершеннолетних, уделяя особое внимание их профилактическому воздействию: по каждому делу устанавливать причины и условия, способствовавшие совершению несовершеннолетними преступления, не оставляя без реагирования установленные в судебном заседании недостатки и упущения в работе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, учебных заведений и общественных организаций, выносить частные определения (постановления) с указанием конкретных обстоятельств.» [12].

В рассматриваемом постановлении прослеживается попытка использования государством положений ювенальной юстиции не как карательных инструментов, а в качестве средств, позволяющих повлиять на личность, которая еще не сформировалась, предпринять попытку выяснить, что подтолкнуло ребенка к девиантному поведению и при каких обстоятельствах было совершено противоправное деяние.

Существенную помощь в процессе формирования ювенальной юстиции в России может оказать зарубежный опыт. Такой опыт имеется у западных коллег и весьма успешно используется многими странами [6, с. 58–59].

В рамках изучения процесса становления в РФ ювенальной юстиции целесообразно обратиться к итальянскому опыту, который может быть крайне полезен. Впервые суды, специализирующиеся на рассмотрении дел, касающихся несовершеннолетних, появились в Италии в 1934 году. Они выступали в качестве «карательных» органов и среди применяемых ими мер воздействия большую часть составляли уголовные наказания за совершенные детьми преступления.

Свое дальнейшее развитие итальянская ювенальная юстиция получила благодаря приня-

тию Конституции 1947 года [16]. На этапе с 1949 по 1970 годы произошло множество важных событий, повлиявших на становление рассматриваемого института. Так, в 1956 году Италия ратифицировала Конвенцию МОТ № 102 «Социальное обеспечение». В итальянской Конституции немало внимания уделяется регламентации отношений между членами семьи. Ее признали ключевым элементом общества, было закреплено равенство прав и обязанностей супругов в отношении детей, касающихся их воспитания. В 70-х годах прошлого века отмечался процесс отказа от уголовно-правовых мер, применяемых к несовершеннолетним, в пользу административно-правовых. Таким образом, санкции постепенно гуманизировались.

После принятия в 1977 году нового законодательного акта в рамках децентрализационных процессов в системе управления государством началась следующая стадия в истории ювенальной юстиции. Получил развитие в первую очередь такой институт как местные социальные службы. Лиц, не достигших совершеннолетия, включили в одну из групп, обслуживаемых созданными организациями. Социально-политические акценты в сфере противодействия детской преступности сместились и деятельность по реабилитации этой категории правонарушителей была выведена из сферы ведения судов, действовавших через свои социальные службы, произошел переход на уровень семьи и в сферу социальной защиты.

Принятие уголовного кодекса 1988 года ознаменовалось законодательным закреплением действующей сегодня системы итальянской ювенальной юстиции. Ее структуру составляют ювенальные суды, органы прокуратуры, учреждения пенитенциарной системы и социальные службы судов. Они пребывают в ведении Минюста и осуществляют тесное сотрудничество с другими субъектами, задействованными в соответствующей сфере, в частности, с волонтерами, социальными службами, действующими на уровне муниципалитетов, и полицией. Ювенальный суд Италии и некоторых других государств должен быть сформирован из судей-профессионалов, а также некоторого количества судебных заседателей, которые им ассистируют. Последних отбирают из профессионально работающих с несовершеннолетними экспертов, специализирующихся на психологических, психиатрических, социологических, криминологических и иных аспектах. Их замена, как правило, проводится раз в три года.

На ювенальные суды возлагаются полномочия по рассмотрению гражданско-, административно- и уголовно-правовых дел. По итальянскому законодательству уголовная ответственность в минимальном объеме наступает с 14 лет и к ней могут привлекаться исключительно лица, в отношении которых в судебном порядке признано, что они полностью понимают и осознают содеянное.

К административно-правовой ответственности могут быть привлечены лица, которые не достигли 18-летнего возраста и уличены в допреступном,

«социально-дезадаптационном» поведении. Привлекая детей к такой ответственности, судебные органы вправе передавать их под надзор служб социальной реабилитации или помещать в профильные учреждения для проведения коррекции.

В рамках гражданско-правовых дел рассматриваются вопросы, касающиеся защиты лиц, не достигших 18-летия, не имеющих необходимого попечения и надзора в семье или пребывающих под надзором родителей, которые объективно некомпетентны и неадекватно выполняют свои обязанности по отношению к ребенку. В подобных ситуациях судом принимается решение о временном либо на постоянной основе изъятии ребенка из семьи и направлении в интернат, либо о передаче приемным родителям.

В современном Китае наблюдается активное развитие ювенальной юстиции. Главный законодательный акт, предусматривающий меры уголовной ответственности – Уголовный кодекс [13]. Следует сделать акцент на внесении в него с марта 2021 года изменений, в соответствии с которыми в ст. 17 УК КНР добавлена отдельная часть следующего содержания: «Лицо, достигшее 12-летнего возраста и не достигшее 14-летнего возраста, совершившее убийство или умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть или инвалидность при нанесении тяжких телесных повреждений другим лицам, при наличии особо серьезных обстоятельств, подтвержденных Верховной народной прокуратурой, подлежит уголовной ответственности». [15, с. 116].

В Китае приняты также отдельные законы, регламентирующие вопросы правовой защиты детей и предотвращения детских преступлений, в частности, 1991 года о защите несовершеннолетних и 1999 года о предупреждении преступности среди несовершеннолетних. С июня 2021 года эти законодательные акты действуют в новой редакции в связи со вступлением в законную силу внесенных в октябре 2020 года поправок. Так, в Законе о защите несовершеннолетних нашел закрепление механизм, посредством которого предотвращаются и получают необходимую реакцию случаи издевательского отношения к детям в школе и посягательств сексуального характера. Кроме того, произошло создание информационной системы расследования противоправных деяниях, вследствие которых могли потенциально пострадать лица, не достигшие совершеннолетия. В рассматриваемом законе 132 статьи, разделенные на 9 глав: общие положения, защита семьи, защита школ, социальная защита, сетевая защита, государственная защита, судебная защита, юридическая ответственность и дополнительные положения. В соответствии со статьей 39 данного законодательного акта в школах должна быть создана система, предотвращающая и контролирующая издевательское отношение к школьникам. Эта норма позволит немного продвинуться в построении китайской системы ювенальной юстиции, свести к минимуму хулиганские проявления со стороны детей и пре-

дотвратить издевательства в подростковой среде. Рассматриваемый закон регламентирует также правоотношения в области противодействия насильственным действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетних. Так, согласно статье 40 в школах и детсадах должна создаваться система, которая бы действительно предотвращала такого рода посягательства. Руководствуясь этой нормой, представители соответствующих учреждений вправе уведомлять органы системы образования и органы, обеспечивающие общественную безопасность, о выявленных фактах домогательств, которым подверглись дети. Кроме того, проводятся уроки, посвященные половому воспитанию школьников и воспитанников детсадов, с целью повышения их способностей к самозащите, предотвращению сексуальных домогательств и других подобных посягательств.

В соответствии со статьей 111 суды и органы власти уполномочены обеспечивать правовую поддержку, психологическую помощь, переводить в другие учебные заведения и принимать иные меры, чтобы защитить детей, которые пострадали от насильственных действий и других посягательств сексуального характера, а также их семьи. Благодаря применению таких мер, поддерживающих и защищающих потерпевших, обеспечивается построение китайской системы ювенальной юстиции.

В соответствии со статьей 21 Закона о защите несовершеннолетних лица, осуществляющие опеку над ними, в том числе родители, не могут оставить детей до 8-летнего возраста, а также временно передать их для осуществления ухода неподходящим работникам. До достижения 16-летнего возраста запрещается лишение ребенка опеки и его проживание без присмотра. Другими словами, родители или другие опекуны обязаны полностью выполнять возложенные на них обязательства, воспитывая и защищая несовершеннолетних. Когда такие лица не способны в полной мере обеспечивать выполнение обязательств на протяжении определенного срока в связи с выездом из населенного пункта на работу и по подобным причинам, забота о детях от имени опекунов может поручаться полностью дееспособному лицу. Об этом необходимо в кратчайшие сроки сообщить в школьную администрацию или детсад, а также в комитет жителей того населенного пункта, в котором фактически живет ребенок (статьи 22 и 23). Таким образом обеспечивается безопасность несовершеннолетнего на время, пока его опекун отсутствуют [14].

Но Закон о предупреждении преступности среди несовершеннолетних носит специальный характер. Это отличает данный законодательный акт от Закона о защите несовершеннолетних, направленного на достижение четко сформулированной цели – предотвращать противоправное поведение детей, которые еще не нарушили предписания уголовного законодательства. Хотя в Китае и приняты некоторые специализированные законы, а также действуют требования отно-

ситься к лицам, не достигшим совершеннолетия, особым образом, китайская ювенальная юстиция еще отчетливо не сформировалась. В Китае одним из главных инструментов по пресечению преступности среди детей является семья. Идеология основана на развитии потребности «дозирования уважения и любви» в семье. Кроме этого, организуется воспитательный процесс в школе, используются средства массовой информации, пропагандистские кампании, оказывается активное влияние на формирование правового сознания несовершеннолетних, для родителей проводятся курсы по повышению педагогической грамотности. [1, с. 177]. Благодаря этому в детях развиваются необходимые морально-этические качества, они растут как юридически воспитанные граждане. Даже в государстве с весьма суровой уголовно-правовой политикой проблема преступности несовершеннолетних решается не с реакционной позиции, а с позиции гуманистического начала, предполагающего существенное смягчение уголовно-правовой и иной государственной политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей. [3, с. 90].

Таким образом, ювенальная юстиция в КНР на данном этапе полностью не сформировалась как цельная система. Она развивается, и впереди у нее продолжительный процесс, в котором будут многочисленные научные работы, законодательные акты и объемная работа по организации соответствующей системы.

Японский подход к отправлению правосудия по делам, фигурантами которых являются лица, не достигшие совершеннолетия, существенно отличается. В Японии такое правосудие не имеет отношения к уголовному судопроизводству. Основными документами, в котором заложена правовая база ювенальной юстиции, являются законы 1947 года о благосостоянии детей и 1948 года о несовершеннолетних, в которые после принятия вносились многочисленные поправки.

В Японии работают специальные семейные суды. Так, при семейном суде существует пункт медикопсихиатрической консультации, имеются прикрепленные к нему социальные работники. Их статус соответствует статусу агентов службы пробации в английском и американской системе правосудия. [5, с. 212]. Особенностью семейных судов Японии является то, что все дела в них рассматриваются по правилам социального исследования. Это означает, что базовым является не карательный компонент, а компонент защиты несовершеннолетнего, вступившего в конфликт с законом, или оказавшегося в сложной жизненной ситуации. [4, с. 60]. Дела, фигурантами которых являются дети, могут рассматриваться в рамках уголовного судопроизводства исключительно в том случае, если ребенок достиг 16-летнего возраста или совершил противоправное деяние, которое считается особо серьезным и влечет привлечение к ответственности в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни. Если

лицо, совершившее правонарушение, не достигло совершеннолетнего возраста, его не могут заключить под стражу, так как для детей эта санкция заменена на меры воспитательного характера и реабилитацию. Кроме того, при рассмотрении судами дел, касающихся детей, не действует принцип гласности. Правосудие в таких случаях отправляется конфиденциально, в рамках закрытого процесса. Но с 2000 года появилось исключение из этого правила – пострадавшим теперь предоставлена возможность присутствовать при рассмотрении дела.

Рассмотрение дел несовершеннолетних в компетенции семейных судов. Предварительно служба пробации готовит доклад, в котором тщательно описываются обстоятельства. Схожая практика в Великобритании, где подобные доклады готовятся межведомственными комиссиями. Как показывает практика рассмотрения дел о правонарушениях несовершеннолетних в Японии, больше 50% из них даже не доходят до открытия слушания. Это связано с тем, что для получения необходимого воспитательного эффекта считается достаточной такая мера как предварительный арест. В других ситуациях в качестве наказания используется направление детей в специализированные учебные заведения исправительного характера или в разнообразные центры поддержки для детей. По мнению многих японцев, между исправительными заведениями для несовершеннолетних и тюрьмой для взрослых можно провести знак равенства. Но судья не обязан принимать какие-либо меры в отношении ребенка.

Как показал анализ исследователей из университета Киото, число противоправных деяний, совершенных детьми, растет быстрыми темпами и при этом их тяжесть увеличивается. Сегодня в японском законодательстве наблюдается тенденция к более открытому судопроизводству по делам, фигурантами которых являются несовершеннолетние, и использованию в отношении таких правонарушителей карательных мер воздействия. Такие изменения обусловлены желанием свести к минимуму детскую преступность, восстановить социальную справедливость, исправить правонарушителя и предотвратить дальнейшую преступную деятельность.

Таким образом, наше исследование позволяет сделать вывод о том, что ювенальная юстиция в каждом государстве развивается по собственному пути с учетом своих исторических событий. В некоторых государствах ювенальная юстиция только начинает зарождаться, перенимая опыт тех государств, где ювенальная юстиция полноценно функционирует. Российская Федерация делает шаги к формированию такого явления как ювенальная юстиция, однако, следует отметить, что только разумное соотношение российского законодательства и норм международного права, касающихся ювенальной юстиции, поможет достичь высоких результатов в установлении ювенальной юстиции в России.

Литература

1. Овсянникова Т. А., Фирсова И.А. – Основные элементы в системе правосудия в отношении несовершеннолетних в Китае // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2021. – (10–2(112)). – С. 176–178.
2. Иншаков С. М. – Системы воздействия на преступность в Китае, Японии и других странах АТР // *Проблемы в российском законодательстве*. Юридический журнал. – 2016. – (1). – С. 113–118.
3. Беженцев А.А. – Генезис и эволюция профилактики правонарушений несовершеннолетних в зарубежных странах // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. – 2019. – (4(37)). – С. 85–91.
4. Галлиулина С.Д., Шалагина С.В., Лифанова М.В., Герасимова Д.И., Сафина Е.А. – Развитие ювенальной юстиции в Японии: историко-правовой анализ // *Евразийский юридический журнал*. – 2019. – № 9(136). – С. 59–61.
5. Чернова М. А. – Развитие ювенальной юстиции в зарубежных странах: историко-правовой анализ // *Социально-экономические явления и процессы*. – 2015. – 10(7). – С. 210–215.
6. Кузьмина В. М. – Становление Ювенальной юстиции в России // *Вестник российского университета дружбы народов*. Серия: Юридические науки. – 2011. – (2). – С. 57–68.
7. Постановление Верховного Совета РСФСР «О Концепции судебной реформы в РСФСР» от 24 октября 1991 г. N1801–1 // СПС – КонсультантПлюс.
8. Указ Президента РФ от 14.09.1995 N942 «Об утверждении Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национального плана действий в интересах детей)» // СПС – КонсультантПлюс.
9. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 N124-ФЗ (последняя редакция) // СПС – КонсультантПлюс.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 N7 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // СПС – КонсультантПлюс.
11. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СПС – КонсультантПлюс.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС – КонсультантПлюс.
13. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14.03.1997 г. (изм. от 1.03.2021) // [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://crimescience.ru/wp-content/uploads/2020/05/>

Уголовный-Кодекс-КНП-2-е-издание-2021.pdf (дата обращения: 15.01.2023).

14. Закон Китайской Народной Республики «О защите несовершеннолетних» от 4.09.1991 г. (изм. от 1.06.2021) // [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/minors-protection-law-20201017> (дата обращения: 15.01.2023).
15. Пан Дунмэй – Новые направления развития уголовного законодательства в современном Китае: обзор изменений Китайского уголовного законодательства // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – 15(1). – С. 115–123.
16. Конституция Итальянской Республики от 27.12.1947 г. // [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).

COMPARISON OF APPROACHES TO THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF JUVENILE JUSTICE INSTITUTIONS IN RUSSIA, CHINA, ITALY AND JAPAN

Chekulaev S.S., Bogdanov S.V., Ustinova Ya.S.
Far Eastern Federal University Law School

Protection of underage persons in courts is a topic that is especially relevant today for civilized society. The article presents the results of the comparative analysis of the history of juvenile justice development, its stages, and main norms. The states for comparison were selected considering their specificity in terms of evolutionary processes, significant cultural, mental, legislative differences, and differences in law enforcement practices in the sphere of legal protection of minors. It is described how the institute of juvenile justice developed in the selected states, the reasons why in some countries it has a long history and successfully solves its tasks, and in others it is still at the stage of formation are given.

Keywords: juvenile justice, juveniles, crime, justice, law enforcement, juvenile courts, child rights, juvenile justice in the Russian Federation, comparative analysis.

References

1. Ovsyannikova T. A., Firsova I.A. – Basic elements in the juvenile justice system in China // *International Scientific Research Journal*. – 2021. – (10–2(112)). – Pp. 176–178. (дата обращения: 15.01.2023).
2. Inshakov S. M. – Systems of influence on crime in China, Japan and other countries of the Asia-Pacific region // *Problems in Russian legislation. Law journal*. – 2016. – (1). – pp. 113–118.
3. Bezhtentsev A.A. – Genesis and evolution of prevention of juvenile delinquency in foreign countries // *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2019. – (4(37)). – Pp. 85–91.
4. Galliulina S.D., Shalagina S.V., Lifanova M.V., Gerasimova D.I., Safina E.A. – Development of juvenile justice in Japan: historical and legal analysis // *Eurasian Legal Journal*. – 2019. – № 9(136). – Pp. 59–61.
5. Chernova M. A. – Development of juvenile justice in foreign countries: historical and legal analysis // *Socio-economic phenomena and processes*. – 2015. – 10(7). – Pp. 210–215.
6. Kuzmina V. M. – The formation of Juvenile justice in Russia // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*. – 2011. – (2). – pp. 57–68.
7. Resolution of the Supreme Council of the RSFSR “On the Concept of judicial reform in the RSFSR” dated October 24, 1991 N1801–1 // SPS – ConsultantPlus.
8. Decree of the President of the Russian Federation of 14.09.1995 N942 “On approval of the Main directions of the state social policy to improve the situation of children in the Russian Federation until 2000 (National Action Plan for Children)” // SPS – ConsultantPlus.
9. Federal Law “On basic guarantees of the rights of the child in the Russian Federation” dated 24.07.1998 N124-FZ (latest edition) // SPS – ConsultantPlus.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.02.2000 N7 (ed. of 06.02.2007) “On judicial practice in cases of juvenile crimes” // SPS – ConsultantPlus.
11. “Criminal Code of the Russian Federation” of 13.06.1996 N63-FZ (ed. of 29.12.2022) // SPS – ConsultantPlus.
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2011 No. 1 (ed. of 28.10.2021) “On judicial practice of the application of legislation regulating the specifics of criminal responsibility and punishment of minors” // SPS – ConsultantPlus.
13. Criminal Code of the People's Republic of China dated 14.03.1997 (amended from 1.03.2021) // [Electronic resource] – Access mode – URL: <http://crimescience.ru/wp-content/uploads/2020/05/Уголовный-Кодекс-КНП-2-е-издание-2021.pdf> (accessed: 15.01.2023).
14. The Law of the People's Republic of China “On the Protection of Minors” of 4.09.1991 (amended from 1.06.2021) // [Electronic resource] – Access mode – URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/minors-protection-law-20201017> (accessed: 15.01.2023).
15. Pan Dongmei – New directions of development of criminal legislation in modern China: review of changes in Chinese criminal legislation // *All-Russian Journal of Criminology*. – 2021. – 15(1). – Pp. 115–123.
16. Constitution of the Italian Republic of 12/27/1947 // [Electronic resource] – Access mode – URL: <https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf> (accessed: 15.01.2023).

Кадровые технологии в системе трудовых правоотношений органов внутренних дел

Гриднева Ольга Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России
E-mail: olga_gridneva@bk.ru

Скачко Анна Владиленовна,

доктор юридических наук, профессор кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России
E-mail: s.matrix@mail.ru

Субхангулов Рустем Раисович,

кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского ЮИ МВД России
E-mail: 55671@rambler.ru

Статья посвящена исследованию института трудовых правоотношений. В условиях становления правового института государственной службы Российской Федерации, призванной оказывать действенные, социальные услуги населению, служить не утопическим идеям, а исключительно обществу, важное значение приобретают вопросы формирования кадрового состава органов внутренних дел. В связи с этим потребность научного осмысления и являются актуальными применения норм трудового законодательства при принятии управленческих решений руководителями органов внутренних дел Российской Федерации. По мере развития системы правоохранительных органов все большее значения приобретают управленческие решения руководителями органов внутренних дел Российской Федерации, связанные с условиями прохождения службы в ОВД, а также применение новых кадровых технологий. Данное обстоятельство становится одним из актуальных вопросов организационного и правового обеспечения их реализации.

Ключевые слова: трудовое право, управленческие решения, трудовые ресурсы, трудовые правоотношения, кадровый состав.

Руководитель является основополагающим звеном в процессе управления. Без лица, осуществляющего руководящие (начальствующие) функции, не может выполнять возложенные задачи ни одно юридическое лицо или орган в сфере государственной власти, а равно его структурное подразделение. Не стало исключением и Министерство Внутренних дел Российской Федерации, включающее в себя ряд структурных подразделений и организаций для выполнения специфических функций, а также территориальные органы Министерства.

Количество принимаемых решений, выраженных в форме приказов Министерства внутренних дел Российской Федерации, издаваемых за подписью Министра внутренних дел Российской Федерации, либо лица его замещающего, имеет значительный объем [6, с. 37].

Качество принимаемых управленческих решений требует углубленного научного обоснования, поскольку некоторые законодательные акты, принимаемые в соответствующем порядке, через определенные промежутки времени подвергаются реформации и корректировке, включая внесение изменений и дополнений.

В сфере управления людскими трудовыми ресурсами определенным руководителем должно обращать внимание на то, что законодательно возложенные функции по защите прав и законных интересов граждан, в рамках борьбы с преступными проявлениями внутри Российской Федерации, требует от руководителя, именно как субъекта управления, направить свою деятельность на организацию исполнения решений вышестоящих начальников путем постановки специальных (целевых) задач непосредственным исполнителям.

Выполнение принятых управленческих решений является краеугольным камнем всей управленческой работы.

Если рассматривать наемный труд в призме деятельности человека как физического лица, то на основании договоренностей работник выполняет возложенные трудовые функции работодателем, и получает оплату за свой труд на основе его собственного волеизъявления [7, с. 14].

Платформой реализации наемного труда являются субъект и объект управления, которые тесно между собой связаны трудовыми взаимоотношениями, с определенными факторами труда, мотивации к труду личности в целом. Данные взаимоотношения закрепляются в виде трудового договора [3, с. 201], в котором обозначены основные принципы (общие положения), регулирующие порядок

прохождения трудовой деятельности, а также разрешения спорных ситуаций.

Служба в органах внутренних дел является федеральной государственной службой, имеющей ряд признаков, по которым данный вид правоотношений подпадает под положение о наемном труде. Таким образом это трудовые правоотношения между федеральным органом исполнительной власти в сфере органов внутренних дел и особым субъектом [2, с. 103].

Действующее законодательство в сфере трудовых правоотношений сотрудников органов внутренних дел определяет последних, как участников данной сферы, а также связанных с данной сферой иных правоотношений. Примером таких правоотношений могут быть гражданские (материальная ответственность, разрешение споров и прочее), трудовые (время труда и отдыха) и т.п.

При всем этом, трудовое законодательство содержит догматические устои относительно содержащихся в других источниках права, согласно которых нормы трудового законодательства, имеющие статус Федерального закона должны соответствовать Трудовому кодексу РФ [10]. При обнаружении противоречий норм трудового права, содержащихся в других нормативно-правовых актах трудовому законодательству, нормы которого содержатся в Трудовом кодексе, применяются положения последнего. Законодатель сознательно ограничил возникновение правовых коллизий в трудовом праве, таким образом нивелируя на практике потенциальные антагонизмы. До проведенной реформы органов внутренних дел трудовое законодательство не было в числе правовых концепций службы в системе Министерства внутренних дел России.

Возникает системный вопрос – какую из отраслей права следует применять и из каких основ правовых актов следует исходить при рассмотрении споров между сотрудником и органом внутренних дел? С одной стороны, трудовой закон четко исключает неправильный ответ на данный вопрос. С другой – в имеющемся круге правовых норм, составляющих фундамент правил и статутах в сфере службы в органах внутренних дел РФ, трудовой кодекс нигде не затронут.

Анализируя действующих особых нормотворческих документов, регулирующих служебный статус, содержится большое количество принципиальных положений, которые по сути своей имеют вид межотраслевых правовых норм.

На практике, ввиду схожести основных принципов, норм и состава правоотношений, введение особых каких-либо кодифицированных актов нецелесообразно ввиду смены понятийного аппарата в написании, но в содержательной части идентичность, как говорится, «на лицо». В итоге все сводится к замене, в большинстве случаев слова «рабочий» на слово «служебный», таким образом понятийная составляющая имеет общеродовые связи с трудовым законодательством.

Отношения между органом внутренних дел и сотрудником, должны регулироваться сферой

трудового права, в случае если они не регламентированы профильными законодательными актами в сфере служебной деятельности, согласно ч. 2 ст. 3342-ФЗ [13].

Данные отношения можно дифференцировать по 2 группы: идентичные и специализированные.

Идентичные правоотношения содержат такую составляющую, которая повторяет, либо является близкой по духу, принципам трудового права «общегражданского» назначения, либо являются отсылочными к таковым. Доказательством данного проявления идентичных отношений может свидетельствовать экспансия необходимости выполнять свои должностные функции сорок часов в неделю (ч. 2 ст. 53 Закона о службе), либо о предоставлении льгот сотрудникам органов внутренних дел женского пола (привилегий), пособий для беременных и кормящих матерей (ч. 8 ст. 58; ч. 2, 3 ст. 63 Закона о службе), установленных действующими законодательными актами.

Специализированные же отношения являются исключительными требованиями к сотрудникам органов внутренних дел ввиду особенного регулирования их правоотношений, с наличием существенных отличий от трудового законодательства, особыми формами и методами их реализации, а также специфическим требованиями, которым должен соответствовать сотрудник ОВД. Конституционный Суд Российской Федерации, в своих актах реагирования неоднократно подчеркивал, что действующие сотрудники органов внутренних дел, реализуют конституционно значимые функции, направленные на обеспечение публичных интересов порядка и законности в обществе и государстве, для чего и необходим особый статус (статус специального субъекта).

Сам же правовой статус сотрудника органов внутренних дел определен законодательно, к данной категории сотрудников органа исполнительной власти предъявляются особые требования к морально-волевым качествам и практическим навыкам. На сотрудников накладывается ряд обязательств, которые вытекают из возложенных на них задач, дифференцированных особенностей и жизнедеятельности органов внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц.

Заклучая контракт на прохождение службы, и становясь в ряды сотрудников органов внутренних дел, физические лица своим волеизъявлением, пользуясь своим гражданским правом, принимают права и дополнительные обязанности выполнять предъявляемые особые требования.

Специфику этого характера можно разделить на 3 категории.

Первая категория объединяет характерные особенности наличия дополнительных преференций [12] сотрудникам органов внутренних дел перед общегражданскими нормами трудового права для обычных физических лиц, таких как:

– право сотрудника на ежегодный в размере не менее месяца, а сотрудникам, которые дис-

лоцированы в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях или других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе отдаленные, не менее полутора месяцев. Вместе с этим не учитываются выходные и праздничные дни (не более 10 в год);

- право на отпуск за вредные условия службы, ненормированный служебный день, а также за выслугу лет.

Вторая категория объединяет характерные особенности, которые нивелируют общегражданские нормы права для сотрудников органов внутренних дел. Примером этого может служить запрет на нахождение в управляющем органе некоммерческих организаций, созданных иностранными государствами, запрет коммерческой деятельности, работу по совместительству. Из данного правила имеются исключения, которые описаны в Законе.

Третью категорию объединяют наличие специальных требований, которые являются общеродовыми для всех силовых и правоохранительных структур, таких как:

- наличие судимости;
- особые виды дисциплинарных взысканий;
- ограничения по возрасту для сотрудников ОВД.

Таким образом, можно сделать вывод, что на правоотношения между федеральным органом исполнительной власти в сфере органов внутренних дел и особым субъектом оказывает непосредственное «общеродовое» влияние трудовое право и закрепленные им нормы.

Вместе с тем, на особых субъектов, имеющих специальные звания, диссеминаруются, как и базовые принципы трудового права, описанные в действующем основном Законе, так и отдельные отраслевые направления трудового права, таких как порядок учета рабочего времени и отдыха, оплата за выполненные трудовые функции, гарантии и компенсации, охрана труда и другие [1, с. 56].

Законодательство о труде, собранное в трудовом кодексе РФ не указывает в перечне лиц, на которых не распространяется трудовое законодательство, сотрудников органов внутренних дел; в данном кодифицированном акте имеется ссылка что в случае указания в ином федеральном законе других лиц, данный перечень не является исчерпывающим.

Трудовым правоотношениям присуща тройственность элементного состава: имущественный, управленческий и охранительный. К тройственным элементам относят комплексность равноправия сторон с имеющимися формами повиновения и выполнения нормативной базы и притязаний к выполнению работы наемными рабочими со стороны работодателя.

Исходя из проведенных исследований поведенческое повиновение субъектов труда своему руководству является основополагающей платформой трудового права, генерирует дифференциацию и следовательно, является производственным элементом управления [8, с. 16].

Трудовым конъюнктурным процессам сотрудников органов внутренних дел естественно наличие равных правовых возможностей сторон для возникновения и окончания правоотношений, что показывает их содержание.

Как правильно отмечает Л.А. Чиканова: «профессиональная служебная деятельность – это один из видов управленческой трудовой деятельности, характеризующейся лишь некоторой спецификой» [14, с. 20]. Опыт исследования актов судопроизводства и его практического использования систематически сподвигает субъект исследования к вопросу относительно того, что к какой отрасли права деятельность по трудовым отношениям следует применять при разрешении разногласий в отношении сотрудников органов внутренних дел.

Трудовая деятельность в органах внутренних дел, как и войсках национальной гвардии [11], постоянно связана с механизмом специально возложенных на сотрудника функций таких как применение силы в отношении подозреваемых, в том числе специальных средств и огнестрельного оружия, регламентированного профильными законодательными актами, борьба с преступными проявлениями методами принуждения, требованиями, предъявляемыми к служебному поведению и прочее.

Следовательно, служба в органах внутренних дел это особый вид наемного труда, основанный, как на нормах и правоотношениях, вытекающих из Трудового права, так и основе специального закона, регулирующего порядок прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации. Исходя из этого, пласт проблемных вопросов и возможных возникающих коллизий, связанных с особым статусом сотрудника органов внутренних дел, исключен из Трудового законодательства.

Одна из наиболее важных областей для повышения эффективности деятельности ОВД в современных условиях заключается в совершенствовании форм, методов и процедур принятия управленческих решений, определяющих качество и эффективность процессов государственного управления в правоохранительной сфере.

Управление неизбежно связано с властью. Как отмечает Б.И. Краснов, сущность власти обнаруживаются в отношении руководства, господства и подчинения. Без управления власть осуществлять невозможно [9, с. 53].

Реализация управления реализовывается в определенных формах управления определяемых, компетенцией конкретного органа, нормативно-правовыми предписаниями, которые устанавливают порядок реализации таких полномочий.

Кадровая политика МВД РФ в сфере внутренних дел, это неотъемлемая составная часть государственной кадровой политики. Она представляет собой общий курс и последовательность действий, касающихся формированию требований предъявляемым к служащим ОВД и касающаяся их отбора, подготовки и рационального использования, призванная проводиться с учетом состояния

и перспективы развития ОВД, прогнозирования потребности в кадрах.

От реализации кадровой политики МВД РФ зависит эффективность деятельности органов внутренних дел, которая напрямую связана с обеспечением правопорядка, законностью, а также соблюдением прав и свобод граждан [5, с. 101].

Принятие управленческих решений в целях реализации кадровой политики МВД РФ в ОВД является специализированной деятельностью, призванной упорядочить отношения между сотрудниками ОВД и кадровой политикой МВД. Это механизм наделения руководящего состава ОВД, как субъекта управления, полномочиями, позволяющими им направлять процесс служебной деятельности сотрудников на решение поставленных задач.

Управленческое решение характеризуется устойчивым комплексом правил и норм, регулирующих отношения между руководителями и исполнителями, т.е. между начальниками и подчиненными.

Управленческое решение – волевой акт субъекта управления. Важным здесь является то, что субъект управления самостоятельно осуществляет надлежащие действия, касающиеся управления подразделением, которым он руководит, они являются волевым актом его поведения, основанные на кадровой политике, проводимой МВД.

Характер поведения субъекта управления зависит от его сознания и воли. Если сознанием является способность внутренне овладеть реальностью, то воля способствует принятию решения, и направлена, посредством принятых им решений на преодоление всевозможных препятствий, как внутренних, так и внешних для достижения поставленной цели [4, с. 58].

Являясь носителями специализированной деятельности, касающейся принятия управленческих решений, руководящий состав должен применять управленческие технологии.

Управленческие технологии можно классифицировать по основным функциям управленческого процесса, а именно: технологии планирования, организации, мотивации, контроля, коммуникации, принятия решений.

Эти функции воплощаются в технологиях и процедурах работы с персоналом службы ОВД.

Управленческое решение носит директивно-обязательный характер. Оно основано на принципе единоначалия, который является традиционным в управлении. Согласно данному принципу, руководитель (начальник) подразделения, обладающий всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным, правомочен в одностороннем порядке принимать управленческое решение, а подчиненные, соблюдая субординацию, обязаны его исполнять точно и неуклонно.

При выработке важных управленческих решений руководящий состав, должен сочетать принцип единоначалия с принципом коллегиальности, принимая во внимание мнение специалистов, и способствовать разработке ими вариантов решений.

Таким образом, управленческое решение как вид специализированной деятельности руководящего состава в ОВД, основывается на знании управленческих технологий и объективных закономерностей, необходимых для управления и функционирования управляемого подразделения. Такое решение включает в себя систему целенаправленных, последовательных, основанных на логике и взаимосвязи управленческих действий, позволяющих выработать и осуществить принятие и организацию исполнения решения для достижения соответствующей цели.

Использование кадровых технологий при принятии управленческих решений, как средства управления служащими, позволяет: обеспечить достижение целей соответствующего подразделения ОВД организации и эффективность его функционирования; на основе совокупности последовательно производимых действий, приемов, операций получить информацию о возможностях сотрудника (профессиональных знаниях, способностях, умениях, навыках, личностных качествах) и выработать условия их реализации.

Поскольку кадровая технология это инструмент управления служащими, то сам процесс управления ими становится технологичным при его реализации на основе конкретно поставленных целей и методик (процедур и правил).

Должное внимание следует обратить на факторы, которые объективно влияют на процесс профессионализации кадров, а именно – на профессиональную среду, которая делает возможным квалификационное и должностное развитие служащих, даже в условиях регламентированного количества сотрудников в системе ОВД.

По мнению западных исследователей, профессионалам контроль не нужен, поскольку даже препятствует их деятельности. Такое мнение подтверждается тем, что профессионализм предполагает высокий уровень развития профессиональной культуры, этики и морали индивида. Человек с подобными качествами не может небрежно относиться к своей работе, профессии, он добросовестнее относится к собственному квалификационному (карьерному) развитию.

Профессиональная культура, культурная мобильность выступает не менее важным фактором профессиональной мобильности и профессионализации, чем профессиональные намерения, индивидуальные возможности человека к обучению (профессиональная способность обучаться) или профессиональная компетентность.

Необходимо отметить, что за последние годы, в Российской Федерации наблюдается динамика, связанная с востребованностью правоохранительной службы, которая характеризуется весьма высокой интенсивностью.

Причинами можно считать: возвращение социальной привлекательности правоохранительной службы, как вида государственной службы, совершенствование процедур отбора, прозрачность процедур оценки персонала, повышение уровня зара-

ботной платы, формирование стимулов для обучения и повышения квалификации, наличие социальных гарантий и т.п.

В свою очередь, это является результатом изменения самой кадровой политики, при этом, ведение термина «профессиональная мобильность» в кадровую политику предоставляет возможность системного влияния на организацию кадрового и образовательного обеспечения службы в ОВД, формирование стандартов, критериев эффективности деятельности сотрудника, дает возможность комплексного индивидуального планирования развития карьеры управленцев.

На повестке дня стоит разработка «шаблона» качества для конкретизации требований отбора на службу, ежегодного оценивания кадров, их аттестации, конкурсного отбора для повышения в должности, содержания различных форм профессионального образования (обучения), самообразования.

Актуальным также является создание доступной диагностики профессиональной мобильности индивида в различные периоды его профессионального развития, которая бы позволила ее использовать службам по работе с кадрами.

Грамотная, профессионально организованная работа с сотрудниками является важнейшей основой эффективности работы ОВД. В настоящее время значительно возросли нагрузки на кадровые службы.

Так, например, качественно осуществленная расстановка сотрудников органов внутренних дел, посредством принятия управленческого решения, позволяет решать две взаимосвязанные задачи – назначение на должность наиболее подготовленных сотрудников и определение для каждого из них сферы служебной деятельности, которая бы наиболее соответствовала их личным данным. Нарушение этого подхода может привести к назначению сотрудников на должности, не соответствующие их уровню и профилю подготовки, опыту, деловым и личным качествам и, как следствие, снижение эффективности служебной деятельности в целом.

При этом, если раньше для обеспечения успешного функционирования общества важны были, прежде всего, исполнительские способности сотрудников, то в условиях адаптации к общемировым стандартам и демократического развития на первый план выступают такие качества личности, как: активность, инициативность, умение принимать решения (на основе общечеловеческих ценностей и высоких этических стандартов), нести за них персональную ответственность.

Руководящий состав ОВД, принимая наиболее важные управленческие решения, основанные на знаниях, опыте, навыках, наделен способностью компетентно решать сложные, а порою неординарные задачи, неся при этом за них персональную ответственность.

На основании проведенного исследования авторы пришли к следующим выводам:

Служба в органах внутренних дел это особый вид наемного труда, основанный, как на нормах и правоотношениях, вытекающих из Трудового права, так и основе специального закона, регулирующего порядок прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации. Исходя из этого, пласт проблемных вопросов и возможных возникающих коллизий, связанных с особым статусом сотрудника органов внутренних дел, исключен из Трудового законодательства.

Принятие управленческих решений в целях реализации кадровой политики МВД РФ в ОВД является специализированной деятельностью, призванной упорядочить отношения между сотрудниками ОВД и кадровой политикой МВД. Это механизм наделения руководящего состава ОВД, как субъекта управления, полномочиями, позволяющими им направлять процесс служебной деятельности сотрудников на решение поставленных задач.

Управленческое решение характеризуется устойчивым комплексом правил и норм, регулирующих отношения между руководителями и исполнителями, т.е. между начальниками и подчиненными. Управленческое решение как вид специализированной деятельности руководящего состава в ОВД, основывается на знаниях управленческих технологий и объективных закономерностей, необходимых для управления и функционирования управляемого подразделения. Такое решение включает в себя систему целенаправленных, последовательных, основанных на логике и взаимосвязи управленческих действий, позволяющих выработать и осуществить принятие и организацию исполнения решения для достижения соответствующей цели.

Кадровая технология – это организованная система, позволяющая, посредством планомерно выстроенных кадровых процедур, разрешить возможные кадровые проблемы органов внутренних дел и достичь положительного результата. Использование кадровых технологий при принятии управленческих решений, как средства управления служащими, позволяет обеспечить достижение целей соответствующего подразделения ОВД организации и эффективность его функционирования, а также на основе совокупности последовательно производимых действий, приемов, операций получить информацию о возможностях сотрудника и выработать условия их реализации.

Поскольку кадровая технология это инструмент управления служащими, то сам процесс управления ими становится технологичным при его реализации на основе конкретно поставленных целей и методик (процедур и правил).

Литература

1. Анисимов А.Л. Особенности регулирования труда сотрудников органов внутренних дел // Трудовое право. 2009. № 1.
2. Гриднева О.В., Наумов Ю.Г., Тришкина Е.А., Гришмановский Д.Ю., Клочихин В.А. Примене-

- ние норм частного и финансового права в деятельности тыловых подразделений органов внутренних дел. Москва, 2019–260 с.
3. Куренной А.М. Трудовое право России: учебное пособие // М.: Издательство Проспект, 2015–286 с.
 4. Ледовских Н.П. Проблема обыденного сознания: философские аспекты // В сборнике: Человек в мире культуры: вызовы современности. Материалы Четвертого международного философско-культурологического симпозиума. 2008. С. 53–59.
 5. Ледовских Н.П., Матанцева М.С. Справедливость и свобода как правовые ценности // В сборнике: Право и политика: теоретические и практические проблемы. Сборник материалов 7-й Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета. Отв. редактор Л.Ю. Ларина. Рязань, 2019. С. 100–103.
 6. Передерин, С.В. Трудовое право Российской Федерации: учебное пособие // С.В. Передерин – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2010. С. 14
 7. Пешкова О.А., Прохорычева Е.И. Применение норм трудового законодательства при принятии управленческих решений руководителями ОВД: учебное пособие. В 2-х частях. Часть 1. – М.: Академия управления МВД России, 2016. – 100 с.
 8. Погребежский К.А. Правовое обеспечение государственной правоохранительной службы и пути его совершенствования: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. М., 2010. 26 с.
 9. Политология / Отв. ред. Б.И. Краснов. М., 1991. Вып. 1. С. 53.
 10. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N197-ФЗ 31 декабря 2001//по материалам компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс».
 11. Указ Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2016, № 15, ст. 2072.
 12. Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ (ред. от 05.12.2016, с изм. от 19.12.2016) «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»//по материалам компьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс».
 13. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. N342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» 7 декабря 2011 г. с изменениями и дополнениями//по материалам ком-

пьютерной справочной правовой системы «Консультант Плюс».

14. Чиканова Л.А. Применение трудового законодательства к служебным отношениям на государственной гражданской службе: теория и практика: автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 20.

PERSONNEL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF LABOR RELATIONS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Gridneva O.V., Skachko A.V., Subkhangulov R.R.

Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Candidate of Economic Sciences

The article is devoted to the study of the Institute of labor relations. In the context of the formation of the legal institution of the civil service of the Russian Federation, designed to provide effective social services to the population, to serve not utopian ideas, but exclusively to society, the issues of the formation of the personnel of the internal affairs bodies become important. In this regard, the need for scientific understanding is the actual application of labor legislation norms when making managerial decisions by the heads of the internal affairs bodies of the Russian Federation. With the development of the law enforcement system, managerial decisions by the heads of the internal affairs bodies of the Russian Federation related to the conditions of service in the Department of Internal Affairs, as well as the use of new personnel technologies, are becoming increasingly important. This circumstance becomes one of the urgent issues of organizational and legal support for their implementation.

Keywords: labor law, management decisions, labor resources, labor relations, personnel.

References

1. Anisimov A.L. Features of labor regulation of employees of internal affairs bodies // Labor law. 2009. № 1.
2. Gridneva O.V., Naumov Yu.G., Trishkina E.A., Grishmanovsky D. Yu., Klochikhin V.A. Application of private and financial law norms in the activities of rear divisions of internal affairs bodies. Moscow, 2019–260 p.
3. Kurennoy A.M. Labor law of Russia: textbook// Moscow: Prospect Publishing House, 2015–286 p.
4. Ledovskikh N.P. The problem of everyday consciousness: philosophical aspects // In the collection: Man in the world of culture: challenges of modernity. Materials of the Fourth International Philosophical and Cultural Symposium. 2008. pp. 53–59.
5. Ledovskikh N.P., Matantseva M.S. Justice and freedom as legal values // In the collection: Law and Politics: theoretical and practical problems. Collection of materials of the 7th International Scientific and Practical Conference dedicated to the 25th anniversary of the Faculty of Law. Editor L.Y. Larina. Ryazan, 2019. pp. 100–103.
6. Perederin, S.V. Labor law of the Russian Federation: textbook // S.V. Perederin – Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 2010. p.14
7. Peshkova O.A., Prokhorycheva E.I. Application of labor legislation norms when making managerial decisions by the heads of the Department of Internal Affairs: a textbook. In 2 parts. Part 1. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. – 100 p.
8. Pogrebezhsy K.A. Legal support of the state law enforcement service and ways of its improvement: Abstract. dis. for the degree of uch. art. cand. jurid. sciences. M., 2010. 26 p.
9. Political Science / Ed. B.I. Krasnov. M., 1991. Issue 1. p. 53.
10. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 N197-FZ December 31, 2001// based on the materials of the computer reference legal system “Consultant Plus”.
11. Decree of the President of the Russian Federation No. 157 dated 05.04.2016 “Issues of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2016, No. 15, Article 2072.
12. Federal Law No. 247-FZ of 19.07.2011 (as amended on 05.12.2016, with amendments. dated 19.12.2016) “On social guarantees to employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative

Acts of the Russian Federation”//based on the materials of the computer reference legal system “Consultant Plus”.

13. Federal Law No. 342-FZ of November 30, 2011 “On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” on December 7, 2011 with Amendments and Additions//

based on the materials of the computer reference legal system “Consultant Plus”.

14. Chikanova L.A. Application of labor legislation to official relations in the state civil service: theory and practice: abstract of the dissertation of Dr. Yurid. Sciences. M., 2005. p. 20.

Направления развития нормативно-правового регулирования договора финансирования под уступку денежного требования: на примере факторинга

Кожаров Матвей Олегович,

студент, Юридическая школа, ФГАО ВО «Дальневосточный
Федеральный университет»
E-mail: kozharov.matvey@gmail.com

Мухранов Алексей Сергеевич,

студент, Юридическая школа, ФГАО ВО «Дальневосточный
Федеральный университет»
E-mail: 335lexa@gmail.com

Степанова Ева Константиновна,

студент, Юридическая школа, ФГАО ВО «Дальневосточный
Федеральный университет»
E-mail: stepanova.ek@students.dvfu.ru

В данной статье рассматривается соотношение гражданско-правового договора цессии и договора факторинга, проблемы нормативно-правового регулирования договора финансирования под уступку денежного требования, а также перспективы развития и предложения, направленные на усовершенствование осуществления факторинговой деятельности. Цель научной работы заключается в определении критериев и разграничении договора факторинга с переменной лиц в обязательстве посредством замены кредитора, обнаружении проблем, в частности при помощи сравнительно-правового анализа с правом других государств, и предложений по усовершенствованию правового регулирования и факторинговой деятельности в целом. Методологию исследования составили общенаучные методы исследования, в числе которых сравнение, дедукция, синтез, анализ, а также индукция и наблюдение. Результатами исследования явились разграничение договора факторинга и договора цессии, выявлении пробелов в рамках гражданско-правового регулирования рассматриваемого договора, а также предложение вариантов разрешения обнаруженных проблем.

Ключевые слова: договор финансирования под уступку права денежного требования, договор факторинга, финансовый агент, фактор, цессия, банковская организация.

Являясь новым для российской правовой системы, договор финансирования под уступку денежного требования впервые был закреплен в Гражданском Кодексе Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) и закреплен в главе 43 [1].

Сущность договора факторинга состоит, во-первых, в создании механизма, минимизирующего риски, при предоставлении финансирования, во-вторых, в истребовании существующего или будущего требования, в-третьих, является инструментом, при помощи которого поддерживается необходимый уровень денежных средств у хозяйствующих субъектов в гражданском обороте [2, Ст. 170].

Как уже было отмечено ранее, сущность договора факторинга заключается, в частности, в уступке денежного требования от клиента факторинговому агенту (далее по тексту – фактор), в связи с чем необходимо отграничивать рассматриваемый договор с переменной лиц в обязательстве на стороне кредитора – цессией, предусмотренной отдельно главой 24 ГК РФ. Справедливыми представляются следующие критерии отграничения:

1) цель. В договоре цессии сущностью и целью договора выступает перемена лиц в обязательстве. В договоре факторинга перемена лиц в обязательстве, по мнению Анисима В.Л., носит вспомогательный и временный характер, обеспечивающий финансирование, оказание бухгалтерских и иных услуг и нормальный хозяйственный оборот [3, Ст. 38–39];

2) предмет. В рамках договора цессии предметом выступает непосредственно передача права требования по существующему или будущему обязательству, которое по своему характеру может быть любым. Предметом договора факторинга выступает передача права только денежного требования под финансирование и осуществление иных услуг, например, осуществление учета по денежным требованиям клиента к иным третьим лицам (должникам), ведение бухгалтерского учета и т.п.;

3) субъектный состав. Характеризуя субъектный состав по договору цессии, необходимо отмечать возможность участия в последнем всех субъектов гражданского права. Однако договор финансирования под уступку денежного требования содержит положение об обязательном участии на стороне фактора коммерческого юридического лица на основании ст. 825 ГК РФ;

4) основание возникновения правоотношения. В качестве юридического факта, влекущего замену кредитора в существующем или будущем обязательстве, может выступать как заключение догово-

ра, так и соответствующие положения нормативно-правовых актов, в соответствии с п. 1 ст. 382 ГК РФ. Так, например, перевод права требования по обязательству может быть результатом правопреемства в порядке наследования физическим лицом или в порядке реорганизации юридическим лицом, а также на основании вступившего в законную силу решения суда о переводе прав кредитора на другое лицо, в соответствии с п. 1 ст. 387 ГК РФ.

В отношении правоотношения факторинга юридическим фактом, то есть основание возникновения обязательства, в соответствии с п. 1 ст. 824 ГК РФ, может выступать только договор специальных гражданско-правовых субъектов.

5) возмездный и безвозмездный характер обязательства. В отношении договора цессии по закону не предъявляется требований о возмездном характере такого договора, то есть последний может быть как безвозмездным, так и возмездным. Договор факторинга, в отличие от цессии, может быть только возмездным в силу положений об обязательной оплате оказанных фактором услуг. Последнее также подтверждается сущностью и субъектным составом рассматриваемого договора.

С учетом приведенных различий гражданско-правовых договоров цессии и факторинга, необходимо сделать вывод о самостоятельном характере каждого из них и невозможности отождествления друг с другом.

Вместе с тем, необходимо отмечать, что, рассматриваемый договор факторинга, в рамках российского гражданского права обладает рядом особенностей и проблем.

В качестве предмета правового регулирования договор факторинга ставится в рамках российского гражданского права только в соответствующей части ГК РФ и в федеральных законах о внесении изменений норм ГК РФ в части, касающейся регулирования договора факторинга. В качестве последнего можно выделить, например, Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] и другие.

Справедливым представляется утверждение о том, что во многих иностранных государствах правовому регулированию договора факторинга посвящаются отдельные, специальные нормативно-правовые акты. Так, например, в Республике Беларусь (далее по тексту – РБ), кроме включения договора факторинга в главу 43 Гражданского кодекса РБ [5], в 2015 году вступил в законную силу Указ Президента РБ № 471 «О вопросах финансирования под уступку денежного требования» [6].

Вместе с тем, на правоотношения, возникающие на основании заключенного договора факторинга в РБ, распространяются статьи 155–162 Банковского кодекса РБ [7].

Вышеуказанная нормативная база в совокупности и взаимосвязи регулирует правоотношения факторинга, предъявляя требования к сторонам

обязательства и лицензировании такой деятельности.

Наравне с Республикой Беларусь отдельные положения и специальные нормативно-правовые акты, касающиеся нормативно-правового регулирования договора факторинга, содержит правовая система Австралийского союза. Вступивший в силу в 2001 году Закон о корпорациях [8], регулирует правоотношения коммерческих юридических лиц, в частности в отношении требований, предъявляемых к заключению, субъектному составу и содержанию договора факторинга. Так, в соответствии со ст. 7.6. – 7.9. Закона о корпорациях, лица, предоставляющие финансовые услуги в связи с производными финансовыми инструментами, должны: иметь лицензию AFS и соблюдать общие обязательства лицензиата; соблюдать требования в отношении поведения, касающиеся продажи финансовых продуктов; соблюдать требования к раскрытию информации, включая требования к подготовке и выпуску заявления о раскрытии информации о продукции, подтверждению сделок (s1017F) и обеспечению постоянного раскрытия информации о существенных или существенных изменениях (s1017B).

Вместе с тем, отмечая сравнительно-правовое регулирование договора факторинга, необходимо отмечать также о существующих нормативных пробелах в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, за исключением приведенного выше Австралийского Союза. Так, вступивший в законную силу первого января 2021 г. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики [9] (далее по тексту – ГК КНР) закрепил лишь основные положения и принципы договора факторинга в ст. 761 ГК КНР, определяя его, как: «договор, по которому кредитор уступает свое существующее или будущее право требования фактору, а последний предоставляет услуги финансового размещения, управления или взыскания дебиторской задолженности, а также гарантии оплаты дебиторской задолженности». Лицензирование факторинговой деятельности, а также иные акты, ставящие предмет правового регулирования договор факторинга в Китае, отсутствуют.

Нормативно-правовое регулирование договора факторинга в рамках российского гражданского права, ограничивающееся лишь положениями соответствующей части ГК РФ и вносимыми изменениями Федеральными законами, также характеризуется отсутствием лицензирования факторинговой деятельности и предъявляемыми требованиями к организации, за исключением предусмотренного коммерческого характера деятельности. Последнее, в частности, выражается главной ролью банковских организаций, выступающих на стороне факторов, когда в большинстве зарубежных стран эту роль возглавляют специализированные коммерческие факторинговые организации. Вместе с тем, аналогичную позицию высказывает и Черненко В.П., который отмечает превалирование на отечественном рынке по оказанию факторинго-

вых услуг банковских организаций и объясняет последнее лишь «несовершенством законодателя» и наличием пробелов в правовом регулировании рассматриваемой сферы деятельности, которое, по мнению автора настоящей работы, необходимо восполнить.

Отмечая сравнительно-правовую характеристику правового регулирования договора факторинга с зарубежными государствами, отсутствие лицензирования факторинговой деятельности и предъявления специальных требований к факторам и, как следствие, возникновение превалирующей роли банковских организаций на стороне факторов, справедливым представляется вывод о существующих пробелах в области правового регулирования рассматриваемого гражданско-правового договора.

По мнению автора, выделенные проблемы возможно разрешить при совершении следующих действий:

- внесение изменений в ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [10] в части включения деятельности по оказанию факторинговых услуг в исчерпывающий перечень лицензируемых видов деятельности;
- внесение изменений в ст. 825 ГК РФ в части указания на специальный субъектный состав со стороны фактора;
- создание нормативной базы, предметом правового регулирования которой будет являться договор и правоотношения факторинга, посредством вступления в юридическую силу специального Федерального закона;
- регулирование факторинговой деятельности на предмет соблюдения предъявляемых требований через саморегулируемые организации на основании ст. 3 Федерального закона от 01.12.2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» [11].

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть вторая: федер. закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 05.05.2021 г.)
2. Черненко В.П. Актуальные вопросы правового регулирования договора факторинга // *European journal of humanities and social sciences*. 2019. № 2. Ст. 169–173
3. Анисимова В.И. Правовая природа договора факторинга // *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2020. № 6–9 (62). Ст. 36–40
4. О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 26.07.2017 № 212-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220900/

b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/ (дата обращения: 05.05.2021 г.)

5. Гражданский кодекс Республики Беларусь: закон от 07.12.1998 № 218-З [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (дата обращения: 05.05.2021 г.)
6. О вопросах финансирования под уступку денежного требования: Указ Президента Республики Беларусь от 23.11.2015 № 471 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://kodexy-by.com/norm_akt/source-%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%20%D0%A0%D0%91/typ%D0%A3%D0%BA%D0%B0%D0%B7/471-23.11.2015.htm (дата обращения: 05.05.2021 г.)
7. Банковский кодекс Республики Беларусь: закон от 25.10.2000 № 441-З [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0000441> (дата обращения: 05.05.2021 г.)
8. О корпорациях: закон Австралийского Союза от 2001 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://wikichi.ru/wiki/Corporations_Act_2001 (дата обращения: 05.05.2021 г.)
9. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики: закон от 01.01.2021 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://chinalaw.center/civil_law/china_civil_code_2020_russian/ (дата обращения: 21.05.2021 г.)
10. О лицензировании отдельных видов деятельности: федер. закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/ (дата обращения: 05.05.2021 г.)
11. О саморегулируемых организациях: федер. закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (дата обращения: 05.05.2021 г.)

DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF THE REGULATORY REGULATION OF THE FINANCING CONTRACT FOR THE ASSIGNMENT OF A MONETARY CLAIM: BY THE EXAMPLE OF FACTORING

Kozharov M.O., Mukhranov A.S., Stepanova E.K.
Far Eastern Federal University

This article examines the relationship between a civil cession contract and a factoring contract, the problems of regulatory regulation of a financing contract for the assignment of a monetary claim, as well as the prospects for development and proposals aimed at improving the implementation of factoring activities. The purpose of the research work is to determine the criteria and distinguish between a factoring contract with a change of persons in the obligation by replacing the creditor, to identify problems, in particular, by means of a comparative legal analysis with the law of other states, and proposals for improving legal regulation and factoring activities in general. The research methodology consists of general scientific research methods, including comparison, deduction, synthesis, analysis, as well as induction and observation. The results of the study were the differentiation of the factoring contract and the cession contract, the identification of gaps in the civil law regulation of the contract under consideration, as well as the proposal of options for resolving the problems found.

Keywords: financing agreement for the assignment of the right of monetary claim, factoring agreement, financial agent, factor, assignment, banking organization.

References

1. Civil Code of the Russian Federation: part two: feder. law of 26.01.1996 № 14-FZ [Electronic resource] – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (accessed 05.05.2021)
2. Chernenko V.P. Actual issues of legal regulation of the factoring agreement // European journal of humanities and social sciences. 2019. № 2. Art. 169–173
3. Anisimova V.I. The legal nature of the factoring contract // Actual scientific research in the modern world. 2020. № 6–9 (62). Art. 36–40
4. On Amendments to Parts One and Two of the Civil Code of the Russian Federation and Certain Legislative acts of the Russian Federation: feder. law of 26.07.2017 № 212-FZ [Electronic resource] – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220900/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/ (accessed 05.05.2021)
5. Civil Code of the Republic of Belarus: Law of 07.12.1998 № 218-Z [Electronic resource] – Access mode: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (accessed 05.05.2021)
6. On issues of financing for the assignment of a monetary claim: Decree of the President of the Republic of Belarus of 23.11.2015 № 471 [Electronic resource] – Access mode: https://kod-eksy-by.com/norm_akt/source-%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%A0%D0%91/type%D0%A3%D0%BA%D0%B0%D0%B7/471-23.11.2015.htm (accessed: 05.05.2021)
7. Banking Code of the Republic of Belarus: Law of 25.10.2000 № 441-Z [Electronic resource] – Access mode: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0000441> (accessed 05.05.2021)
8. Corporations: Australian Union Act 2001 [Electronic resource] – Access mode: https://wikichi.ru/wiki/Corporations_Act_2001 (accessed: 05.05.2021)
9. Civil Code of the People's Republic of China: Law of 01.01.2021 [Electronic resource] – Access mode: https://chinalaw.center/civil_law/china_civil_code_2020_russian/ (accessed 21.05.2021)
10. About licensing of certain types of activity: feder. law of 04.05.2011 № 99-FZ [Electronic resource] – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/ (accessed 05.05.2021)
11. About self-regulating organizations: feder. law of 01.12.2007 № 315-FZ [Electronic resource] – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (accessed 05.05.2021)

Нормативное закрепление категорий токенов и цифровых прав: гражданско-правовой аспект

Павлова Дария Андреевна,

ассистент, аспирант кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: pavlovadari@bk.ru

Данная статья посвящена анализу доктринального аспекта дефиниции токенов и цифровых прав в целях определения их сущности и содержания. В результате проведенного сравнительного анализа выявлены критерии отграничения цифровых прав и токена. Сделаны выводы о невозможности применения синонимичного подхода к данным терминам в современной правовой системе, поскольку токен является определенной единицей учета (активом), выполняющим удостоверительные функции, что отражает его исключительно экономическую и техническую сущность. Рассмотрение его в качестве объекта гражданских прав по аналогии с бездокументарными ценными бумагами или имущественного комплекса введет к подмене правового категориального аппарата, что также было отмечено законодателем на этапе рассмотрения законопроектов о цифровых правах.

Ключевые слова: цифровые права, токены, цифровые активы, объекты гражданских прав, правовая природа, дефиниция.

Одним из ключевых достижений научно-технического прогресса является появление и развитие цифровых технологий, а также их внедрение в общественные и экономические отношения. Право как один из регуляторов общественных отношений также подлежит изменению и совершенствованию в целях «удовлетворения» потребностей общества в соответствующем правовом регулировании.

Ряд ученых, (например, Р.Б. Головкин, О.А. Городов, Н.А. Петраков, А.В. Тумаков и другие) исследуя тенденцию постепенной цифровизации права (придание цифровой «формы» правоотношениям [8, с. 45], реструктуризация объектов гражданского права, формирование «цифровых» правовых механизмов защиты и осуществления субъективных прав и т.д.), выделяют цифровые правоотношения как особый вид гражданских правоотношений.

Их ключевой особенностью, помимо предметного регулирования, также является специфический круг объектов, среди которых в рамках данного исследования допустимо выделить цифровые права.

Сущностное содержание дефиниции цифровых прав (цифрового права) в отечественной доктрине имеет несколько подходов: цифровое право как отрасль или институт права; цифровые права как совокупность прав человека в «киберпространстве»; цифровые права как объект гражданского права. Допустимо заключить, что первые два подхода основаны на расширительном (доктринальном) толковании дефиниции цифровых прав. Они основаны на объединении под «цифровыми правами» гетерогенных по своим свойствам элементов. Третий подход предполагает легальное толкование цифровых прав как специально отграниченного комплекса прав от иных имущественных (ст. 128 ГК РФ).

Обращаясь к правовой природе последних, по мнению Л.А. Родионова, термин «цифровые права» (ст. 141.1 ГК РФ) является аналогом термина «токен», ранее указанного в проекте № 419059–7 Федерального закона «О цифровых финансовых активах» (текст до второго чтения) [13, с. 189]. Данная позиция также содержится в сопроводительных документах к указанному законопроекту.

А.И. Савельев рассматривал токен как единицу учета определенной ценности, представленной в виде записи [14]. Л.Ю. Василевская представляла токен, с одной стороны, как цифровой код объекта, в котором закодирована его стоимость, а с другой – как цифровой ключ, выполняющий функцию идентификации управомоченного лица [3, с. 114]. Л.Г. Ефимова рассматривала токен в качестве ус-

ловного виртуального символа объекта права в киберпространстве или, иначе говоря, как «категорию условных виртуальных традиционных объектов права» [7]. Указанные определения токена связаны с его технической составляющей на ранних этапах формирования подходов к его определению и не раскрывают важные для отечественного законодательства сущность и содержание. Факт рассмотрения токена как цифрового представления объекта в соответствующей информационной среде достаточно спорен, так как для гражданского оборота обладание нематериальными объектами выражается в правах на данные объекты.

Изучая функциональную составляющую токена, в отечественной доктрине выделяют следующие виды токенов:

Служебные (утилитарные) (англ. utility tokens), позволяющие произвести оплату сервисов и предоставляющие доступ к цифровому объекту (товару, услуге);

Обеспечительные (англ. asset-backed tokens), то есть обеспеченные активами и удостоверяющие права на традиционные объекты (акции, недвижимость, сырье и т.д.) [12; 14];

Платежные (англ. payment tokens), выполняющие функции средства платежа и являющиеся, по мнению Л.Г. Ефимовой, синонимом «чистых криптовалют» [7];

Пользовательские (программные) (англ. software token), удостоверяющие право пользоваться системой, а также право создавать программные продукты, изменять их;

Корпоративные (инвестиционные) (англ. equity tokens), дающие право голоса в компании, право на получение части прибыли в компании (англ. equity tokens offering – ETO). К данной группе также относят токены безопасности (англ. security tokens), выпускаемые в западных странах в соответствии с требованием законодательства о рынке ценных бумаг (англ. security token offerings – STO) [15].

Также выделяют гибридные токены, которые объединяют в себе несколько указанных видов. Важно отметить, что в связи с динамичным развитием криптовалютной индустрии данная классификация не является исчерпывающей.

Исходя из приведенной систематизации можно сделать вывод о том, что большинство токенов являются способом удостоверения субъективных прав (за исключением платежных токенов). Л.Г. Ефимова также указывает, что токен лишь выполняет функцию удостоверения права аналогично товарораспорядительным ценным бумагам (правоустанавливающим документам) [7].

В зависимости от выполняемых функций В.В. Григорьев также разделял токены на две категории: удостоверение прав на имущество и участие в капитале юридического лица; инвестиционный (финансовый) инструмент оборота цифровых активов [5, с. 33].

Проводя аналогию с функциональным назначением цифровых прав, первая группа отража-

ет содержание цифровых финансовых активов, а вторая – утилитарных цифровых прав. Ряд авторов, сравнивая целевое назначение выпуска токенов с действующим законодательством о цифровых правах, также приходят к выводу об их схожем содержании. Например, О.А. Городов проводит аналогию между утилитарными цифровыми правами (вид цифровых прав) и utility-токенами, которые размещаются в инвестиционной платформе. Автор указывает на ключевой признак однородности выполняемых функций: фиксацию прав на определенный объект в электронной среде [4].

По мнению Р.М. Аллылаева, токены являются объектами цифровых прав, правовая природа которых заключается в их рассмотрении в качестве имущественных прав [1, с. 92]. А.М. Лаптева сравнивает токен с имущественным комплексом, выделяя среди общих черт имущественный характер объединенных в данные «оболочки» разных по своей правовой природе объектов [11]. В данном случае допустимо предположить, что авторы придерживаются понимания цифровых прав в широком смысле.

Противоположной позиции придерживаются А.В. Бодяко, С.В. Пономарева, Т.М. Рогуленко, которые отграничивают токен и цифровые права, указывая, что токен не соответствует признакам, указанным в ст. 141.1 ГК РФ [2, с. 22]. Н.Ю. Комлев также считает, что цифровой актив (токен) недопустимо приравнивать к цифровому праву [9, с. 60–61]. С данной позицией допустимо согласится, так как, во-первых, цифровые права как объект **гражданского права** являются имущественным правом, в то время как токен с правовой точки зрения и исходя из его признаков правом не является, а выступает способом удостоверения прав и идентификации владельца.

Интересная точка зрения усматривается в трудах Л.Ю. Василевской, которая определяла цифровые права как способ фиксации (удостоверения) прав имущественных по аналогии с токеном и не рассматривала их в качестве самостоятельного объекта в целях исключения конструкции «право на право» [3, с. 116]. Данной позиции также придерживается О.С. Гринь [6, с. 25], И.М. Конобеевская [10, с. 332]. Однако допустимо предположить, что данный подход лишь отягощает существующие правовые конструкции по сравнению с рассмотрением цифровых прав как прав имущественных, выделенных из общего массива по признаку особенностей оборота.

Также необходимо отметить, что с момента признания имущественного права гражданско-правовым объектом происходит его условное «разделение»: рассмотрение его как объекта и субъективного права, что в совокупности, как показала практика (например, бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства), не препятствует его правовому регулированию, но вызывает дискуссии в научном сообществе [3, с. 116; 6, с. 25; 10, с. 332].

Во-вторых, цифровые права, в отличие от некоторых криптовалютных (платежных) токенов, не предполагают обезличенный оборот. Например, Е.В. Шестакова не относит анонимные криптовалюты к цифровым правам, при этом допуская отнесение к ним токенов и криптовалют с поименованным «эмитентом» [16]. В связи с данными обстоятельствами возникает вопрос о соотношении криптовалют как разновидности токена и цифрового права, особенно в области их возникновения. Отнесение цифровых прав к токенам возможно лишь с технической направленности, где (условно) и то и другое явление выражается в виде определенной алгоритмической последовательности.

Таким образом, несмотря на поверхностные общие черты (оборот в информационных системах, нематериальная природа и т.д.), рассмотрение токена и цифровых прав в качестве синонимичных понятий недопустимо, так как *инкорпорация экономической терминологии в право ведет за собой подмену понятий, приводящих к неверной трактовке явлений, а также появлению теорий о новых «правовых природах», не имеющих отношения к праву.*

Литература

1. Аллалыев Р. М., Беляй В. В. К вопросу о цифровых правах в законодательстве Российской Федерации // Образование и право. 2020. № 2. с. 90–95.
2. Бодяко А. В., Пономарева С.В., Рогулenco Т.М. Идентификация цифровых прав в качестве объекта учета и контроля // Учет. Анализ. Аудит. 2021. № 8(5). С. 14–27.
3. Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 111–119.
4. Городов О.А. Цифровое право как подотрасль информационного права // Право и цифровая экономика. 2021. № 1. С. 36–3.
5. Григорьев В.В. Национальная цифровая валюта как фактор оживления экономики России // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 12(1). С. 30–37.
6. Гринь О.С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // Lex russica. 2020. Т. 73. № 10. С. 21–31.
7. Ефимова Л.Г. Токен как виртуальный объект гражданского права // Банковское право. 2020. № 3.
8. Карцхия А.А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 43–46.
9. Комлев, Н.Ю. Правовая природа токена (цифрового права) как нового объекта гражданских правоотношений // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 4. № 2(8). С. 59–62.

10. Конобеевская И.М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Изв. Саратов. ун-та Нов. 2019. Т. 19. № 3. С. 330–334.
11. Лаптева А.М. Правовой режим токенов // Гражданское право. 2019. № 2.
12. Новоселова Л.А. Токенизация объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 29–44.
13. Родионов Л. А. К вопросу о правовой характеристике цифровых технологий в гражданском праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4–3. С. 188–190.
14. Савельев А.И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. 2018. № 2. С. 36–51.
15. Харитонов Ю. С., Санникова Л.В. Цифровые финансовые инструменты для социализации частного права // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2021. № 39. С. 208–224.
16. Шестакова Е.В. Цифровое право. М.: Право Достапа. 2020.

REGULATORY CONSOLIDATION OF CATEGORIES OF TOKENS AND DIGITAL RIGHTS: CIVIL LAW ASPECT

Pavlova D.A.

St. Petersburg State University of Economics

This article is devoted to the analysis of the doctrinal aspect of the definition of tokens and digital rights in order to determine their essence and content. As a result of the comparative analysis, the criteria for distinguishing digital rights and tokens were identified. Conclusions are drawn about the impossibility of applying a synonymous approach to these terms in the modern legal system, since the token is a certain accounting unit (asset) that performs certifying functions, which reflects its exclusively economic and technical essence. Considering it as an object of civil rights by analogy with non-documentary securities or a property complex will lead to the substitution of the legal categorical apparatus, which was also noted by the legislator at the stage of consideration of draft laws on digital rights.

Keywords: digital rights, tokens, digital assets, objects of civil rights, legal nature, definition.

References

1. Allalyev R. M., Belyay V.V. On the question of digital rights in the legislation of the Russian Federation // Education and Law. 2020. No.2. pp. 90–95.
2. Bodiako A.V., Ponomareva C.V., Rogulenco T.M. Digital rights identification as an object of accounting and control // Accounting. Analysis. Audit. 2021. No. 8(5). pp. 14–27.
3. Vasilevskaya L.Y. Token as a new civil rights object: problems of legal classification of digital law // Actual problems of Russian law. 2019. No. 5 (102). pp. 111–119.
4. Gorodov O.A. Digital law as a sub-branch of information law // Law and the digital economy. 2021. № 1. pp. 36–43.
5. Grigoriev V.V. National digital currency as a factor in the revival of the Russian's economic revival // Economy. Taxes. Right. 2019. No. 12(1). pp. 30–37.
6. Grin O.S. Legally binding relationships with regard to digital objects of civil rights // Lex Russica. 2020. Vol. 73. No. 10. pp. 21–31.
7. Efimova L.G. Token as a virtual object of civil law // Banking Law. 2020. № 3.
8. Kartskhiya A.A. Digital rights and law enforcement // Monitoring of law enforcement. 2019. No. 2 (31). pp. 43–46.
9. Komlev, N.Y. Legal status of token (digital rings) as a new object of civil legal relations // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. Vol. 4. No. 2(8). pp. 59–62.

10. Konobeevskaya I.M. Digital rights as a new object of civil rights // Izv. Sarat. Univ. (N. S.). 2019. Vol. 19. No. 3. pp. 330–334.
11. Lapteva A.M. The legal regime of tokens // Civil Law. 2019. № 2.
12. Novoselova L.A. Tokenization of objects of civil law // Economy and law. 2017. No. 12. pp. 29–44.
13. Rodionov L.A. On the question of the legal characteristics of digital technologies in civil law // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 4–3. pp. 188–190.
14. Savelyev A.I. Some risks of tokenization and blockchainization of civil law relations // Law. 2018. No. 2. pp. 36–51.
15. Kharitonova Yu. S., Sannikova L.V. Digital financial tools for the socializing private law // Vestn. Volume. State University. Right. 2021. No. 39. pp. 208–224.
16. Shestakova E.V. Digital Law. M.: Right of Access. 2020.

Проблема правового регулирования перехода права собственности на застрахованное имущество

Экзекова Лина Муссовна,

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет
E-mail: l_shayn@mail.ru

Настоящая статья посвящена актуальной проблеме правового регулирования перехода прав и обязанностей страхователя по договору добровольного имущественного страхования при продаже им застрахованного имущества новому собственнику. Исследованы на предмет наличия в законе возможность нового собственника отказаться от страхования и обязанность продавца уведомить потенциального покупателя о наличии такого страхования.

Проведен анализ отечественной нормативной базы в рамках перехода права собственности, а также зарубежного законодательства, в частности законодательства Венгрии и Германии, с целью обоснования необходимости формулировки соответствующей нормы закона таким образом, дабы сохранить условия для выражения воли нового собственника.

Автор приходит к выводу о противоречии положений статьи 960 Гражданского кодекса Российской Федерации в ее действующей редакции основным началам гражданского права – принципам свободы договора и автономии воли, а также предлагает идеи для совершенствования законодательства в исследуемой области.

Ключевые слова: страхование имущества, страхователь, смена собственника, переход права собственности, покупатель.

В римском праве, на основе рецепции которого возникла в том числе российская правовая система [3, с. 201] по договору собственность передавалась тремя способами: манципация, уступка в суде и традиция. Криволапова Л.В. подчеркивает, что до настоящего времени свою актуальность сохранил лишь один способ – традиция [2, с. 312], который заключается в переходе права собственности на основании передачи вещи во владение приобретателя [1, с. 212].

Смена собственника в рамках договора по российскому законодательству происходит на основании пункта 2 статьи 209 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) и пункта 1 статьи 223 ГК РФ, устанавливающего момент возникновения права собственности у приобретателя по договору – передача имущества. Законом или договором на основании принципа свободы договора могут быть предусмотрены отличные от выше означенных условия. Например, возникновение права собственности на недвижимое имущество в соответствии со статьей 551 ГК РФ происходит после государственной регистрации.

Вместе с тем, существует договор страхования, в рамках которого согласно статье 960 ГК РФ смена собственника застрахованного имущества сопровождается автоматическим переходом всех прав и обязанностей по договору страхования этого имущества, заключенному в интересах страхователя – продавца, к страхователю – покупателю имущества. При этом следует обратить внимание, что конструкция нормы позволяет особенно выделить то, что договор страхования был заключен именно в интересах продавца – предыдущего собственника имущества в то время, как интерес покупателя остается неясным.

Фактически у нового собственника имущества возникают права и обязанности, с которыми добровольно он не соглашался, а, приобретая какую-либо вещь, оказался стороной по договору, ни условий, ни контрагента по которому он не выбирал. С одной стороны, пункт 2 статьи 958 ГК РФ устанавливает, что страхователь может расторгнуть договор страхования в любое время, в связи с чем новый собственник вправе отказаться от такого договора. С другой стороны, покупатель не всегда оказывается вовремя осведомлен, что приобретаемое им имущество застраховано, учитывая, что на него как на собственника застрахованного имущества возлагается исполнение всех обязанностей по договору страхования, в том числе уплата очередных взносов страховой премии, а обязанность продав-

ца сообщить покупателю о наличии такой страховки не регламентирована.

Выше означенное прямо противоречит основным началам гражданского законодательства, а именно пункту 2 статьи 1 ГК РФ, который регламентирует, что гражданские права приобретаются физическими и юридическими лицами только их волей и в их интересе. Гражданский кодекс прямо устанавливает свободу в установлении своих прав и обязанностей на основе договора, а также в определении любых условий договора (которые не противоречат закону).

Интересен в данном смысле зарубежный опыт. В соответствии с пунктом 3 статьи 6:454 Гражданского кодекса Венгрии договор может быть расторгнут любой из сторон в течение 30 дней после получения информации о передаче права собственности путем уведомления за тридцать дней.

Статья 96 немецкого Закона о договоре страхования регламентирует право покупателя застрахованного имущества расторгнуть договор страхования в течение месяца. При этом норма подчеркивает, что указанный месяц отсчитывается либо с момента покупки, либо с того момента, когда покупатель узнает о наличии страховки, что обеспечивает достаточно качественную защиту нового собственника застрахованного имущества, которого могли не предупредить о наличии страховки. Указанные формулировки норм позволяют создать условия для выражения воли покупателя: ему переходят все права и обязанности по договору страхования, но он вправе решать, сохранить страховую защиту или прервать, выбрав в последствии и при желании другого страховщика, заключив новый договор добровольного страхования на иных условиях.

В целях устранения существующего на сегодняшний день противоречия в гражданском законодательстве и развития страховой отрасли, основываясь на принципах автономии воли и свободы договора, целесообразно дополнить существующую статью 960 ГК РФ абзацем в следующей редакции:

«Лицо, к которому перешли права на застрахованное имущество, вправе отказаться от договора страхования в любое время в соответствии с требованиями, предусмотренными пунктом 2 статьи 958 настоящего Кодекса.»

Вместе с тем обязанность продавца сообщить покупателю имущества о наличии страховки может быть установлена на основании статьи 10 Закона РФ «О защите прав потребителей», согласно которой продавец обязан сообщить все необходимые сведения о продаваемом им имуществе покупателю.

Таким образом противоречия в действующем законодательстве будут устранены, права и законные интересы страхователя как участника гражданских правоотношений защищены, что исключительно позитивно скажется на страховой отрасли России в целом и восприятии рынка страхования потенциальными потребителями в частности.

Еще одно положение, порождающее некоторого рода сомнения – абзац 2 статьи 960 ГК РФ, в кото-

ром упоминается обязанность лица, которому перешли права и обязанности по договору страхования, незамедлительно письменно уведомить об этом факте страховщика. Вопрос вызывает отсутствие в норме последствий, которые неизбежно наступят при нарушении указанного требования. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что такое нарушение даже не является основанием для отказа в страховой выплате, а это основная обязанность страховщика как стороны по договору (Решение Орджоникидзевского районного суда города Уфы от 12.01.2017 № 2–180/2017(2–8283/2016;)-М-7827/2016, Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 05.09.2022 по делу № 33–12250/2022, 2–3758/2020, Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2009 № 07АП-4789/09 по делу № А45–4091/2009 и проч.). Также вызывает вопрос срок, установленный анализируемой нормой – незамедлительно – и не имеющий каких-либо четких ограничений (Решение Измайловского районного суда города Москвы от 22.11.2019 по делу № 2–3892/2019). На основании изложенного полагаем возможным заключить, что данный абзац не востребован в практике и в целом может быть исключен из действующей редакции ГК РФ либо дополнен соответствующим образом.

Вопрос о необходимости более комплексного и ответственного подхода к совершенствованию законодательства в сфере страхования имущества, чем наблюдается сегодня, даже не может являться предметом дискуссии, так как только это обстоятельство позволит развить рынок страхования до надлежащего уровня. Отсутствие противоречий и «рабочие» нормы – это неотъемлемая часть в процедуре формирования и развития любого института гражданского права.

Литература

1. Голиков Р.В. Переход права собственности по договору купли-продажи движимого имущества в российском гражданском праве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 3. С. 210–220.
2. Криволапова Л.В. Передача права собственности в римском частном праве // Известия ОГАУ. 2009. № 22 (2). С. 312–313.
3. Экзекова Л.М. Страхование домашнего имущества в Германии и России как страхование совокупности вещей: правовые основы и судебная практика // Юристы-Правоведь. 2022. № 3 (102). С. 201–206.

THE PROBLEM OF LEGAL REGULATION OF THE TRANSFER OF OWNERSHIP OF INSURED PROPERTY

Ekzekova L.M.

St. Petersburg State University of Economics

This article is devoted to the actual problem of legal regulation of the transfer of rights and obligations of the insured under a voluntary property insurance contract when he sells the insured property to a new owner. The possibility of the new owner to refuse insurance and

the obligation of the seller to notify the potential buyer of the availability of such insurance are investigated in the law.

The analysis of the domestic regulatory framework in the framework of the transfer of ownership, as well as foreign legislation, in particular the legislation of Hungary and Germany, was carried out in order to justify the need to formulate the relevant norm of the law in such a way as to preserve the conditions for expressing the will of the new owner.

The author comes to the conclusion about the contradiction between the provisions of Article 960 of the Civil Code of the Russian Federation in its current version and the basic principles of civil law – the principles of freedom of contract and autonomy of will, and also offers ideas for improving legislation in the area under study.

Keywords: property insurance, policyholder, change of ownership, transfer of ownership, buyer.

References

1. Golikov R.V. Transfer of ownership under a contract for the sale of movable property in Russian civil law // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky Jurisprudence. 2022. Vol. 8 (74). № . 3. P. 210–220.
2. Krivolapova L.V. Transfer of ownership in Roman private law // News of the OSAU. 2009. № . 22 (2). P. 312–313.
3. Ekzekova L.M. Home property insurance in Germany and Russia as insurance of a set of things: legal foundations and judicial practice // Yurist-Pravoved. 2022. № . 3 (102). P. 201–206.

О некоторых проблемах квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа

Иванцов Степан Алексеевич,

студент, Юридическая школа, ФГАО ВО «Дальневосточный
Федеральный университет»
E-mail: ivantcov.sa@students.dvfu.ru

Рыбко Матвей Антонович,

студент, Политехнический институт, ФГАО ВО
«Дальневосточный Федеральный университет»
E-mail: rybko.ma@students.dvfu.ru

Сергеев Артём Маратович,

студент, Политехнический институт, ФГАО ВО
«Дальневосточный Федеральный университет»
E-mail: sergeev.am@students.dvfu.ru

Чернышев Илья Андреевич,

студент, Политехнический институт, ФГАО ВО
«Дальневосточный Федеральный университет»
E-mail: iyshbr2000@mail.ru

В статье рассматривается состав преступления, предусмотренный ст. 159.3. УК РФ, выявляются проблемы, возникающие в правоприменительной практике в связи с его квалификацией, отграничением от иных специальных составов преступлений по мошенничеству, краже, рассматриваются актуальные споры в научной литературе о необходимости существования такого состава преступления и о конкуренции норм уголовного права. Цель научной работы заключается в определении проблем квалификации и отграничения от иных сходных составов преступления, возникающих в правоприменительной практике при разрешении конкретных дел. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частно-научные методы исследования (анализ, синтез, обобщение, индукция, дедукция). Результатами исследования явились выявление проблем, возникающих при квалификации состава преступления, предусмотренного ст. 159.3. УК РФ, и при отграничении указанного специального вида мошенничества с иными видами хищения. Кроме того, результатом настоящего исследования явилось внесение авторами предложения о реформировании положений УК РФ с учетом выработанных доктриной позиций.

Ключевые слова: мошенничество с использованием электронных средств платежа, мошенничество, кража, банковский счет, банковская карта.

В настоящее время диспозиция ст. 159.3. Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022 г.) [1] (далее – УК РФ) содержит указание на совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа. Последнее свидетельствует о том, что основанием для выделения указанной статьи УК РФ послужило средство совершения преступления, а именно электронные средства платежа (платежная карта и иные).

Вместе с тем, представляется необходимым привести официальные данные Центрального Банка Российской Федерации, обосновывающие важность и актуальность настоящей научной работы и рассматриваемой статьи УК РФ. Так количество платежных карт с 2010 года по 2021 год увеличилось со 137 млн ед. до 334, 7 млн ед. [2], в связи с чем количество совершаемых мошеннических преступлений также неуклонно растет.

Хищение, осуществляемое с использованием электронных средств платежа, квалифицируется по ст. 159.3. УК РФ только при наличии признаков мошенничества, т.е. при наличии обмана или введения в заблуждение физического лица.

Однако не будет признаваться мошенничеством ситуация, при которой лицо с ранее похищенной или поддельной банковской карты снимает денежные средства, если выдача последних осуществляется с использованием банкомата без участия сотрудника банка [3, с. 106].

Как справедливо отмечают Боровых Л.В. и Корепанова Е.А., сотрудник кредитной или иной организации выступает в отношении с преступником в качестве «терминала», в связи с чем обман является лишь средством облегчения доступа к имуществу [4, с. 101].

Представляется интересным вопрос об объекте такого вида мошенничества. В соответствии с правовой позицией Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – ПП ВС РФ № 48) воздействие осуществляется на владельца имущества или иное лицо [5]. Таким образом, как потерпевший, так и иные лица могут быть адресатами обмана.

Спорным в науке уголовного права остается вопрос относительно правовой природы состава преступления, предусмотренного ст. 159.3. УК РФ, и необходимости его выделения в качестве специального состава мошенничества. Так, Южин А.А.,

отмечает, что указанное деяние следует квалифицировать в качестве кражи, а не мошенничества [6, с. 143]. Ряд правоведов, например, Боровых Л.В. и Корепанова Е.А., считают, что изъятие ст. 159.3. УК РФ из ряда иных составов мошенничества поможет разрешить существующую конкуренцию норм. Более того, такое деяние не останется неохваченным уголовным законом и лица, нарушившие запрет, также будут привлекаться к уголовной ответственности [4, с. 101].

Ранее отмечалось о споре в научной литературе, мнении правоведов, касающегося изъятия ст. 159.3. УК РФ из ряда иных специальных составов мошенничества, а также о конкуренции норм уголовного закона. Вышеуказанное, в том числе обосновывается проблемой квалификации ст. 159.3. УК РФ, выраженной в том, что квалифицирующими признаками ст. 158 и 159.6. УК РФ выступают положения об использовании банковских счетов и электронных денежных средств.

Вместе с тем, предложения по разграничению указанных составов предлагают, например, Кочои С.М., утверждая, что для квалификации именно ст. 159.3. УК РФ клиенты банка должны подписывать чеки и предъявлять паспорт при получении тех или иных услуг [3, с. 106]. Однако, как справедливо отмечает Тимошин Н.В., в настоящее время банки для совершения какой-либо операции требуют ввести лишь секретный код (пин-код) [7, с. 11].

В ранее упомянутом ПП ВС РФ № 48 дается правовая позиция относительно разграничения составов, предусмотренных ст. 158 и 159.3. УК РФ. Так, если данные в отношении банковской карты были переданы самим владельцем под воздействием обмана, то указанное необходимо квалифицировать в виде кражи.

Вместе с тем, до сих в правовой литературе остается неразрешенным вопрос о конкуренции ст. 159.3. и 159.6. УК РФ. Нередко поднимается вопрос о тех случаях, когда вводится секретных код с помощью электронного средства платежа вместе с присутствием сотрудника соответствующей организации. Ряд правоведов убеждены, что ст. 159.3. УК РФ является более специальной по отношению к ст. 159.6. УК РФ [8, с. 130]. Вместе с тем, есть точка зрения и иных правоведов о необходимости внесения изменений в ст. 159.3. УК РФ для разрешения указанной конкуренции норм.

В настоящее время отсутствует единообразная судебная практика. Так, например, в одном случае правоприменитель чрезмерно вменяет несколько статей УК РФ при (1) краже карты и снятии с нее денежных средств в банкомате, (2) оплате товаров по карте в магазине. Суд в данном случае квалифицировал указанные эпизоды отдельно по составу кражи и мошенничества по ст. 159.3. УК РФ [9]. Однако, по мнению авторов настоящей работы, умысел преступника был един и имело место длящееся преступление.

Такие недочеты в законодательных актах приходится восполнять посредством поиска оптимальных решений. В уголовно-правовой доктрине выделяют два типа мошенничества с использованием

электронных средств платежа, а точнее с использованием банковских карт:

1) преступления, совершенные с использованием неподдельных банковских карт. Так, А. обнаружила в банкомате банковскую карту, снабженную функцией «Пэй Пасс», с открытым на имя потерпевшей счётом, из корыстных побуждений, с целью незаконного обогащения, возник преступный умысел, путем обмана уполномоченных работников торговых организаций, похитить с использованием электронного средства платежа денежные средства, расплатившись ими. Данное деяние было квалифицировано судом по ст. 159.3 УК РФ [10]. Однако в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [11] (далее – ПП ВС РФ № 29) указывается, что хищение денежных средств через банкомат или с помощью похищенной банковской карты должно быть квалифицировано как кража. Однако практика показывает, что в некоторых подобных случаях суды рассматривают такие деяния как кражу [12], а в других квалифицируют – как мошенничество с использованием электронных средств платежа [13].

2) преступления, совершенные при помощи поддельных банковских карт [14, с. 10]. Изготовление поддельной банковской карты может представлять собой воссоздание аналога или подделку подлинной или просроченной карты путем изменения её реквизитов [15, с. 34].

С учётом всего изложенного выше, мы можем утверждать, что схожие между собой деяния могут быть квалифицированы по различным статьям УК РФ, среди которых и мошенничество, предусмотренное ст. 159 УК РФ, и мошенничество в сфере кредитования – 159.1 УК РФ, а также мошенничество с использованием электронных средств платежа – 159.3 УК РФ, что недопустимо.

Проведенный анализ судебной практики и научной литературы поднимает вопрос о необходимости существования ст. 159.3 УК РФ в уголовном законе в принципе. За исключение указанной статьи из уголовного законодательства выступает ряд авторов, среди которых Л.В. Боровых, А.А. Южин и другие, поскольку данная норма применяется на практике формально, так как противоречит правовой природе мошенничества.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.01.2023 г.)
2. Статистика национальной платежной системы [Электронный ресурс] // Центральный Банк Российской Федерации. URL: <http://www.cbr.ru/Content/Document/File/105953/T1.xlsx> (дата обращения: 05.01.2023 г.)
3. Кочои С.М. Новые нормы о мошенничестве в УК: особенности и отличия // Криминологи-

ческий журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4. Ст. 104–110

4. Боровых Л.В., Корепанова Е.А. Направленность обмана в составе мошенничества с использованием платежных карт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 1. Ст. 98–104
5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Пост. Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 г. № 48 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 05.01.2023 г.)
6. Южин А.А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации мошенничества с использованием платежных карт // Социально-экономические явления и процессы. 2016. № 1. Ст. 141–145
7. Тимошин Н.В. Новые нормы о мошенничестве в УК РФ: рекомендации по применению // Уголовный процесс. 2013. № 1. Ст. 10–15
8. Кириллов М.А., Степанов М.В. Платежные карты как средства совершения мошенничества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). Ст. 129–132
9. Приговор Кировского районного суда г. Кемерово от 12.11.2015 г. по делу № 1–395/15. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/WoVcW> (дата обращения: 05.01.2023 г.)
10. Приговор Великолукского городского суда Псковской области от 05.11.2020 г. по делу № 1–225/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/ZDZ79> (дата обращения: 05.01.2023 г.)
11. О судебной практике по делам от краже, грабеже и разбое: Пост. Пленума ВС РФ от 27.12.2002 г. № 29 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 05.01.2023 г.)
12. Приговор Владивостокского гарнизонного военного суда Приморского края от 19.12.2019 г. по делу № 1–95/2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/ZDaor> (дата обращения: 05.01.2023 г.)
13. Приговор Советского районного суда г. Владивостока Приморского края от 02.06.2020 г. по делу № 1–111/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/ZDaT8> (дата обращения: 05.01.2023 г.)
14. Якимович Е.Я. Способы мошенничества с использованием платежных банковских карт // Юридический консультант. 2005. № 10. Ст. 10–14
15. Нудель С. Л. К вопросу об уголовной ответственности за изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов // Банковское право. 2010. № 3. Ст. 34–38

ABOUT SOME PROBLEMS OF QUALIFICATION OF FRAUD USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT

Ivantsov S.A., Rybko M.A., Sergeev A.M., Chernyshev I.A.

Far Eastern Federal University

This article examines the corpus delicti provided for in Article 159.3. of the Criminal Code of the Russian Federation, identifies problems arising in law enforcement practice in connection with its qualification, delineation from other special crimes of fraud, theft, discusses current disputes in the scientific literature about the need for the existence of such a corpus delicti and the competition of criminal law norms. The purpose of the scientific work is to identify the problems of qualification and differentiation from other similar elements of crime that arise in law enforcement practice when resolving specific cases. The methodological basis of the study was made up of general scientific and private scientific research methods (analysis, synthesis, generalization, induction, deduction). The results of the study were the identification of problems arising in the qualification of the corpus delicti provided for in Article 159.3. of the Criminal Code of the Russian Federation, and in the delimitation of this special type of fraud with other types of theft. In addition, the result of this study was the introduction by the authors of a proposal to reform the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the positions developed by the doctrine.

Keywords: fraud using electronic means of payment, fraud, theft, bank account, bank card.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law of 13.06.1996 № 63-FZ [Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: 05.01.2023)
2. Statistics of the national payment system [Electronic resource] // Central Bank of the Russian Federation. URL: <http://www.cbr.ru/Content/Document/File/105953/T1.xlsx> (accessed: 05.01.2023)
3. Kochoi S.M. New norms on fraud in the Criminal Code: features and differences // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2013. № 4. Art. 104–110
4. Borovykh L.V., Korepanova E.A. The orientation of deception as part of fraud using payment cards // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2016. № 1. Art. 98–104
5. On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement: Resolution Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 № 48 [Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (accessed: 05.01.2023)
6. Yuzhin A.A. Criminal-legal characteristics and problems of qualification of fraud using payment cards // Socio-economic phenomena and processes. 2016. № 1. Art. 141–145
7. Timoshin N.V. New norms on fraud in the Criminal Code of the Russian Federation: recommendations for application // Criminal process. 2013. № 1. Art. 10–15
8. Kirillov M.A., Stepanov M.V. Payment cards as a means of committing fraud // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 4 (28). Art. 129–132
9. Verdict of the Kirovsky District Court of Kemerovo of 12.11.2015 in case № 1–395/15. [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/WoVcW> (accessed: 05.01.2023)
10. The verdict of the Velikiye Luki City Court of the Pskov region of 05.11.2020 in case № 1–225/2020. [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/ZDZ79> (accessed: 05.01.2023)
11. On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery: Resolution Plenum of the Supreme court of the Russian Federation of 27.12.2002 № 29 [Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (accessed: 05.01.2023)
12. The verdict of the Vladivostok Garrison Military Court of Primorsky Krai of 19.12.2019 in case № 1–95/2019. [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/ZDaor> (accessed: 05.01.2023)
13. The verdict of the Soviet District Court of Vladivostok, Primorsky Krai of 02.06.2020 in case № 1–111/2020. [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/ZDaT8> (accessed: 05.01.2023)
14. Yakimovich E.Y. Methods of fraud using payment bank cards // Legal consultant. 2005. № 10. Art. 10–14
15. Nudel S.L. On the issue of criminal liability for the manufacture or sale of counterfeit credit or settlement cards and other payment documents // Banking law. 2010. № 3. Art. 34–38

Нарушения правовой конструкции уголовного закона при внесении изменений и дополнений: на примере экологических преступлений

Квитко Антон Владимирович

аспирант кафедры уголовного права и криминологии;
уголовно-исполнительное право Югорского государственного
университета
E-mail: Kvitko2007@yandex.ru

В публикации автором излагается проблематика нарушения структурности Уголовного кодекса РФ. По мере формирования новых составов преступных деяний и внесении их в УК РФ, законодателем не всегда учитываются основные положения уголовного права. Так, при отнесении норм в раздел (главу) Особенной части допускаются случаи несоблюдения правовой конструкции состава преступления и ее составных элементов. Нарушение правовой структурности уголовного закона частично искажает государственную статистику, применительно к категории преступности. Автору предстоит раскрыть и аргументировать вынесенную проблематику, на примере экологических преступлений, которые по мнению автора ошибочно включены в Главу 26 УК РФ. В рассмотренных автором уголовно-правовых нормах родовым объектом преступления выступают общественные отношения в области экономической безопасности государства.

Ключевые слова: законодатель, структура, уголовный закон, объект, посягательство, приобретение, незаконный оборот, экологическая безопасность.

Уголовный Кодекс РФ действующий более четверти века, за время своего действия претерпел большое количество изменений и дополнений, что вполне оправдано в современном, динамическом развитии общества и государства. Многие авторы отмечают, что несмотря на систематическое правовое совершенствование уголовного законодательства, в УК РФ существует множество пробелов. Реагирование законодателя на новые формы преступных деяний, а также объекты и предметы посягательств, влекут точечные изменения в УК РФ. Следует отметить, что законодатель не всегда уделяет должного внимания структурному расположению уголовных норм в особенной части УК РФ.

Профессором А.В. Наумовым отмечена необычная динамика изменений уголовного законодательства не встречающуюся в других странах, влекущая утрату системности. Продолжает вызывать претензии расположение новых норм в структуре УК РФ, поскольку оно еще более усугубляет и так уже нарушенную системную стройность действующего уголовного закона. В свою очередь, при принятии УК РФ в 1996 году четко прослеживалась логическая правовая последовательность уголовно-правовых норм [2, с. 7].

Указанную проблематику автор предлагает рассмотреть при формировании законодателем Главы 26 УК РФ «Экологические преступления».

Применительно к экологическим преступлениям Ю.В. Попов отметил, что содержащиеся в Главе 26 УК РФ, уголовно-правовые нормы посвящены принципиальным проблемам экологической безопасности. Также в своей работе автор отмечает, что преступление против безопасности человечества экоцид – особо тяжкое экологическое преступление – массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу. Оно предусмотрено ст. 358 УК и включено в главу 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» [3, с. 214].

В свою очередь ст.ст. 250, 251, 254 УК РФ предусматривают загрязнение атмосферы, воды, земли. Фактически общественно-опасные последствия указанных статей наступают схожие со ст. 358 УК РФ.

В контексте представленных рассуждений автора, объекты посягательства должны быть четко проработаны и структурно законодателем сформированы, независимо от усмотрения толкователя.

Глава 26 УК РФ называется «Экологические преступления», соответственно подсистема уго-

ловных норм и их конструкция в целом должна соответствовать объектам посягательства, влияющих на экологическую безопасность государства. То есть обеспечивать благоприятную окружающую природную среду, защиту экосистем, биоресурсов и отдельных природных компонентов.

Формирование государственной статистики по той или иной категории преступности осуществляется, как правило, в разрезе глав Уголовного кодекса РФ. К таковым относятся преступления в сфере экологической безопасности, против собственности, в сфере экономической деятельности и т.д. Соответственно правоохранительными органами, наукой, анализируется и моделируется динамика изменения показателей исследуемой категории преступности, в целях выявления причин и условий совершения деяний, а также выработке предложений по предупреждению их совершения. В свою очередь искажение уголовной статистики нивелирует криминологическую роль органов профилактики и целесообразность математического моделирования преступности [6, с. 14].

Особенным и очевидным фактом является смежность общественно-опасных последствий при совершении деяний в области природопользования, для экологической и экономической безопасности страны. Так В.А. Косых подчеркивает, что в результате совершения незаконной рубки ущерб причиняется не только экологической безопасности, но и экономике страны, поскольку в результате уничтожения/повреждения лесных насаждений у государства возникает необходимость осуществлять существенные затраты на лесовосстановление лесов. В свою очередь сбыт заведомо незаконно заготовленной им древесины, причиняет материальный вред экономике, поскольку федеральная собственность реализуется на теневом рынке [4, с. 114].

В этой связи погружаясь в проблематику нарушения структурности Уголовного кодекса РФ полагаем, что товароборот незаконного изъятого предмета экологического преступления из источников естественного его обитания, независимо от способов его реализации относится экономическим общественным отношениям.

В ныне действующем уголовном законодательстве описание общественно опасных действий и последствий экологических преступлений характеризуются крайне разнообразно. Поэтому при конструировании норм главы 26 УК РФ следует четко разделять правовую и экологическую составляющую состава [5, с. 43].

С учетом изложенного, считаем целесообразным ч.ч.1.1., 2.1., 3.1. ст. 258.1 УК РФ отнести в главу 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», так как указанные составы не содержат действий направленных на посягательство уголовно-защищаемых природных ресурсов и компонентов, содержащихся в главе 26 УК РФ. Общественно-опасные действия указанных составов выражены в приобретении или продаже особо ценных диких животных и водных

биологических ресурсов, занесенным в Красную книгу РФ их частей и дериватов (производных) с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей [1, с. 2954]. В контексте законодательного замысла они по аналогии соответствуют составам экономических преступлений (Глава 22 УК РФ), содержащихся в ст. 191.1. УК РФ, выраженных в незаконном обороте нефрита, янтаря, жемчуга, сбыте заведомо незаконной заготовленной древесины, а также п. б) ч. 2 ст. 175 УК РФ, в приобретении или сбыте нефти и продуктов ее переработки.

Дальнейшее формирование уголовного законодательства в таком правовом порядке, в определенном смысле, может нарушить или изменить важность влияния общественно-опасных последствий при квалификации деяния правоохранительными органами дознания и органами судебной власти.

Можно сделать вывод, что актуализация и правовая трансформация уголовного законодательства крайне необходима. При этом, законодателю важно соблюдать конструктивные системные основы содержания УК РФ при внесении в него изменений и дополнений.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ /СЗ РФ.17.06.1996.N25. С. 2954
2. Наумов А.В. Уголовный кодекс РФ «образца» 2016 г.: «Хотели как лучше, а получилось как всегда»; «Кто виноват» и «Что делать?» // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: итоги, проблемы, перспективы: материалы всерос. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. Ч. 1. Рязань: Концепция, 2016. С. 6–13.
3. Попов Ю. В. К вопросу о доктринальном описании и законодательном закреплении понятия «экологическое преступление» в контексте обеспечения экологической безопасности / Ю.В. Попов // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – № 6(22). – С. 213–215.
4. Косых В.А. К вопросу о применении ст. 191.1 УК РФ «Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины» (уголовно-правовой аспект)/В.А. Косых//Юридическая наука. – 2020. – № . 1– С. 111–115.
5. Пушкарев В.Г. Совершенствование структуры составов экологических преступлений / В.Г. Пушкарев // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2010. – № 1(11). – С. 40–45.
6. Шиханов В.Н. Достоверность уголовной статистики в системе контроля преступности/ В.Н. Шиханов //Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – 2006 – С. 33.

VIOLATIONS OF THE LEGAL STRUCTURE OF THE CRIMINAL LAW WHEN MAKING CHANGES AND ADDITIONS: ON THE EXAMPLE OF ENVIRONMENTAL CRIMES

Kvitko A.V.

Yugra State University

In the publication, the author sets out the problem of violation of the structural nature of the Criminal Code of the Russian Federation. With the formation of new elements of criminal acts and their introduction into the Criminal Code of the Russian Federation, the legislator does not always take into account the main provisions of criminal law. Thus, when attributing norms to a section (chapter) of the Special Part, cases of non-compliance with the legal structure of the corpus delicti and its constituent elements are allowed. Violation of the legal structure of the criminal law partially distorts state statistics in relation to the category of crime. The author will have to reveal and argue the issues raised, using the example of environmental crimes, which, according to the author, are erroneously included in Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the criminal law norms considered by the author, the generic object of the crime is public relations in the field of economic security of the state.

Keywords: legislator, structure, criminal law, object, encroachment, acquisition, illegal turnover, environmental safety.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N63-FZ / SZ RF.17.06.1996.N25. S. 2954
2. Naumov A.V. The Criminal Code of the Russian Federation of the "sample" of 2016: "We wanted the best, but it turned out as always"; "Who is to blame and what to do?" // 20 years of the Criminal Code of the Russian Federation: results, problems, prospects: materials of the All-Russian. scientific-practical. Conf.: in 2 parts. Part 1. Ryazan: Concept, 2016. P. 6–13.
3. Popov Yu.V. To the question of the doctrinal description and legislative consolidation of the concept of "environmental crime" in the context of ensuring environmental safety / Yu.V. Popov // Socio-economic phenomena and processes. – 2010. – No. 6(22). – S. 213–215.
4. Kosykh V.A. Regarding the application of Art. 191.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "Acquisition, storage, transportation, processing for the purpose of marketing or marketing of obviously illegally harvested wood" (criminal legal aspect) / V.A. Kosykh//Jurisprudence. – 2020. – no. 1– P. 111–115.
5. Pushkarev VG Improving the structure of environmental crimes / VG Pushkarev // Legal science and law enforcement practice. – 2010. – No. 1 (11). – P. 40–45.
6. Shikhanov V.N. Reliability of criminal statistics in the crime control system / V.N. Shikhanov // Abstract for the degree of candidate of legal sciences. – 2006 – P. 33.

Квалификация мошенничества при неочевидности умысла

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ – «Мошенничество», при совершении которых умысел виновного на совершение хищения чужого имущества путём обмана или злоупотребления доверием неочевиден и похож на обычные гражданско-правовые отношения, возникающие при неисполнении кредитного договора. Автор исследует понятие мошенничества и обстоятельства, отличающие его от гражданско-правовых отношений. Кроме того, в данной статье автор приводит совокупность необходимых условий, при которых имеет место состав мошенничества, таких как наличие умысла на совершение соответствующего преступления, поведение виновного после совершения преступления, характер распоряжения им полученным имуществом. В статье подробно приводятся те подлежащие доказыванию обстоятельства, свидетельствуют о наличии умысла на совершение мошенничества. В своей работе автор приводит и анализирует два вступивших в законную силу приговора суда по подобным преступлениям – обвинительный и оправдательный, мотивируя законность и обоснованность каждого из них.

Ключевые слова: квалификация преступлений, уголовная ответственность, мошенничество, хищение, умысел на совершение преступления, совокупность обстоятельств, доказывание, обвинительный приговор, оправдательный приговор.

Как следует из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество при мошенничестве, ответственность за которое наступает в соответствии со статьями 158.1, 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5 УК РФ, являются обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом. [1, С. 437]

В судебной практике достаточно часто встречаются ситуации, когда мошенничество не очевидно и внешне выглядит как обычные гражданско-правовые отношения. Как правило, это ситуации, при которых лицо берет в долг достаточно большую денежную сумму и затем не отдает ее в установленные сроки. При этом чаще всего лицо, взявшее денежные средства, не оспаривает сам факт получения в долг определенной суммы, указывая при этом, что не смогло вернуть долг по независящим от него обстоятельствам. В качестве таких обстоятельств называются текущие проблемы с финансово – хозяйственной деятельностью, вызванные непредвиденными причинами, форс-мажорные ситуации либо болезнь самого получателя кредита или кого-либо из его близких.

И в ходе предварительного расследования и в ходе судебного разбирательства, более того, даже до возбуждения уголовного дела такой подсудимый не отказывается от своего долга, признаёт его и настаивает, что готов вернуть этот долг, как только дела в его бизнесе пойдут лучше. Зачастую подсудимый в судебном заседании даже выплачивает незначительную часть своего долга.

В такой ситуации следственный или судебный орган может оказаться в достаточно затруднительном положении. Определить наличие или отсутствие состава преступления здесь можно лишь установив наличие или отсутствие совокупности обязательных для мошенничества признаков.

К этим признаком относится, в первую очередь, наличие умысла на хищение чужого имущества путём обмана или злоупотребления доверием. С очевидностью должно быть установлено, что виновный, изначально беря в долг денежную сумму, не собирался её отдавать, а намеревался похитить. О намерении похитить взятую в долг сумму свидетельствуют, например, фактическое отсутствие той финансово – хозяйственной деятельности, на которую виновный брал деньги, или же частичное её прекращение, нежелание заниматься

бизнесом, ликвидация соответствующего юридического лица, направление всех или части денежных средств на иные нужды.

Следующий признак, свидетельствующий о хищении чужих денежных средств путём обмана или злоупотреблении доверием, – нежелание виновного встретиться со своим кредитором. Зачастую виновный перестаёт отвечать на телефонные звонки, всячески избегает встреч, не проживает по своему постоянному месту жительства, уезжает куда-либо, перестаёт появляться в социальных сетях. Установление подобных обстоятельств является очень существенным доказательством виновности лица в совершении мошенничества.

Кроме того, достаточно часто встречаются случаи, когда виновный предпринимает действия, направленные на сокрытие полученных сумм: например, переводит их на подставные организации, используя целую цепочку таких переводов или же переводит деньги за границу.

Примером описанного способа мошенничества является приговор Арзамасского городского суда Нижегородской области от 27.02.2020 г., согласно которому М.В. совершила мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана в крупном размере. [2]

Как установлено судом, М.В. зарегистрировалась в качестве индивидуального предпринимателя без образования юридического лица в Администрации Арзамасского района Нижегородской области. Основным видом экономической деятельности ИП М.В. являлась розничная торговля мясом животных и птицы, включая субпродукты в специализированных магазинах.

В ходе осуществления своей предпринимательской деятельности М. В., неоднократно получала кредиты в кредитных учреждениях на территории Нижегородской области. В связи с несоответствием доходов от предпринимательской деятельности своим финансовым обязательствам М. В. имела кредиторскую задолженность на сумму не менее 1 000 000 рублей, в том числе перед Акционерным обществом Коммерческий банк «***» по ряду кредитных договоров.

М.В. разработала преступную схему, согласно которой стала подыскивать лиц, располагающих денежными средствами, намеренно вводила их в заблуждение относительно того, что собирается расширять и развивать свой бизнес, в том числе открыть мясоперерабатывающий комплекс, а за пользование денежными средствами будет выплачивать процент в денежном эквиваленте от суммы займа, что не соответствовало действительности, при этом, не имея истинных намерений выполнять взятые на себя обязательства.

Так, М. В. обратилась к ранее незнакомому С., с которым её познакомил сын – М., не посвященный в её преступные планы, с просьбой предоставить ей в заем денежные средства в размере 300 000 рублей под проценты, под предлогом использования данных денежных средств на расширение и развитие своего бизнеса, в том числе

на открытие мясоперерабатывающего комплекса, что не соответствовало действительности. С., доверяя М. В., заблуждаясь относительно её преступных намерений, поверив последней, согласился передать в долг принадлежащие ему денежные средства в размере 300 000 рублей.

Таким образом, М.В., путем обмана С. завладела денежными средствами в размере 300 000 рублей, не имея намерения их возврата, похитила их и использовала в личных интересах, чем причинила С. материальный ущерб в крупном размере.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что в этот период времени, М.В. фактически не осуществляла предпринимательскую деятельность, в остальные периоды времени данная деятельность, согласно налоговым декларациям, приносила незначительные доходы. По месту своей регистрации М.В. в это время не проживала. Сама М.В., пояснила в судебном заседании, что в данный период фактически перестала заниматься предпринимательской деятельностью, которая носила эпизодический характер и была связана исключительно с покрытием расходов, необходимых на проживание семьи.

М.В. в суде пояснила, что до настоящего времени большую часть денег она не вернула, однако платила проценты по 10 000 рублей в месяц более одного года, точный срок сказать не может. Таким образом, она выплатила С. более 120 000 рублей. С. неоднократно приезжал к ней домой с целью возврата денежных средств. Она его просила подождать с возвратом денег, говорила, что отдаст деньги, как только откроет бизнес. Расписки С. она писала неоднократно, в том числе и на суммы 300 000 рублей и 250 000 рублей, не отрицает, что брала данную сумму в долг.

Приговором суда М.В. была осуждена к наказанию в виде 11 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Данный приговор достаточно типичен для мошенничеств подобного рода. Виновная здесь, с одной стороны, не отрицает, что брала деньги в долг, признаёт сумму долга и готова его отдавать. В то же время, самостоятельно она долг отдавать не торопится, обещая уплатить как только возобновит бизнес. В указанный период времени она не занималась той деятельностью, на которую брала деньги, потратила их на иные нужды, не проживала по месту жительства, пытаясь скрыться от кредиторов.

Совокупность данных обстоятельств свидетельствует о виновности подсудимой в совершении мошенничества.

В то же время возможны ситуации, когда сходные с мошенничеством действия в действительности не содержат состава преступления и являются гражданско-правовыми отношениями.

Например, приговором Черемушкинского районного суда г. Москвы от 14.10.2019 г. по уголовному делу по обвинению Л. А. в совершении престу-

пления, предусмотренного ст. 159 ч. 4 УК РФ, был вынесен оправдательный приговор. [3]

Согласно материалам уголовного дела О.С. в период с ноября 2010 г. по декабрь 2011 г. предоставил А. Л. несколько займов на общую сумму более 1,5 млн долларов США. А.Л. обязался вернуть долг до 24 декабря 2012 г. Поручителем выступил дядя заемщика.

Когда срок исполнения обязательства наступил, А. Л. попросил отсрочку, указав, что сможет отдать долг после реализации нескольких своих проектов. О. С. согласился, однако в установленный срок А.Л. вновь не отдал ему долг. В связи с этим О.С. в 2014 г. обратился в суд с иском о взыскании долга. В октябре 2015 г. Кузьминский районный суд г. Москвы удовлетворил требования в полном объеме. После этого О.С. дополнительно подал исковое заявление о взыскании с контрагента процентов за пользование чужими денежными средствами. Это заявление было также удовлетворено в мае 2016 г. Во исполнение указанных актов А.Л. из взятой в долг суммы вернул около 460 тыс. руб.

Затем в июне 2016 г. О. С. обратился в правоохранительные органы с заявлением о том, что указанные денежные средства были похищены у него А. Л., прося привлечь его к уголовной ответственности по ст. 159 ч. 4 УК РФ. 15 мая 2019 г. прокурор утвердил обвинительное заключение, в соответствии с которым А.Л. инкриминировалось совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса.

По мнению органа следствия, А. Л. совершил мошенничество в особо крупном размере, то есть путем злоупотребления доверием похитил у О. С. более 1,5 млн долларов США, при этом заключение договора займа и написание расписки о получении денег имели место с целью придания преступным действиям законного вида. Государственный обвинитель настаивал на том, что, несмотря на наличие гражданско-правовых обязательств и финансовой возможности, подсудимый долг не отдал. Кроме того, по мнению органа следствия, в целях сокрытия имущества, на которое могло быть обращено взыскание, в 2015 г. А.Л. значительную часть своего имущества подарил матери.

По результатам рассмотрения дела судом был сделан вывод о том, что между потерпевшим и подсудимым имели место гражданско-правовые отношения, а именно договора займа. Потерпевший длительное время не обращался с заявлением о хищении, реализуя свое право на защиту в порядке гражданского судопроизводства.

Суду не было представлено достаточных доказательств, свидетельствующих о том, что А.Л. заведомо намеревался похитить указанную сумму денег путём злоупотребления доверием.

При принятии решения судом существенное значение имело то обстоятельство, что деньги потерпевшим были даны под проценты, то есть потерпевший получал доход от указанной данной в долг А.Л. суммы.

При исследовании материалов дела было установлено, что заемные денежные средства А.Л. вносил на счет своей компании, которая в указанный период вела активную финансово-хозяйственную деятельность.

В связи с изложенным, районным судом в отношении А. Л. был вынесен оправдательный приговор. Указанный приговор вступил в законную силу.

Здесь имеет место противоположная ситуация: А.Л. заёмные деньги были сразу вложены в деятельность организации, которая активно велась всё время, при этом потерпевший, получая доход от вложенных денег, в течение нескольких лет не обращался с заявлением в правоохранительные органы, заёмщик не скрывался от кредитора сам и не скрывал переданное ему в долг имущество, часть полученных денежных средств выплатил ещё до возбуждения уголовного дела.

Поэтому в данном случае, поскольку признаков хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием не установлено, то состав преступления отсутствует.

Таким образом, установление наличия или отсутствия состава мошенничества в условиях неочевидности умысла на совершение преступления требует установления совокупности определенных факторов и обстоятельств. При этом в случае, если этих обстоятельств и факторов по делу не имелось или же не представилось возможным установить, то по уголовному делу возможно вынесение оправдательного приговора за отсутствием в действиях подсудимого состава преступления.

Литература

1. Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. Вопросы применения уголовного законодательства. Издание четвертое. Составитель Хлебушкин А.Г. Москва: Проспект, 2021. – 512 с. С. 437.
2. Приговор Арзамасского городского суда Нижегородской области по уголовному делу № 1–347/2018 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3Qw9CxLfZedf/> (дата обращения 20.01.2023 г.)
3. Приговор Черемушкинского районного суда г. Москвы по уголовному делу № 01–0358/2019 от 14.10.2019 г. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/cheryomushkinskij/services/cases/criminal/details/512be5aa-bb9c-4801-8f71-b0d-2fa608e0f?respondent=Лившиц> (дата обращения 20.01.2023 г.)

QUALIFICATION OF FRAUD WITH NON-OBVIOUS INTENT

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article deals with the issues of qualification of crimes provided for in Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation – “Fraud”, in which the intent of the perpetrator to commit theft of someone else’s property by deception or abuse of trust is not obvious and is similar to ordinary civil law relations arising from non-

fulfillment of a loan agreement. The author explores the concept of fraud and the circumstances that distinguish it from civil law relations. In addition, in this article, the author provides a set of necessary conditions under which fraud takes place, such as the presence of intent to commit the relevant crime, the behavior of the perpetrator after the commission of the crime, the nature of the disposition of the property received by him. The article details the circumstances to be proved, which indicate the presence of intent to commit fraud. In his work, the author cites and analyzes two court verdicts that have entered into force for such crimes – an indictment and an acquittal, motivating the legality and validity of each of them.

Keywords: Qualification of crimes, criminal liability, fraud, embezzlement, intent to commit a crime, set of circumstances, proof, conviction, acquittal.

References

1. Collection of Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases. Issues of application of criminal legislation. Fourth edition. Compiled by Khlebushkin A.G. Moscow: Prospect, 2021. – 512 S. S. 437.
2. Verdict of the Arzamas City Court of the Nizhny Novgorod region in criminal case No. 1–347/2018 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3Qw9CxLfZedf> //(accessed 20.01.2023)
3. The verdict of the Cheryomushkinsky District Court of Moscow in criminal case No. 01–0358/ 2019 dated 14.10.2019 URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/cheryomushkinskij/services/cases/criminal/details/512be5aa-bb9c-4801-8f71-b0d2fa608e0f?-respondent=Лившиц>

Ситуационный подход в расследовании невыплаты заработной платы

Лада Анна Александровна,

аспирант Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, подполковник юстиции; старший эксперт экспертного отдела (с дислокацией в городе Симферополь) Южного филиала (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону) федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации»
E-mail: anna_lada@inbox.ru

В статье освещены взгляды ученых на понятие и сущность следственных ситуаций. Анализ научной литературы и судебной следственной практики позволил выделить наиболее типичные следственные ситуации, характерные для исследуемого вида преступлений. С позиций ситуационного подхода проанализированы следственные ситуации, наступающие при расследовании невыплаты заработной платы. Автор отмечает, что классификация следственных ситуаций, наступающих при расследовании данного вида преступлений возможна по различным основаниям. В целях оптимизации деятельности по расследованию невыплаты заработной платы были разработаны модели действий в случае наступления конфликтных ситуаций с целью их трансформирования в бесконфликтные и благоприятные. Проведенное исследование показало, что использование следователем ситуационного подхода при расследовании невыплаты заработной платы позволяет своевременно спрогнозировать возникновение неблагоприятных ситуаций и способы их разрешения в целях результативного расследования.

Ключевые слова: криминалистика, ситуационный подход, следственная ситуация, следственные действия, невыплата заработной платы.

Следственная ситуация в контексте системного подхода представляет собой открытую, структурно организованную, динамическую систему, поскольку уголовное судопроизводство всегда протекает в конкретных обстоятельствах, месте, времени, в условиях взаимного влияния деятельности участников процесса расследования.

Изучению криминалистической категории «следственная ситуация» посвящены труды многих выдающихся ученых-криминалистов, среди которых можно выделить Р.С. Белкина, А.Н. Васильева, Т.С. Волчецкую, В.К. Гавло, И.Ф. Герасимова, А.Я. Драпкина, В.Д. Зеленского, А.Н. Колесниченко и многих других ученых [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9].

Понятие «следственная ситуация» в научно-практический оборот введено А.Н. Колесниченко, который определял ее как конкретное положение расследования преступлений, характеризуемое наличием доказательств и других информационных материалов [9, с. 10].

Как отмечает Л.Я. Драпкин, следственная ситуация является динамической информационной системой, отражающей значимые признаки и свойства обстоятельств в условиях которых протекает процесс расследования преступлений [7, с. 346].

И.Ф. Герасимов рассматривает следственную ситуацию как совокупность характеризующих расследование материальных, информационных и иных факторов и результатов их оценки [6, с. 171].

Р.С. Белкин отмечает, что следственная ситуация по отношению к расследованию несет внешний характер и представляет собой обстановку в условии которой протекает процесс расследования [1, с. 135].

Наиболее полное и точное определение следственной ситуации, характеризующее сущность этого криминалистического понятия, разработано Т.С. Волчецкой, которая определяет следственную ситуацию как степень информационной осведомленности следователя о преступлении, а также состояние процесса расследования в конкретный момент времени, анализ и оценка которого позволяют следователю принять наиболее целесообразные по делу решения [4, с. 94].

Использование ситуационного подхода для типизации следственных ситуаций, возникающих при расследовании невыплаты заработной платы, позволяет осуществить выбор методики расследования и составить оптимальный план действий, направленных на достижение намеченной цели. Поскольку в процессе расследования присутствует различное сочетание факторов, определяющих следственную ситуацию, выбор алгоритма

действий должен более всего соответствовать сложившейся ситуации.

Как справедливо отмечал Р.С. Белкин: «...типизация ситуаций по всем составляющим их компонентам практически невозможна, поскольку она должна будет насчитывать колоссальное число вариантов. Следовательно, речь должна идти о типизации по какому-либо одному, реже двум компонентам» [1, с. 138–139].

Классификация следственных ситуаций, возникающих при расследовании невыплаты заработной платы, возможна по различным основаниям:

- 1) в зависимости от наличия возможностей достижения целей расследования на благоприятные и неблагоприятные;
- 2) по соотношению интересов участников на конфликтные и бесконфликтные [10, с. 372];
- 3) по степени сложности следственных ситуаций на простые, сложные [11, с. 36–50];
- 4) по достаточности и полноте исходной информации о совершенном преступлении, можно условно разделить на ситуации, которые нуждаются в дополнительной проверке и ситуации, которые в дополнительную проверку не требуют;
- 5) в зависимости от характера и объема исходной информации о событии преступления и личности преступника на очевидные и неочевидные [12, с. 8].

Указанные виды ситуаций, в свою очередь, можно типизировать в зависимости от организационно-правовой формы хозяйствующего субъекта и частоты смены руководства; в зависимости от периода образования задолженности; в зависимости от количества работающих; в зависимости от качества организации и формы ведения бухгалтерского и кадрового учета и другие.

Проведенный анализ материалов более 200 уголовных дел по невыплате заработной платы (ст. 145.1 УК РФ) позволил выделить ряд типичных ситуаций, с которыми может столкнуться следователь при расследовании уголовных дел данного вида.

Как свидетельствует анализ судебной практики, большинство ситуаций, возникающих на первоначальном этапе расследования невыплаты заработной платы, можно отнести к благоприятным, поскольку известно максимальное количество факторов, формирующих следственную ситуацию (время и место образования задолженности, лицо, за время пребывания которого в соответствующей должности образовалась задолженность по выплате заработной платы, место его нахождения, сумма и период образования задолженности, сведения о потерпевших и место их нахождения). При наличии такого объема информации следователю достаточно просто организовать и спланировать расследование, определить алгоритм действий. В этой ситуации задача следователя состоит в том, чтобы оптимально реализовать имеющиеся возможности, правильно использовать имеющуюся в деле информацию и грамотно зафиксировать доказательства.

Реже встречаются ситуации, при которых известно время и место образования задолженности, однако неизвестно, когда приступил к исполнению своих обязанностей руководитель хозяйствующего субъекта, индивидуальный предприниматель или место его нахождения, неизвестно какому количеству работников не выплачивалась заработная плата или их местонахождение. Отсутствие этих сведений значительно усложняет расследование и эти ситуации являются неблагоприятными, так как известно минимальное количество (один, два) формирующих их факторов.

Такое деление следственных ситуаций на благоприятные и неблагоприятные является наиболее общим, поскольку благоприятная ситуация может осложняться некоторыми факторами.

В связи с этим справедливо высказанное в криминалистической литературе мнение о необходимости детализации общего критерия классификации следственных ситуаций в зависимости от наличия благоприятного или неблагоприятного состояния и обстановки расследования. В соответствии с ним по степени сложности следственные ситуации целесообразно делить на простые и сложные.

Указанное деление следственных ситуаций позволит учесть особенности, отдельные детали обстановки и состояния в определенный период расследования, что в свою очередь, позволит следователю более эффективно определять конкретные методы решения тех или иных следственных задач, возникающих на первоначальном этапе расследования невыплаты заработной платы.

Так, в качестве примера сложившейся сложной ситуации можно привести уголовное дело по обвинению генерального директора ООО ИСК «Строй-капитал» Б. Ситуация осложнилась следующими обстоятельствами: в организации имелась большая задолженность по налогам, сборам, страховым взносам в Пенсионный фонд РФ и расчетные счета были заблокированы. В связи с этим, возможности выплатить задолженность по оплате труда безналичным путем на карточку работника после его увольнения у руководителя Б. не имелось. Руководителем предпринимались попытки в течение двух месяцев известить уволившегося работника через отдел кадров о необходимости явиться в бухгалтерию для получения причитающихся сумм, однако он по не зависящим от руководителя Б. обстоятельствам не пришел. При этом причитающиеся суммы были отражены в бухгалтерском учете по счету учета расчетов с персоналом по оплате труда и числились в задолженности, однако не были учтены как неполученные в срок (депонированные). Мировой судья пришел к выводу о невиновности обвиняемого и оправдал на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ – в связи с отсутствием в его действиях состава преступления [13].

Указанные обстоятельства относительно установления данных об отсутствии возможности выплатить задолженность по оплате труда уволившемуся работнику усложнило расследование, поскольку у следователя возникли по крайней мере

две модели ситуации, для решения которых необходимо было доказать факт совершения невыплаты заработной платы.

Также примером сложной ситуации, встречающейся менее часто, является ситуация, когда основная задолженность формируется в период работы другого руководителя, а новый руководитель погашает ранее образовавшуюся задолженность. Так, в апелляционном постановлении Ивановского областного суда отмечено, что в оправдательном приговоре судом верно установлены следующие обстоятельства. Л. с момента начала руководства погашалась задолженность по заработной плате, возникшая еще до начала осуществления им своих должностных обязанностей в качестве генерального директора. На момент окончания полномочий Л. существенно снизился рост размера задолженности по заработной плате. С учетом крайне неблагоприятного положения общества, находящегося в процедуре наблюдения, при котором Л., как руководитель, не мог самостоятельно принимать решение о прекращении деятельности предприятия, направление денежных средств, указанных в обвинении, на цели, не связанные с выплатой заработной платы и иных обязательных платежей, большая часть из которых была направлена за электроэнергию, газ и иные коммунальные платежи, обусловлена необходимостью поддержания текущей деятельности предприятия [14].

Как видно из описанной ситуации, ее сложность обусловлена тем, что существующая информационная неопределенность требует построения нескольких ее вероятностных моделей и для разрешения указанной ситуации необходимо проведение большого количества различных следственных действий.

Необходимо отметить, что специфической особенностью преступлений, связанных с невыплатой заработной платы, как свидетельствуют результаты анализа уголовных дел, является тот факт, что лицо, совершившее его, как правило, известно всегда или установление его личности не составляет труда. Также практически всегда известно в какой организации, ином хозяйствующем субъекте возникла задолженность по оплате труда. Поэтому данный вид преступления, как правило, относится к очевидным. В связи с этим, на первоначальном этапе расследования этого преступления отсутствует необходимость в проведении следственных или оперативно-розыскных мероприятий, специально направленных на установление лица, совершившего преступление рассматриваемого вида.

Материалы следственной и судебной практики расследования исследуемого вида преступлений, свидетельствуют о том, что в большинстве случаев, расследование осуществляется в бесконфликтной ситуации и руководитель хозяйствующего субъекта (индивидуальный предприниматель) признает свою вину полностью или частично, способствует расследованию преступления и пытается безотлагательно погасить существующую задолженность по выплате заработной платы.

Конфликтный характер следственных ситуаций обусловлен противодействием как со стороны подозреваемого, так и других лиц – учредителей организации, членов семьи подозреваемого, в том числе работающих в той же организации. Возникновение конфликтной ситуации проявляется условиях открытого противодействия. Для указанных ситуаций свойственны непризнание руководителем хозяйствующего субъекта (индивидуальным предпринимателем) своей вины, отрицание подозреваемым имеющихся в деле доказательств, отказ от участия в проведении следственных и других процессуальных действий, активное участие в деле адвоката, представление заявлений, необоснованных ходатайств, неоднократное изменение им показаний, несогласие с результатами проведенных по делу экспертиз.

Задачей следователя в такой ситуации является прежде всего применение всех имеющихся средств, способов преодоления противодействия для трансформации ситуации в благоприятную и бесконфликтную. Моделью действий в случае наступления конфликтных ситуаций является безотлагательный осмотр и выемка документов, поскольку документы при расследовании этого вида преступления являются главным источником доказательств по делу (если до этого момента они не были изъяты); безотлагательное назначение ревизий и экспертиз; изучение и оценка полученных в результате проведенных действий протоколов, выводов и актов с последующим планированием действий и мероприятий. Особое внимание следует уделить фиксации показаний участников, тщательному изучению документов, изъятым у хозяйствующего субъекта, оценке особенностей личности лица, не выплачивающего заработную плату, поведенческим особенностям свидетелей. В ситуации несогласия подозреваемого с заключением эксперта, эффективным тактическим приемом, который позволит снять возражения относительно проведенной по делу экспертизы, является допрос эксперта, проводившего экспертизу.

Таким образом, индивидуальные особенности каждого уголовного дела обуславливают возникновение определенных следственных ситуаций. Характер следственной ситуации, складывающейся при расследовании невыплаты заработной платы оказывает влияние на содержание и характер процесса организации расследования. В связи с этим следователь должен своевременно распознать наступление конфликтной ситуации при расследовании невыплаты заработной платы, что позволит правильно спрогнозировать пути их разрешения в целях результативного расследования и установления объективной истины по уголовному делу.

Литература

1. Белкин, Р.С. Курс криминалистики.Т.1. – М.: Изд-во Юристъ, 1997. – 408 с.

2. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 2. – М.: Изд-во Юристъ, 1997. – 464 с.
3. Васильев, А.Н. Предмет, система и теоретические основы криминалистики / А.Н. Васильев, Н.П. Яблоков. – М., 1985. – 144 с.
4. Волчещкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография. – М. – Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1997. – 248 с.
5. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. – 333с.
6. Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. – Свердловск, 1975. – 184 с.
7. Драпкин Л.Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций: дис. . д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1987. – 440 с.
8. Зеленский В.Д. Следственная ситуация и организация отдельного расследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2014. № 9. – С. 89–93.
9. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Харьков, 1977. – 28с.
10. Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волинского, В.П. Лаврова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – 943 с.
11. Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Теория следственных ситуаций // Криминалистика: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011. – 768 с.
12. Лавров В.П. Исходные следственные ситуации как объект кафедрального научного исследования / Исходные следственные ситуации и криминалистические методы их разрешения: сб. науч. трудов / В.П. Лавров. – М.: ВЮЗШ МВД РФ, 1991. – 152 с.
13. Решение мирового судьи судебного участка № 3 Ленинского района г. Владимира № 1–19/2018 от 27 сентября 2018 года. Сайт len3.wld.msudrf.ru URL: http://len3.wld.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1530135&delo_id=1540006 (дата обращения: 29.12.2022).
14. Апелляционное постановление № 22–2055/2019 от 20 ноября 2019 г. по делу № 1–133/2019 Ивановского областного суда. Сайт sudact.ru URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dRoWuSYQcrHo/?ysclid=I803lydrwm126937952#top> (дата обращения: 29.12.2022).

SITUATIONAL APPROACH IN THE INVESTIGATION OF NON-PAYMENT OF WAGES

Lada A.A.

Southern Branch (based in the city of Rostov-on-Don) of the Federal State Institution "Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation"

The article highlights the views of scientists on the concept and essence of investigative situations. The analysis of scientific literature and judicial and investigative practice made it possible to identify the most typical investigative situations characteristic of the type of crime under study. From the standpoint of a situational approach, investigative situations that occur during the investigation of non-payment of wages are analyzed. The author notes that the classification of investigative situations that occur during the investigation of this type of crime is possible for various reasons. In order to optimize the activities of investigating non-payment of wages, models of actions were developed in case of conflict situations in order to transform them into conflict-free and favorable ones. The study showed that the use of a situational approach by the investigator when investigating non-payment of wages makes it possible to predict the occurrence of adverse situations and ways to resolve them in a timely manner for the purpose of an effective investigation.

Keywords: criminalistics, situational approach, investigative situation, investigative actions, non-payment of wages.

References

1. Belkin, R.C. Course of criminalistics.V.1. – М.: Publishing House Jurist, 1997. – 408 p.
2. Belkin R.S. Criminology course. T.2. – М.: Publishing House Jurist, 1997. – 464 p.
3. Vasiliev, A.N. Subject, system and theoretical foundations of criminalistics / A.N. Vasiliev, N.P. Yablokov. – М., 1985. – 144 p.
4. Volchetskaya T.S. Criminalistic situationology: monograph. – М. – Калининград: Калинингр Publishing House. un-ta, 1997. – 248 p.
5. Gavlo V.K. Theoretical problems and practice of applying the methodology for investigating certain types of crimes. Tomsk: Publishing House Tomsk. un-ta, 1985. – 333 p.
6. Gerasimov I.F. Some problems of solving crimes. – Sverdlovsk, 1975. – 184 p.
7. Drapkin L. Ya. Fundamentals of the forensic theory of investigative situations: dis. . Dr. jurid. Sciences. – Sverdlovsk, 1987. – 440 p.
8. Zelensky V.D. Investigative situation and organization of a separate investigation // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and social sciences. – 2014. No. 9. – P. 89–93.
9. Kolesnichenko A.N. Scientific and legal foundations of the methodology for investigating certain types of crimes: author. dis. ... Dr. jurid. Sciences. – Kharkov, 1977. – 28s.
10. Criminalistics: a textbook for university students / ed. A.F. Volynsky, V.P. Lavrov. – 2nd ed., revised. and additional – М.: UNITI-DANA: Law and Law, 2010. – 943 p.
11. Drapkin L. Ya., Karagodin V.N. Theory of investigative situations // Criminalistics: textbook. 2nd ed., revised. and additional – М.: Prospekt, 2011. – 768 p.
12. Lavrov V.P. Initial investigative situations as an object of the departmental scientific research / Initial investigative situations and forensic methods of their resolution: Sat. scientific Proceedings / V.P. Lavrov. – М.: VYuZSH of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1991. – 152 p.
13. Decision of the Magistrate of the court district No. 3 of the Leninsky district of Vladimir No. 1–19 / 2018 of September 27, 2018. Website len3.wld.msudrf.ru URL: http://len3.wld.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1530135&delo_id=1540006 (date of access: 12/29/2022).
14. Appeal decision No. 22–2055/2019 dated November 20, 2019 in case No. 1–133/2019 of the Ivanovo Regional Court. Website sudact.ru URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dRoWuSYQcrHo/?ysclid=I803lydrwm126937952#top> (accessed 29.12.2022).

Виктимологическое обеспечение безопасности пешеходов при криминальном нарушении правил дорожного движения

Степанов-Егиянц Владимир Георгиевич,

доктор юридических наук, доцент, LL.M., доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: 02041981@mail.ru

Качурова Елизавета Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета
E-mail: kachurova_ls@mail.ru

Проблема формирования современной криминологической системы обеспечения безопасности дорожного движения связана с необходимостью разработки мер предупреждения виктимизации пешеходов. При рассмотрении основных подходов к обеспечению должного уровня виктимологической безопасности пешеходов, важное значение приобретают анализ, последующая коррекция и профилактика виктимного поведения потерпевших в дорожно-транспортных происшествиях. Целью криминологического изучения неосторожного причинения смерти и тяжкого вреда здоровью пешеходам, предусмотренного ст. 264 УК РФ, является не только снижение уровня виктимности потерпевших от ДТП, но и снижение числа необоснованно осуждаемых водителей, квалификация действий которых зачастую осуществляется органами следствия без тщательного учета поведения пешехода. Авторы полагают, что в случае, если причиной ДТП явилось провоцирующее, противоправное и виновное поведение пешехода, то привлечение к уголовной ответственности водителя по ст. 264 УК РФ является обоснованным. Также сделан вывод о необходимости повышения правовой культуры пешеходов с целью формирования сознания и устойчивых психологических установок на соблюдение правил дорожного движения среди, подчеркивается роль и положительные результаты деятельности органов ГАИ в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: Виктимологическая безопасность, правила дорожного движения, противодействие преступности, криминология, виктимология, дорожно-транспортное происшествие, пешеход, преступность, жертвы преступлений, виктимизация, виктимность, ст. 264 УК РФ.

Виктимологическая безопасность, являясь как элементом системы обеспечения криминологической, так и в целом национальной безопасности, тем не менее, отличается самостоятельным объектом. Само определение понятия «виктимологической безопасности», а также концептуальные выводы, определяющие ее специфику отражены в работах К.В. Вишневецкого, А.А. Гаджиевой, П.А. Кабанова, В.Е. Квашиш, А.В. Майорова, В.С. Минской, В.И. Полубинского, А.Л. Репецкой, В.Я. Рыбальской, Д.В. Ривмана.

Виктимологическая безопасность направлена на эффективное обеспечение защиты граждан от виктимизации, минимизацию виктимогенных факторов и создание виктимологически благоприятной социальной среды. Само понятие «виктимологической безопасности» можно определить как состояние защищенности граждан от виктимизации, реализуемое посредством своевременного выявления и предупреждения условий и ситуаций, способствующих совершению преступлений в отношении определенных лиц.

Проблема виктимологического обеспечения безопасности в сфере безопасности дорожного движения остаётся актуальной и требует дальнейшего исследования. Несмотря на то, что в Российской Федерации с 2012 г. наблюдается устойчивая тенденция к снижению основных показателей дорожно-транспортной аварийности, связанной с наездами на пешеходов, а общее их число сократилось практически в полтора раза, криминологический анализ гибели пешеходов в результате дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП, или происшествие), позволяет сделать вывод о необходимости именно виктимологического исследования ст. 264 Уголовного кодекса России (далее – УК РФ). Так, по данным официальной статистики в 2021 г. зарегистрировано 35 666 ДТП, связанных с наездами на пешеходов, в которых погибли 3767 и ранены 33 233 человека, всего же за 2021 год в России число погибших в результате всех ДТП составило – 14 874 человека [1]. Изучение обозначенной проблемы с виктимологического ракурса способно активизировать дополнительные резервы криминологической профилактики рассматриваемых преступлений, минимизируя вероятность виктимизации гибели в результате ДТП.

Важно отметить, что неправомерное или беспечное поведение водителя транспортного средства не всегда становится причиной наезда на пешехода, а зачастую именно обратная корреляция детерминирует виктимизацию. В этой связи, при привлечении к уголовной ответственности водителей, важно анализировать поведение потерпев-

шего, а также иные способствующие совершению неумышленного наезда на пешехода объективные условия совершения преступления.

Формирование виктимологической системы безопасности на дорогах предполагает рассмотрение типичных ситуаций, в которых сам пешеход способствует виктимизации. В этом случае, значение приобретает общественное отношение к поведению и роли жертв в совершаемых преступлениях, и как следствие – реакция законодателя и органов судебной власти при разрешении вопроса о виновности водителей, совершивших наезд на пешехода. В случаях, когда помимо виктимного поведения потерпевшего будут тем не менее установлены нарушения закона и с стороны водителя – уголовное наказание последнего неотвратимо, но, если расследование обстоятельств ДТП все же указывает на соблюдение водителем всех правил дорожного движения (далее – ПДД) и устанавливает причиной ДТП провоцирующее, противоправное и виновное поведение пешехода, то привлечение к уголовной ответственности водителя будет несправедливым и необоснованным. Например, пешеход решил покончить жизнь самоубийством и внезапно для водителя выпрыгнул с тротуара под колеса, проезжающего мимо автомобиля, либо в состоянии алкогольного опьянения переходит многополосную магистраль в неустановленном месте и погибает.

Так, при рассмотрении возможности влияния на квалификацию умышленного преступления виктимного поведения жертвы однозначно определено, что такое поведение не может влиять на правовую оценку и виновность преступника, умышленно совершающего преступление. В этих случаях изучение степени виктимности поведения жертв преступлений лишь способствует снижению виктимизации и имеет превентивное значение. Однако в случаях, когда водитель транспортного средства не нарушал ПДД, двигался с разрешенной скоростью, объективно не мог обнаружить и своевременно устранить опасность, а в свою очередь пострадавший в результате ДТП пешеход всячески способствовал виктимизации, подобное поведение должно быть учтено еще на этапе разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 264 УК РФ, а возбужденное дело подлежит прекращению за отсутствием в действиях состава преступления.

Примеров такого виктимного поведения потерпевших немало. Предпримем попытку определить типичные виды такого поведения пешеходов, в большей или меньшей степени способствующее совершению преступления.

Учитывая особенности совершения преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, необходимо выделить в качестве наиболее распространенной – неосмотрительную форму виктимного поведения пешеходов, при которой жертвы, ошибочно представляют, либо недооценивают результат своих действий на дороге, не соблюдают предписания и правила дорожного движения, порой элементарные меры личной безопасности. Примерами таких действий являются – переходы улицы в неустанов-

ленном месте, при недостаточной освещенности в темное время суток, при отсутствии видимости или без учета иных неблагоприятных факторов – гололед, дождь, снегопад. Итогом таких действий или бездействия становятся аварийные ситуации, способные привести к смерти или тяжкому вреду здоровья пешехода.

Отметим, что при анализе судебной практики, а также обращение к видеороликам с фиксацией ДТП, встречаются примеры провокационного поведения пешеходов, то есть жертва заинтересована в совершении на него наезда. Распространены случаи, когда из корыстных побуждений, пешеходы намеренно бросаются под колеса, инсценируя причинение вреда здоровью, рассчитывая получить денежное вознаграждение от водителя, используя фактор внезапности стрессовой ситуации и боязнь водителя понести уголовную ответственность, что в свою очередь вполне обосновано, учитывая практическую презумпцию их вины в случае судебного разбирательства.

При этом виктимное поведение пешеходов может быть как устойчивым, когда человек регулярно пренебрегает ПДД, к примеру – ежедневно перебегает дорогу в удобном, по его мнению месте, не взирая на запрещающие знаки и возможности воспользоваться переходом, так и ситуативным – незнакомый город или район, незнание правил перехода в определенном месте, физическое или психологическое состояние потерпевшего, способствующее потере должного внимания. Такое ситуативное поведение жертвы не является устойчивой деформацией, как правило – бесконтрольно, то есть – совершается без всяческого намерения, неосознанно [2].

Отдельно необходимо выделить и состояние алкогольного или наркотического опьянения пешеходов, способствующее их виктимизации. Не всегда пьяный пешеход становится жертвой ДТП и не всегда именно его состояние является причиной наезда, но то, что алкоголь и наркотики негативно влияют на реакцию пешехода, его осмотрительность – очевидный факт.

Таким образом, среди лиц с устойчивым виктимным поведением, нежелающих соблюдать нормы закона, чаще можно выделить потенциальных жертв преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ. Более того, их демонстративное поведение может сформировать негативные привычки у окружающих, детей и подростков, копирующих поведение старших.

Уместно также определить степень вины пешеходов при реальной виктимизации, поскольку встречается и абсолютно невинное поведение – когда потерпевший не нарушал ПДД; пешеходы с легкой формой вины – потерпевший не знал о возможной опасности и не мог ее предотвратить; жертвы виновные наравне с водителем – оба участника нарушают установленные правила и имеют девиации в поведении; исключительно виновные пешеходы – провокаторы, создающие инсценировки наезда в корыстных целях, например с целью получения страховой выплаты.

В случае виктимного поведения пешеходов способствующим фактором становится массовая деформация населения по вопросам персональной ответственности в обеспечении безопасности на дорогах, хотя обязанность соблюдать правила дорожного движения, относится равно и к пешеходам, как и к водителям [3]. Такое некритичное виктимное поведение пешеходов связано с такими качествами личности, как неосмотрительность, неумение и нежелание прогнозировать негативные последствия. Наличие таких личностных характеристик у конкретного пешехода предопределяют его личностную виктимность, то есть способность стать жертвой рассматриваемых преступлений [4].

Учитывая, что угроза виктимизации от наезда транспортного средства является массовой, то есть потенциальной жертвой может стать любой, уместно выделить так называемые «группы риска», то есть те категории граждан, чья уязвимость выше. Среди видов такой групповой виктимности пешеходов особое место занимает виктимность возрастная, характерная для полярных возрастных групп – несовершеннолетних и лиц пожилого возраста. Так, в силу отсутствия должного жизненного опыта, склонности к демонстрационному поведению и другим особенностям пубертатного периода, подростки намерено выбегают на проезжие части, кидаются под колеса автомобилей, желая произвести впечатление, либо становясь участниками экстремальных состязаний [5]. Такое безрассудное поведение приводит к неизбежной виктимизации подростков.

В свою очередь, лица преклонного возраста, становятся уязвимыми в силу неотъемлемых возрасту физиологических параметров [6] – различные заболевания, общее недопонимание возросших дорожных угроз, неадекватная оценка собственных физических способностей, потеря слуха, слабое зрение и другие возрастные изменения – также приводят к ДТП с их участием.

Среди прочих групп целесообразно выделить по гендерному признаку женскую виктимность, чье поведение на дороге может быть связано с присущими этой группе торопливостью, обувью на каблуках, физической слабостью.

Также уместно рассмотреть и так называемую «реальную виктимность», которая определяется ограниченными возможностями некоторых граждан, их психопатическими отклонениями, которые нуждаются в повышенной виктимологической защите. К сожалению, инфраструктура для таких граждан недостаточно развита, а специально оборудованных пешеходных переходов, особенно в небольших городах – единицы.

К современным типам виктимности пешеходов можно отнести виктимность стрессовую – обусловленную факторами среды – шумовое загрязнение, напряжение, смог. В состоянии стресса, пешеходы становятся менее внимательными. Отдельным источником, отвлекающим пешеходов, хотелось бы отметить влияние смартфонов и наушников, с которыми граждане предпочитают не расставаться

в процессе движения. Так, видя зеленый сигнал светофора, лишенный возможности слышать, пешеход начинает переходить дорогу игнорируя сирены движущейся скорой или пожарной машины. Таких граждан большинство, поэтому своевременно имплементировать опыт зарубежных стран, где активно внедряются высокотехнологичные инструменты виктимологической профилактики [7].

Пешеходы, являясь самой многочисленной группой участников дорожного движения [8], в то же время представляют собой самую неграмотную в этом смысле категорию, обладают массовым нигилизмом и не готовы брать на себя ответственность за собственную виктимизацию.

Именно должный уровень правовой культуры и правосознания современного общества, соблюдение каждым норм законодательства, внедрение в систему дорожной безопасности современных инновационных технологий, обеспечит полноценную минимизацию виктимизации пешеходов.

Роль пропаганды безопасности дорожного движения как одного из направлений деятельности Госавтоинспекции трудно переоценить. Приоритетным направлением работы в сфере информационно-пропагандистского сопровождения деятельности Госавтоинспекции является повышение культуры поведения и формирование правосознания участников дорожного движения. В связи с тем, что важнейшим фактором риска в дорожном движении остается человеческий фактор, проявляющийся в низкой культуре поведения участников дорожного движения, не соблюдении ПДД, неадекватной оценки своих навыков вождения, основное внимание 59 в деятельности по пропаганде БДД Госавтоинспекция уделяет активизации работы по формированию законопослушного поведения граждан, созданию в обществе атмосферы нетерпимости к нарушителями. В рамках этой работы Госавтоинспекцией на постоянной основе осуществляется целенаправленная деятельность по созданию информационно-визуального пространства для формирования правового сознания и устойчивых психологических установок на соблюдение Правил дорожного движения среди родителей, детей и молодежи, используется имеющийся потенциал федеральных и региональных средств массовой информации, сети Интернет, а также активно применяются средства социальной рекламы [9].

Полагаем, что в том числе активная пропагандистская работа органов ГАИ привела к тому, что за 9 месяцев 2022 года три основных показателя дорожно-транспортной аварийности снизились по отношению к прошлому году. Таким образом, всего на дорогах страны зарегистрировано 91255 тыс. ДТП (–6,1%), в которых погибли 10078 тыс. (–4,8%) и получили ранения 115139 тыс человек (–6,3%) [10].

Полностью купировать виктимогенные факторы и изменить пешеходов невозможно, однако создать виктимологически благоприятные условия и воздействовать на некоторые неблагоприятные тенденции, в том числе изменив подход следствен-

ных и судебных органов к оценке виктимного поведения пешеходов, необходимые меры противодействия массовой виктимизации граждан от преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ.

Литература

1. Официальный сайт Госавтоинспекции // URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения – 2 декабря 2022 г.).
2. Кудряшов А.В. Жертва в дорожно-транспортном происшествии: некоторые виктимологические аспекты // Виктимология. 2018. № 2 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhertva-v-dorozhno-transportnom-proishestvii-nekotorye-viktimologicheskie-aspekty> (дата обращения: 10.12.2022).
3. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N1090 (ред. от 31.12.2020) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СПС КонсультантПлюс.
4. Босхолов С.С., Качурова Е.С. Основы криминологической виктимологии: учебное пособие / Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – Иркутск, 2019. – С. 33.
5. Степанов-Егиянц В.Г. Значение виктимного поведения пешехода при квалификации деяний по ст. 264 УК РФ / В.Г. Степанов-Егиянц // Законодательство. – 2022. – № 9. – С. 78.
6. См.: Репецкая Ю.О. Виктимологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в отношении лиц пожилого возраста: авторф. ... дис. Канд. юрид. наук. – М., 2010
7. Слободчикова Н. А., Плюта К.В. Безопасность пешеходных переходов // Вестник науки и образования Северо-Запада России. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-peshehodnyh-perehodov> (дата обращения: 10.12.2022).
8. Майоров А.В. Типология поведения жертв дорожно-транспортных происшествий // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2008. № 2 (102). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-povedeniya-zhertv-dorozhno-transportnyh-proisshestviy> (дата обращения: 10.12.2022).
9. Н.М. Кузнецова, Л.А. Казанова, Роль подразделений пропаганды безопасности дорожного движения в деятельности Госавтоинспекции. История становления, направления дальнейшего развития// ФКУ НИЦ БДД МВД России, 2017. С. 58.
10. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2022 года. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России». 2022. Режим доступа: <https://media.mvd.ru/files/embed/4605723> (дата обращения 21.12.2022).

VICTIMOLOGICAL PROVISION OF PEDESTRIAN SAFETY IN CASE OF CRIMINAL VIOLATION OF TRAFFIC RULES

Stepanov-Egiyants V.G., Kachurova E.S.

Lomonosov Moscow State University, Baikal State University

The problem of the formation of a modern criminological system for ensuring road safety is associated with the need to develop measures to prevent the victimization of pedestrians. When considering the main approaches to ensuring the proper level of victimological safety of pedestrians, analysis, subsequent correction and prevention of victim behavior of victims in road accidents become important. The purpose of criminological study of negligent infliction of death and serious injury to pedestrians, provided for in Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation, is not only to reduce the level of victimization of victims of road accidents, but also to reduce the number of unreasonably convicted drivers, whose actions are often qualified by investigative bodies without careful consideration of pedestrian behavior. The authors believe that if the cause of the accident was provoking, illegal and guilty behavior of a pedestrian, then bringing the driver to criminal responsibility under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation is unjustified. It is also concluded that it is necessary to improve the legal culture of pedestrians in order to form consciousness and stable psychological attitudes towards compliance with traffic rules among them, the role and positive results of the activities of the traffic police in this area are emphasized.

Keywords: victimological safety, traffic rules, crime prevention, criminology, victimology, traffic accident, pedestrian, crime, crime victims, victimization, victimization, Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation.

References

1. Official website of the State traffic inspectorate // URL: <http://stat.gibdd.ru> (accessed December 2, 2022).
2. Kudryashov A.V. Victim in a traffic accident: some victimological aspects // Victimology. 2018. No. 2 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhertva-v-dorozhno-transportnom-proishestvii-nekotorye-viktimologicheskie-aspekty> (date of access: 10.12.2022).
3. Decree of the Government of the Russian Federation of October 23, 1993 N1090 (as amended on December 31, 2020) "On the Rules of the Road" (together with the "Basic Provisions for the Admission of Vehicles for Operation and the Duties of Officials to Ensure Road Safety") (with amended and supplemented, effective from 01.01.2022) // SPS ConsultantPlus.
4. Bosholov S.S., Kachurova E.S. Fundamentals of criminological victimology: textbook / Irkutsk Institute (branch) VSUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia). – Irkutsk, 2019. – P. 33.
5. Stepanov-Egiyants V.G. The value of victim behavior of a pedestrian in the qualification of acts under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation / V.G. Stepanov-Egiyants // Legislation. – 2022. – No. 9. – P. 78.
6. See: Repetskaya Yu.O. Victimological characteristics and prevention of crimes committed against the elderly: Author. ... dis. Cand. legal Sciences. – M., 2010
7. Slobodchikova N. A., Plyuta K.V. Safety of pedestrian crossings // Bulletin of Science and Education of the North-West of Russia. 2019. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-peshehodnyh-perehodov> (accessed 10.12.2022).
8. Mayorov A.V. Typology of behavior of victims of road traffic accidents // Bulletin of SUSU. Series: Law. 2008. No. 2 (102). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-povedeniya-zhertv-dorozhno-transportnyh-proisshestviy> (date of access: 10.12.2022).
9. N.M. Kuznetsova, L.A. Casanova, The role of road safety propaganda units in the activities of the State Traffic Inspectorate. History of formation, directions of further development// ФКУ НИЦ БДД МВД России, 2017. P. 58.
10. Road traffic accidents in the Russian Federation for 9 months of 2022. Information-analytical review. M.: ФКУ «НЦ БДД МВД России». 2022. Access mode: <https://media.mvd.ru/files/embed/4605723> (accessed 12/21/2022).

Отличие организованной группы от преступного сообщества (преступной организации) и банды, особенности квалификации данных преступлений

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы различия между преступлениями, совершенными в составе организованной группы, и преступлениями, совершенными в составе преступного сообщества (преступной организации). Автор исследует сами понятия организованной группы, банды и преступного сообщества (преступной организации), а также вопросы квалификации данных преступлений в зависимости от характера преступных групп, их совершающих. В статье анализируются признаки указанных преступных групп, их взаимные отличия, а также обстоятельства, доказывание которых является необходимым для квалификации данных преступлений. В статье исследуется ряд уголовных дел, по которым в отношении обвиняемых вынесены оправдательные приговоры по статьям 209 и 210 УК РФ, анализируются причины вынесения данных оправдательных приговоров. Также в работе приводится непосредственно совокупность подлежащих доказыванию обстоятельств, таких как состав преступной группы, личности соучастников преступления, обстоятельства совершенного преступления, присутствующих квалификации преступлений, совершенных организованной группой, и преступлений, предусмотренных статьями 209 и 210 УК РФ.

Ключевые слова: квалификация преступлений, уголовная ответственность, банда, бандитизм, преступное сообщество, преступная организация, оправдательный приговор, совокупность обстоятельств, доказывание.

Исходя из Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», под бандой следует понимать организованную устойчивую вооруженную группу из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации. Банда может быть создана и для совершения одного, но требующего тщательной подготовки нападения. От иных организованных групп банда отличается своей вооруженностью и своими преступными целями – совершение нападений на граждан и организации. Об устойчивости банды могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений.[1, С. 5]

Как следует из Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 12 от 10.06.2010 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» преступное сообщество (преступная организация) может осуществлять свою преступную деятельность либо в форме структурированной организованной группы, либо в форме объединения организованных групп, действующих под единым руководством. При этом закон не устанавливает каких-либо правовых различий между понятиями «преступное сообщество» и «преступная организация».[1, С. 185]

Структурированная организованная группа – группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений и при этом состоящая из подразделений – подгрупп, звеньев и т.п., имеющих стабильный состав и действующих согласованно.

Такой группе, имеющей единое руководство, свойственны также взаимодействие всех ее подразделений, направленное на осуществление преступных планов, распределение между ними ролей при совершении преступления, специализации в различных сферах преступной деятельности, а также иные способы достижения преступного результата.

Как показывает судебная практика, при квалификации преступлений, совершаемых преступными группами, очень часто серьезные проблемы вызывает квалификация данных преступлений либо

как совершаемых организованными преступными группами, либо по статьям 209 и 210 УК РФ.

Более того, зачастую суды переqualифицируют все указанные варианты преступных деяний на иные, менее тяжкие, статьи.

Здесь следует упомянуть, что, как следует из ч. 3 ст. 35 УК РФ, если устойчивая группа лиц до совершения преступления объединилась в единую устойчивую структуру, то преступление, совершенное подобной группой, будет являться совершенным организованной группой,

Так, приговором Верховного Суда Республики Мордовия от 04.04.2011 г., вынесенным с участием коллегии присяжных заседателей, Л.Г.Г., Л.А.Г., З.В.П., А.Ю.Н., А.Е.В., А. Е.Г. и М.А.А. были оправданы по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных частями 1 и 2 ст. 209 УК РФ, а также по обвинению в совершении ряда разбойных нападений, предусмотренных статьями 162 ч. 4 п. «а» УК РФ, то есть разбоя в составе организованной группы. Суд изменил обвинение на статьи 161 ч. 2 пункты «а, в, г» УК РФ, то есть на грабёж, совершённый группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище, совершённый с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья. [2]

Этот вывод базировался на доводах защиты о том, что в материалах дела отсутствуют данные, объективно свидетельствующие о сплоченности членов преступной группы, которые видели друг друга 1–2 раза, а также о неорганизованности и спонтанности совершения преступлений, отсутствии постоянного стабильного состава группы и отсутствии строго определённых ролей. На основании изложенного, судом были сделаны выводы о том, что в действиях группы не имеется признаков бандитизма и организованности.

Действительно, в материалах указанного уголовного дела отсутствовали сведения об обстоятельствах создания данной группы, о ее создателях, руководителях и участниках, о преступной специализации каждого члена группы, о наличии преступного плана и о распределении ролей между членами группы согласно данному преступному плану, а также о том, соблюдалось ли данное распределение ролей при совершении отдельных преступлений.

Следует учесть, что перечисленные обстоятельства должны быть не только доказаны материалами уголовного дела, но также должны быть подробно указаны в обвинении, предъявленном каждому члену группы.

В качестве следующего примера можно привести постановление Симоновского районного суда г. Москвы от 28.01.2019 г., вынесенное в ходе рассмотрения уголовного дела в отношении 15 обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 210, ч. 2 ст. 172 УК РФ – создание и участие в преступном сообществе (преступной организации) лиц, действующих из корыстных побуждений, с целью систематического получения незаконного дохода, не контролируемого со сто-

роны государства, состоящее из четырех функционально и территориально обособленных подразделений и консалтингового блока, состоящего из обособленного бухгалтерского и юридического подразделений, объединенных единой целью – совместное совершение преступления, относящегося к категории тяжких, а именно незаконной банковской деятельности, то есть предусмотренного ст. 172 УК РФ.

По настоящему делу государственный обвинитель в ходе судебных прений отказался от обвинения по частям 1 и 2 ст. 210 УК РФ (создание и участие в преступном сообществе) в отношении всех подсудимых, указывая, что в ходе судебного следствия не установлены обстоятельства, бесспорно свидетельствующие о наличии в данной организованной группе структурированности и большом масштабе ее работы, поэтому действия группы можно квалифицировать только как совершённые организованной группой – по ч. 2 ст. 172 УК РФ. Как указал государственный обвинитель, вывод следствия о квалификации действий подсудимых по частям 1 и 2 ст. 210 УК РФ не подтвержден исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами. [3]

Как следует из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 12 от 10.06.2010 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», преступное сообщество (преступная организация) является очень сложной структурой, устойчивой и стабильной, с твердой внутренней иерархией, постоянной нацеленностью на совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в подавляющем большинстве случаев направленных против собственности или носящих экономический характер.

Кроме того, необходимой чертой преступного сообщества (преступной организации) является специализация каждого его подразделения на отдельной области преступной деятельности. Без наличия данной специализации квалификация деятельности группы лиц по ст. 210 УК РФ в принципе невозможна, поскольку это противоречит самому понятию преступного сообщества (преступной организации).

И вновь следует упомянуть о том, что, помимо наличия в материалах уголовного дела доказательств наличия соответствующих устойчивости, стабильности, внутренней иерархии и преступной специализации, все эти обстоятельства должны быть отражены и подробно указаны в предъявленном по делу обвинении. Безусловно, подобные описания деятельности каждого из членов преступной группы очень усложняют формулу обвинения по уголовному делу и увеличивают ее объём, однако это является необходимостью, без которой законное и обоснованное рассмотрение уголовного дела невозможно.

Так, как следует из приговора Московского городского суда г. Москвы от 28.08.2015 г., [4] А., Г.

и Г. участвовали в устойчивой вооруженной группе (банде) и совершаемых ею нападениях. Действуя в ее составе, А. и Г. совершили разбой (два преступления), то есть нападения в целях хищения чужого имущества, с угрозой применением насилия, опасного для жизни и здоровья, организованной группой, с применением оружия и в особо крупном размере по факту хищения 10 июня 2013 года имущества ИП «Л- М.А.», а также с применением предметов, используемых в качестве оружия и в крупном размере по факту хищения 31 января 2013 года имущества КБ «***» (ООО).

Кроме того, А., Г. и Г. совершили разбой (пять преступлений), то есть нападения в целях хищения чужого имущества, с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением оружия по фактам нападения 10 сентября 2013 года на ООО «***» и 28 декабря 2013 года на ООО «***», с применением предметов, используемых в качестве оружия по фактам нападения 18 июня 2013 года на ООО «***», 20 июля 2013 года на ООО «***» и 30 октября 2013 года на ООО «***», организованной группой, в особо крупном размере.

Как следует из решения суда, до совершения указанных преступлений А. и Г. по различным основаниям объединились с неустановленными лицами, образовав банду – устойчивую вооруженную группу), планируя нападать на организации и граждан.

На вооружении банды находилось несколько единиц огнестрельного оружия, газовый баллончик, и два предмета, сходных с пистолетами, а также несколько автомобилей.

Участник банды разработали план преступной деятельности и собрали необходимую информацию о возможных объектах нападений.

Также участники банды распределили роли при совершении нападений, получали сведения о режиме работы организаций, на которые планировалось нападать, а также иные необходимые сведения, определили тактику нападений с применением оружия и насилия, опасного для жизни и здоровья, отыскивали пути отходов после совершения преступлений и способы сбыта и распределения похищенного имущества.

После этого, пользуясь указанными планами, участники банды совершили множественные нападения на различные организации.

В данной формуле обвинения содержатся все подлежащие доказыванию вышеуказанные обстоятельства, наличие которых обуславливает возможность осуждения лица, помимо совершенных им разбойных нападений, также и по ст. 209 УК РФ за создание, руководство или участие в банде. При доказанности этих обстоятельств квалификация деяний виновных, помимо разбойных нападений, также и по ст. 209 УК РФ будет обоснованной.

Огромное значение по уголовному делу имеет правильная квалификация соответствующих преступлений либо как совершенных организованной группой либо по статьям 209 и 210 УК РФ.

Зачастую грань между этими преступлениями является очень тонкой. Действительно, на практике очень сложно бывает отличить разбойное нападение, совершенное организованной группой, от разбойного нападения, совершенного бандой. При этом вполне возможно, что даже нападение, совершенное на гражданина или организацию с применением оружия, то есть при наличии признака вооруженности, и даже при наличии серии ранее совершенных аналогичных нападений, является совершенным не бандой, а организованной группой.

То же относится и к преступлениям, совершенным преступным сообществом (преступной организацией). По сути аналогичные мошенничества или экономические преступления могут быть совершены как организованной группой, так и в составе преступного сообщества (преступной организации).

Таким образом, отличие преступлений, совершенных организованной группой, и преступлений, совершенных бандой или преступным сообществом (преступной организацией) заключается в наличии у преступлений, совершенных бандой или преступным сообществом (преступной организацией) ряда признаков: изначального создания соответствующей преступной группы для совершения преступных деяний, наличие создателей, руководителей и участников преступной группы, специализации каждого члена группы на определенном аспекте преступной деятельности, создание плана совершения преступлений, исполнение каждым участником группы его роли.

При наличии данных обстоятельств и доказанности их соответствующими материалами дела преступление является совершенным бандой либо преступным сообществом (преступной организацией). В случае же отсутствия либо недоказанности подобных обстоятельств, но, в то же время, при наличии определенной устойчивости группы лиц, заранее, до совершения преступления, вступивших в сговор о совместном совершении одного или нескольких подобных преступлений, преступление является совершенным организованной группой и не требует дополнительной квалификации по статьям 209 или 210 УК РФ.

Поэтому квалификация преступлений, совершенных бандой или преступным сообществом (преступной организацией) требует гораздо большей доказательной базы и гораздо более тщательного описания состава преступной группы, личностей соучастников преступления, а также обстоятельств совершения самого преступления.

Литература

1. Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. Вопросы применения уголовного законодательства. Издание четвертое. Составитель Хлебушкин А.Г. Москва: Проспект, 2021. – 512 с. С. 5, С. 185.

2. Мещеряков Н.М. «Подсудимые оправданы в совершении бандитизма (ч. 1 и ч. 2 ст. 209 УК РФ) URL: <https://advokat-nm.ru/>(дата обращения 16.01.2023 г.)
3. Профессиональный юридический портал «24Pravo.ru» « Прекращение уголовного преследования в суде по ст. 210 УК РФ, в рамках расследования незаконной банковской деятельности по ст. 172 УК РФ. Тактика защиты и особенности по уголовным делам о преступлениях совершенных в сфере экономической деятельности.» URL: <https://24pravo.ru/> (дата обращения 16.01.2023 г.)
4. Приговор Московского городского суда г. Москвы от 28.08.2015 г. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=750454#j74L7TT2v061CGkr> (дата обращения 16.01.2023 г.)

THE DIFFERENCE BETWEEN AN ORGANIZED GROUP AND A CRIMINAL COMMUNITY (CRIMINAL ORGANIZATION) AND GANGS, FEATURES OF THE QUALIFICATION OF THESE CRIMES

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article deals with the issues of the difference between crimes committed as part of an organized group and crimes committed as part of a criminal community (criminal organization). The author explores the very concepts of an organized group, gang and criminal community (criminal organization), as well as the issues of qualification of these crimes depending on the nature of the criminal

groups that commit them. The article analyzes the characteristics of these criminal groups, their mutual differences, as well as the circumstances, the proof of which is necessary for the qualification of these crimes. The article examines a number of criminal cases in which acquittals were handed down against the accused under Articles 209 and 210 of the Criminal Code of the Russian Federation, analyzes the reasons for these acquittals. The work also provides a direct set of circumstances to be proved, such as the composition of the criminal group, the identity of the accomplices of the crime, the circumstances of the commission of the crime itself, distinguishing the qualification of crimes committed by an organized group, and crimes qualified under Articles 209 and 210 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: Qualification of crimes, criminal liability, gang, banditry, criminal community, criminal organization, acquittal, set of circumstances, proof.

References

1. Collection of Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases. Issues of application of criminal legislation. Fourth edition. Compiled by Khlebushkin A.G. Moscow: Prospect, 2021. – 512 p.p. 5, p.185.
2. Meshcheryakov N.M. “The defendants were acquitted of committing banditry (Part 1 and Part 2 of Article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation) URL: <https://advokat-nm.ru/> (accessed 16.01.2023)
3. Professional legal portal “24Pravo.ru” “Termination of criminal prosecution in court under Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation, as part of the investigation of illegal banking activities according to Article 172 of the Criminal Code of the Russian Federation. Defense tactics and features in criminal cases of crimes committed in the field of economic activity.” URL: <https://24pravo.ru/> (accessed 16.01.2023)
4. The verdict of the Moscow City Court of Moscow dated 28.08.2015. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=750454#j74L7TT2v061CGkr> (accessed 16.01.2023)

Ахмедов Камил Камал оглы,

студент, Юридическая школа, ФГАО ВО «Дальневосточный
Федеральный университет»

E-mail: akhmedov.kk@students.dvfu.ru

Иванцов Степан Алексеевич,

студент, Юридическая школа, ФГАО ВО «Дальневосточный
Федеральный университет»

E-mail: ivantcov.sa@students.dvfu.ru

Тема, представленная для изучения в данной статье является актуальной, во-первых, в силу её новизны, это проявляется в том, что мы изучаем данный аспект по новому нормативному правовому акту – Гражданскому Кодексу КНР, который вступил в силу в начале 2021 года, во-вторых тема усыновления, то есть обеспечения детей-сирот кровом, условиями жизни будет являться одним из важнейших направлений любого государства, в статье рассматриваются основные аспекты института усыновления в КНР и РФ, его основные проблемы, выделяются лица, подлежащие данной процедуре (то есть те, кто является усыновленным, требования к усыновителям, рассматриваются возникновение и прекращение (отмена) усыновления в этих государствах, проводится сравнительно-правовая характеристика этих аспектов и мы приходим к умозаключению по поводу данного вопроса.

Ключевые слова: ребенок, семья, усыновление, Гражданский Кодекс КНР (ГК КНР), Семейный Кодекс РФ (СК РФ).

Усыновление в Китайской Народной Республике имеет два аспекта: в первую очередь это правовое регулирование данного института в законодательстве, а потом уже традиционное для китайцев отношение к данному вопросу. Поскольку наша работа предусматривает сравнительно – правовую характеристику, то в нашей статье по большей части будет рассмотрена правовая сторона данного вопроса.

Китайская народная республика является государством с наибольшей численностью населения, которое растет с каждым годом. Логично, что одной из насущных проблем КНР является большое число детей, оставшихся без попечения родителей. Во многих странах наличие детей-сирот порождает такое явление, как беспризорность. Однако в Китае, как в стране с социалистическим государственно-общественным строем, такого явления с формальной точки зрения быть не может. Все нуждающиеся граждане и лица (в том числе дети-сироты), попавшие в трудную жизненную ситуацию и неспособные самостоятельно преодолеть её, проживающие на законных основаниях на территории КНР, в той или иной мере получают социальную поддержку от института социального обеспечения 社会福利院 [shèhuì fúli yuàn], которое находится в ведении Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР.

Ранее на территории КНР действовал закон «Об усыновлении» от 1991 года, который регулировал вышеупомянутые общественные отношения, однако в связи со вступлением в законную силу Гражданского Кодекса КНР 1 января 2021 года он утратил свою юридическую силу.

В законодательстве КНР, а именно в 1093 статье ГК КНР точно определен перечень несовершеннолетних, которые могут быть усыновлены. К ним относятся:

- 1) Дети, которые по каким-либо причинам остались без родителей
- 2) Несовершеннолетние, чьи кровные мать и отец неизвестны
- 3) Дети, чьи биологические родители не способны обеспечить их необходимыми условиями в силу определенных обстоятельств [1].

С 1979 по 2015 годы в КНР власти осуществляли демографическую политику, направленную на снижение рождаемости, причины которой являлся кризис перенаселения. Были применены меры, согласно которым семьям запрещалось иметь более одного ребенка, за исключением случаев многоплодной беременности. К гражданам, нарушившим данное требование применялись такие меры, как принудительные аборт и стерилизация. Данная политика достигалась при помощи

проведения специальной процедуры регистрации в центре планирования семьи, которая подчинялась программе планирования рождаемости, закрепляющей сколько детей разрешено иметь. Итоги и последствия данной политики, на наш взгляд, стоит расценивать как негативные: во-первых, это рост преступлений в отношении новорожденных. Во-вторых, критическое снижение рождаемости и старение населения. В-третьих, практически полное отсутствие интереса к усыновлению сирот, поскольку усыновленный ребенок входил в перечень данных ограничений.

Далее в период 2016–2021 годов власти КНР разрешили иметь до 2 детей для решения проблемы старения населения, данная политика была направлена на стимулирование рождаемости. По началу она работала, однако дальше, как показала практика, в полной мере не были решены данные проблемы, а в 2018 уровень рождаемости был предельно низок (в данный период родилось всего 15.23 млн новорожденных) [2].

В настоящее время семьям разрешено иметь до 3 детей. Это было принято с целью увеличения рождаемости и решение проблемы старения населения, которые так и не решила «политика двух детей». Данное решение было принято по итогам заседания Политбюро ЦК КПК в мае 2021 года [3].

Данный фактор, несомненно, нашел свое отражение в законодательстве. Так, ключевым условием для усыновления в соответствии с 1098 статьёй ГК КНР является наличие не более одного ребенка в семье. Существует и ряд других условий:

- 1) Способность обеспечить воспитание, образование и опеку усыновленного.
- 2) Отсутствие препятствующей болезни, которое считается ограничением по объективным медицинским причинам для усыновления;
- 3) Неимение проблем с законом, неблагоприятных для полноценного роста и развития усыновленного;
- 4) Достижение тридцатилетнего возраста [1].

Законодательство КНР, в статье 1102 ГК КНР, закрепляет норму, которая предусматривает случай, когда усыновитель не является кровным родственником по боковой линии того же поколения в пределах трех степеней родства: Если лицо, не состоящее в браке, планирует принять в семью ребенка противоположного пола, предполагаемый усыновитель должен иметь разницу в возрасте с усыновляемым старше не менее чем на сорок лет [1].

Лицо, являющееся опекуном, может повлиять на решение об усыновлении. Согласно Статьи 1044 усыновление должно соответствовать принципу действия в интересах усыновленного, и законные права и интересы усыновленного и усыновителя должны быть защищены, поэтому законом была принята норма о взаимном согласии лиц, участвующих в данном правоотношении, в соответствии с которой учитывается и мнение ребенка, на время достижения 8 лет от него требуется письменное согласие на усыновление (статья 1104) [1].

Ребенок, которого усыновили, приравнивается к родному ребенку как к приемным родителям, так и в отношениях с родственниками семьи усыновителей. Правоотношения с биологическими родителями и их родственниками прекращаются.

На основе проведения анализа статей 1114–1116 ГК КНР можно сказать следующее про прекращение и расторжение отношений усыновления:

1. Усыновление может быть расторгнуто только в судебном порядке, а прекращение достигается посредством соглашения сторон через обращения в отдел по гражданским делам.

2. Усыновитель не вправе остановить отношения усыновления до достижения ребенком возраста полной дееспособности, при условии, что между первым и стороной, передающей ребенка на усыновление, не предусмотрено соглашения о разрыве данных отношений.

3. При достижении несовершеннолетним восьми лет, он должен предоставить собственное согласие.

4. Если приемный родитель не исполняет закрепленные настоящим законодательством обязанности по воспитанию и содержанию усыновленного или обращается жестоко с ним, совершает дезертизм или другие действия, нарушающие законные права и интересы несовершеннолетнего усыновленного, лицо, передавшее ребенка в новую семью, имеет право требовать, чтобы отношения усыновитель-усыновленный были расторгнуты. Если усыновитель и сторона, отдавшая ребенка на усыновление, не достигают соглашения о расторжении отношений усыновления, любая из сторон может подать иск в народный суд.

5. Если отношения между приемными родителями и усыновленным ребенком, достигшим возраста совершеннолетия, ухудшаются настолько, что они не в силах сосуществовать совместно, усыновление может быть прекращено по взаимному согласию. Если стороны не смогли урегулировать конфликт без вмешательства государства, усыновитель или усыновляемый может подать иск в народный суд КНР [1].

Необходимо теперь перейти к правовым последствиям, которые наступают после прекращения расторжения усыновления:

1) При расторжении отношений по усыновлению права и обязанности между сторонами, а также между родственниками усыновителя утрачивают возможность порождать правовые последствиями, то есть формально становятся недействительными, а родственные связи между ребенком и его фактическими родителями, а также их родственниками приобретают силу. Однако, когда усыновленный ребенок стал взрослым, этот вопрос может быть решен с помощью консультации (статья 1117);

2) После прекращения отношений по усыновлению сам усыновленный, воспитанный приемными родителями и достигший возраста совершеннолетия, обязан возмещать расходы на проживание последних, не имеющих способности к труду

и соответственно средств к существованию (Статья 1118) [1].

Несомненно, институт усыновления (удочерения), в России, как и в КНР, является одним из приоритетных объектов государственной поддержки и защиты в рамках утвержденной распоряжением Правительства РФ Концепции государственной семейной политики РФ на период до 2025 года, о чем также говорит довольно обширная нормативно-правовая база, регулирующая данное правоотношение.

Однако схожесть интересов обоих государств в отношении защиты и поддержки отношений по усыновлению(удочерению) не говорит нам об идентичности урегулирования этого правоотношения. Во-первых, Концепция демографической политики РФ, в отличие от демографической политики КНР, предусматривает принятие мер по увлечению рождаемости. Данный фактор довольно часто приносит отрицательные результаты. Например, отказ от новорожденного ребенка матерью, полагавшейся лишь на меры государственной поддержки, не готовой соблюдать обязательства по воспитанию и материальному обеспечению ребенка, что в свою очередь обуславливает необходимость наличия специальных регулятивных правовых норм. Во-вторых, действующее российское семейное законодательство содержит ряд своих отличительных черт, зависящих от историко-культурных, социальных, национальных и других особенностей.

Основным источником, закрепляющим нормы, регулирующие институт усыновления, является 19, 20, 21 главы Семейного кодекса РФ. Прежде всего необходимо выделить категорию детей, подлежащих усыновлению (удочерению). К ним относятся прежде всего несовершеннолетние, чьи родители: неизвестны, признаны судом лишенными родительских прав, безвестно отсутствующими, умершими, недееспособными, уклоняются без уважительных причин от воспитания и содержания ребенка на протяжении 6 месяцев. В иных случаях для усыновления требуется нотариально заверенное руководителем организации, в которой находится ребенок, согласие родителей на усыновление [4].

По последним официальным данным Министерства просвещения РФ число детей-сирот в России на 2021 год составило 390 949 человек [5]. С каждым годом это число уменьшается, однако среди такого значительного числа по-прежнему остается большая доля детей-братьев и сестер. Законодатель предусмотрел следующий нюанс: для обеспечения неразрывности родственных связей в России запрещено усыновлять (удочерять) братьев или сестер разными лицами, либо принимать на себя обязанности родителя в отношении лишь одного из них при условии, если это не соответствует интересам несовершеннолетних [6]. Например, на практике частным случаем служит содержание детей в разных воспитательных учреждениях.

Семья – фундаментальная, ценнейшая частичка как российского, так и любого другого общества, поэтому первостепенно важно в целях обе-

спечения достойного содержания и примерного воспитания ребенка отдать его в «правильные руки», способные предоставить ему данные условия. Так, в частности усыновителями могут быть как мужчина, так и женщина, достигшие совершеннолетнего возраста, изъявившие желание на усыновление (удочерение) и прошедшие в определенном порядке специальную подготовку. Важно отметить, что разница между усыновителем, не состоящем в браке, и усыновленным должна составлять минимум 16 лет. В ином случае при усыновлении мачехой (отчимом) такая разница в возрасте не требуется во избежание воспрепятствованию установлению родительских отношений.

Наличия вышесказанных условий порой недостаточно для вступления в семью нового его члена. Достигнув 10 лет, усыновляемый ребенок должен дать свое согласие, за исключением случаев, когда он проживал с усыновителем и между ними сложились отношения как родителя и ребенка. Кандидат в усыновители же должен соответствовать следующим критериям:

- 1) наличие полной дееспособности;
- 2) отсутствие проблем с законом (судимость за определенные виды преступлений, а также тяжкие и особо тяжкие преступления, уголовное преследование);
- 3) наличие постоянного места жительства и дохода (не меньше МРОТ);
- 4) наличие соответствующего состоянию здоровья;
- 5) не был лишен родительских прав;
- 6) не состоит в однополном браке;
- 7) не был виновным в отмене усыновления в судебном порядке.

Неспроста российское законодательство предусматривает весьма широкий перечень требований к усыновителям и четко определяет категорию детей-сирот, подлежащих усыновлению. Подобное юридическое регулирование обуславливается вытекающими из данных правоотношений значительными правовыми последствиями. Приоритетность приемной семьи как формы устройства детей-сирот, оставшихся без попечения родителей, говорит нам, в том числе, что усыновители наделяются в равной степени с родственниками по происхождению всеми имущественными и личными неимущественными правами и обязанностями в отношении ребенка и его потомства, равно как и ребенок в отношении усыновителей и их родственников, в то время, как любые правовые и неправовые связи с биологическими родителями (родственниками) прекращаются.

Однако создание новой ячейки общества не означает ее устойчивость. Помимо схожих вышеупомянутых положений Гражданского Кодекса КНР с положениями СК РФ о прекращении(отмене) усыновления, закрепляющие основания отмены усыновления(жестокое обращение и т.п.), в России усыновление подлежит отмене также при ряде зависящих и независящих от ребенка и усыновителя обстоятельств, таких как: не осведомление до при-

нения в семью ребенка о состоянии его здоровья, создающее невозможные условия для воспитания; отсутствие взаимопонимания между усыновителем и усыновленным либо ребенок не ощущает себя членом семьи [6].

Соответственно, в данной ситуации взаимные права и обязанности усыновленного ребенка и усыновителей (родственников усыновителей) прекращаются, и ребенок передается родителям либо органу опеки и попечительства в зависимости от интересов ребенка. В некоторых определенных законом случаях суд может взыскать плату на содержание ребенка [4].

Резюмируя представленный выше анализ отдельных положений российского и китайского законодательства, можно определить основные различия правового урегулирования института усыновления в РФ и КНР:

Во-первых, перечень детей в СК РФ и подзаконных актах Правительства РФ определен довольно шире и конкретней, что говорит нам об обособленности правовой системы России и о повышенном внимании российских властей к данной проблеме ввиду значительного процентного соотношения детей-сирот к общему числу детей среди населения РФ. Во-вторых, значительное влияние на правовое регулирование в обеих странах оказывает проводимая демографическая политика. Так, с одной стороны власти КНР строго ограничивают количество детей в семье, с другой – власти России активно способствуют приему в семью новых ее членов. В-третьих, безусловное влияние национальной обособленности заметно в определении законодателем условий (требований) для усыновления. Если в КНР их перечень довольно сужен и обобщен, то в России приводятся достаточно структурированные требования. В-четвертых, законодатели обеих стран по-разному относятся к возрасту самоопределения детей (В РФ такой возраст составляет 10 лет, в КНР – 8). В-пятых, в законодательстве РФ не предусмотрены диспозитивные нормы, регулирующие прекращение (отмену) усыновления (не допускается соглашение сторон).

Литература

1. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики: Книга V Брак и семья закон от 28.05.2020 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-v-marriage-and-family-20200528> (дата обращения: 03.01.2023 г.)
2. Сидней Л. Рождаемость в Китае снова падает: в 2018 году родилось меньше всего детей с 1961 года, раскрытие официальных данных // China Economy. 2019. Ст. 2–5.
3. Власти Китая разрешили семьям иметь трех детей [Электронный ресурс] // Известия IZ. URL: <https://iz.ru/1171645/2021-05-31/vlasti->

[kitaia-razreshili-semiam-imet-trekh-detei](https://iz.ru/1171645/2021-05-31/vlasti-kitaia-razreshili-semiam-imet-trekh-detei) (дата обращения: 03.01.2023 г.)

4. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 03.01.2023 г.)
5. Поддержка детей-сирот, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс] // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans (дата обращения: 03.01.2023 г.)
6. О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: Пост. Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 г. № 8 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59826/ (дата обращения: 03.01.2023 г.)

COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISTICS OF THE INSTITUTE OF ADOPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND CHINA

Akhmedov K.K., Ivantsov S.A.

student, Law School of the «Far Eastern Federal University»

The topic presented for study in this article is relevant, firstly, due to its novelty, this is manifested in the fact that we are studying this aspect according to a new regulatory legal act – The Civil Code of the People's Republic of China, which entered into force at the beginning of 2021, secondly, the topic of adoption, that is, providing orphans with shelter, living conditions will be one of the most important directions of any state, the article discusses the main aspects of the institution of adoption in the People's Republic of China and the Russian Federation, its main problems, identifies the persons subject to this procedure (that is, those who are adopted, requirements for adoptive parents, the occurrence and termination (cancellation) of adoption in these states are considered, a comparative legal characterization of these aspects is carried out and we come to a conclusion about this issue.

Keywords: child, family, adoption, Civil Code of the People's Republic of China (CC PRC), Family Code of the Russian Federation (IC RF).

References

1. Civil Code of the People's Republic of China: Book V Marriage and Family Law of 28.05.2020 [Electronic resource] – Access mode: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-v-marriage-and-family-20200528> (accessed 03.01.2023)
2. Sidney L. The birth rate in China is falling again: in 2018, the fewest children were born since 1961, official data disclosure // China Economy. 2019. Articles 2–5.
3. The Chinese authorities allowed families to have three children [Electronic resource] // IZVESTIA IZ. URL: <https://iz.ru/1171645/2021-05-31/vlasti-kitaia-razreshili-semiam-imet-trekh-detei> (accessed 03.01.2023)
4. Family Code of the Russian Federation: feder. Law of 29.12.1995 № 223-FZ [Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (accessed 03.01.2023)
5. Support for orphans left without parental care [Electronic resource] // Ministry of Education of the Russian Federation. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans (accessed 03.01.2023)
6. On the application of legislation by courts when considering cases of adoption of children: Post. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.04.2006 № 8 [Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59826/ (accessed 03.01.2023)

Правовое регулирование сбора цифровой информации с целью ее представления как доказательства в расследовании преступлений

Шушеначев Алексей Викторович,

аспирант Сибирского федерального университета
E-mail: ashushenachev@inbox.ru

В статье рассматриваются способы сбора цифровой информации доказательственного характера в процессе расследования уголовного дела – изъятие компьютерных средств и копирование электронной информации, правила их реализации, а также дается сравнительный анализ их преимуществ и недостатков. Цифровые следы в процессе расследования преобразуются в электронные доказательства, особого рода доказательства уголовно-процессуального характера, отвечающие тому же требованию, что и другие типы доказательств. Процесс трансформации цифровой информации в электронные доказательства уголовно-процессуального характера определяется типом носителя информации. Это могут быть – стационарные компьютеры с их комплектующими, сервера, разнообразные мобильные устройства, а также Интернет-ресурсы.

Мы должны констатировать, что оба способа сбора цифровой информации доказательственного характера, – копирование информации и изъятие компьютерных средств с последующим изучением содержащейся на них информации – имеют как специфические преимущества, так и определенные недостатки. Исходя из этого, каждый из рассмотренных выше способов должен применяться в зависимости от возникающих в ходе расследования задач, а также профессиональных навыков исполнителей.

Ключевые слова: цифровые данные, электронная информация, уголовно-процессуальные действия, расследование, компьютерные средства, носитель информации.

Одной из важнейших задач как следственных, так и судебных органов, занимающихся расследованием преступлений, является сбор доказательств, свидетельствующих о виновности того или иного лица. Источник такого рода доказательств – информация, получаемая в порядке, предусмотренном законом. Информация (ее кластер), так или иначе связанная с событием преступления, рассматривается субъектом расследования в виде следа (т.н. следовая информация). Цифровые следы в процессе расследования преобразуются в электронные доказательства, особого рода доказательства уголовно-процессуального характера, отвечающие тому же требованию, что и другие типы доказательств, т.е. достаточности (складывающейся из ее достоверности, относимости и допустимости).

Как утверждают Б.В. Вехов и С.В. Зуев, «...цифровая следовая информация на момент ее обнаружения может находиться в электронно-цифровой форме, в таком виде она и должна быть представлена суду на соответствующем материальном носителе. Этот носитель может быть подлинным (исходным либо же иным, на который цифровая информация была скопирована (перезаписана). Основным способом получения такой информации служит производство следственных и иных процессуальных действий» [8, С. 240].

Выделим признаки цифровой информации, представляющиеся существенными в процессе ее трансформации в доказательства электронного типа:

1. Наличие материального носителя (опосредованность);
2. Возможность полноценного копирования без утраты содержания и объема информации;
3. Возможность получения и одновременного использования нескольких равноценных копий различными субъектами расследования;
4. Преобразуемость цифровой информации в иные формы;
5. Разнообразие носителей информации;
6. Невозможность восприятия и оперирования цифровой информации без соответствующих технических средств;
7. Многоуровневый характер цифровых следов, способных располагаться одновременно в различных компонентах ОС и ПО;
8. Обезличенность информации (в ряде случаев), связанная с необходимостью установления личности автора информации.

Как и следственные действия, оперативно-розыскная деятельность в современную эпоху со-

пряжена со сбором цифровой информации доказательного характера. В соответствии с законодательством (ст. 6 ФЗ об оперативно-розыскной деятельности), ОРД включает в такие мероприятия, как наблюдение, опрос, исследование предметов и документов, прослушивание, снятие компьютерной информации и проч.

При этом необходимо подчеркнуть, что лишь процессуально зафиксированная информация (в т.ч. цифровая) предполагает применимость критерия ее достоверности, тогда как информация, полученная в ходе ОРД, имеет (до соответствующей ее перепроверки) лишь поисково-ориентирующий характер и, соответственно, может рассматриваться как доказательственная не более чем условно.

Международной организацией по компьютерным доказательствам (**ЮСЕ**) установлены следующие «...**принципы операций с компьютерной информацией, являющейся доказательством:**

- 1) при работе с доказательственной информацией, содержащейся на цифровом носителе, должны соблюдаться процессуальные и криминалистические требования;
- 2) при операциях с доказательственной информацией на цифровых носителях недопустимо внесение изменений в эту информацию;
- 3) все операции по обнаружению, изъятию, хранению и перемещению доказательственной информации на цифровых носителях должны быть зафиксированы в документальной форме, защищенной от несанкционированного изменения и пригодной для исследования;
- 4) лицо, осуществляющее операции с доказательственной информацией на цифровых носителях, несет ответственность за ее сохранение, пока имеет доступ к этой информации;
- 5) любая организация, осуществляющая обнаружение, изъятие, хранение и перемещение доказательственной информации на цифровых носителях, должна следовать указанным принципам» [2].

Что представляется необходимым в процессе сбора цифровой информации, способной быть трансформированной в электронные доказательства?

По мнению А.А. Корчагина, необходимо соблюдать следующие требования:

- 1) *В составленном протоколе должны быть буквально отражены все операции с цифровой информацией.* При этом должны быть сохранены не только электронный носитель информации, но и распечатки логов, скриншоты, выдержки из статистики по сайту и внешней аналитики, и т.п.
- 2) *Протокол должен содержать точные данные об использованных программном обеспечении и технических средствах.* Это необходимо для того, чтобы можно было воспроизвести в том же порядке действия с информацией цифрового характера.
- 3) *Связь между событием преступления (или личностью подозреваемого) и полученной электронной информацией должна быть установлена*

на. При этом необходимо определить лиц, имеющих доступ к носителю информации и/или устройству, его содержащему [3].

Процесс трансформации цифровой информации в электронные доказательства уголовно-процессуального характера определяется типом носителя информации. Это могут быть – стационарные компьютеры с их комплектующими, сервера, разнообразные мобильные устройства, а также Интернет-ресурсы.

Можно выделить два познавательных приема в процессе обращения с информацией цифрового характера при производстве процессуальных (в т.ч. следственных) действий: *изъятие носителей информации и ее копирование.* Выбор того или иного приема определяется конкретной ситуацией, сложившейся в ходе процессуальных действий.

Как пролагают Вехов и Зуев,

«Исходя из смысла ст. 164.1 УПК РФ, *изъятие носителей цифровой информации становится возможным в случаях,* когда:

- 1) в отношении их вынесено постановление о назначении судебной экспертизы (в первую очередь компьютерно-технической).
- 2) их производство осуществляется на основании судебного решения, которое обязательно для всех случаев, когда ограничиваются конституционные права граждан в порядке ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Судебный контроль в ходе досудебного производства является важной гарантией обеспечения законности;
- 3) на носителях содержится цифровая информация, полномочиями на хранение и использование которой их владелец не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение» [8, С. 246–247].

Указанные действия предполагают участие достаточно квалифицированного, подготовленного к решению поставленных задач, специалиста, прошедшего необходимый инструктаж касательно его прав и обязанностей, порядка проведения процессуальных действий и его функций в этом процессе.

Соблюдение строгого порядка изъятия носителей цифровой информации необходимо с целью соблюдения режима законности в аспекте защиты интересов граждан и организаций, вовлеченных в указанные процессуальные действия, и недопущения необоснованного прекращения их деятельности.

Если же вышеуказанные требования не соблюдены, то следует копировать необходимую следствию электронную информацию.

Особенное внимание в процессе подготовки к изъятию носителей информации необходимо уделить их техническим и прочим характеристикам. В частности, необходимо учитывать тип и количество носителей, наличие сети Интернет (либо локальных сетей), наличие иных компьютерных устройств в исследуемом помещении и степень их

интеграции. Представляет интерес уровень компетентности (компьютерной грамотности) их пользователя или владельца. Кроме того, необходимо обратить внимание на возможное наличие в указанном помещении средств блокирования следственных действий, в частности: охранная сигнализация и иные системы допуска, системы блокировки или удаления электронной информации, а также резервного копирования и т.п. Возможность повреждения или удаления электронной информации, имеющей доказательственное значение в ходе ее копирования или при изъятии носителей, а также повреждения самих носителей при изъятии и транспортировке должна быть исключена.

Современной криминалистикой разработан специальный метод копирования цифровой информации, используемый в случае невозможности или нецелесообразности изъятия ее носителей информации:

«...копирование электронной информации в данном случае может рассматриваться как познавательный тактический прием, выполняемый в рамках проведения обыска, выемки или осмотра. При этом... происходит ее перемещение на иной цифровой носитель, представляющий устройство долговременного хранения информации, например, внешний жесткий диск, флеш-накопитель или оптический диск. Оптимальным вариантом копирования представляется создание образа логического диска, на котором расположена интересующая следствие информация. В таком варианте не происходит нарушения файловой системы, образ может быть неоднократно скопирован и исследован в рамках отдельных следственных действий либо в ходе судебной экспертизы. Для создания образа может быть использован стендовый компьютер, используемый специалистами МВД, ФСБ и Следственного комитета России» [1].

Важно помнить, что ряд принципиально важных сведений (в частности, относительно пар «логин – пароль») может содержаться не на постоянных накопителях, подобных жестким или *SSD-дискам*, а в оперативной памяти компьютерного устройства (ОЗУ), и, соответственно, может копироваться. Поскольку повторный запуск компьютера сопряжен с перезаписью содержимого оперативной, работать с ней необходимо крайне оперативно.

Как утверждает Д.В. Овсянников,

«...копирование электронной информации становится возможным и даже необходимым в случаях, когда:

- 1) существуют технические сложности изъятия всех средств компьютерной техники или такое изъятие нецелесообразно;
- 2) владелец электронного носителя информации (потерпевший или свидетель) не заинтересован или категорически возражает относительно изъятия у него видео регистратора, видеокамеры и других электронных средств личного пользования;
- 3) носитель цифровой информации был изъят, и владелец

ходатайствует о его возвращении;

4) имеется необходимость сохранения данных оперативной памяти компьютера, создания рабочих копий документов, сайтов и страниц сети Интернет, видеозаписей и стоп-кадров их ключевых моментов для проведения дальнейших следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

5) решается задача по клонированию информации на жесткий диск стендового компьютера в ходе проведения судебной компьютерной экспертизы» [4].

Выделим условия копирования электронно-цифровой информации доказательственного характера:

- доступность информации и отсутствие препятствий для ее копирования;
- наличие оборудования для копирования и, прежде всего, свободного носителя с необходимым объемом памяти;
- участие в процессе копирования специалиста, а также понятых;
- соблюдение установленных законом правил процедуры копирования и составления соответствующего протокола.

Подчеркнем, что выделенные условия соответствуют вышеуказанным принципам работы с цифровой информацией.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ копирование цифровой информации не допускается, «...если на электронных носителях информации содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владеет владелец электронного носителя информации не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение» [7].

Указанная норма может распространяться на все случаи копирования цифровой информации в процессе производства следственных действий.

Лицо, ведущее следствие, должно исключить возможность потери или трансформирования копируемой информации, обеспечив ее сохранность в первоначальном виде на соответствующем носителе. В течение всего процессуального действия информация доказательственного характера должна остаться неизменной. При этом необходимо ограничить доступ к устройствам ввода данных лиц, не принимающих участие в расследовании.

По мнению А.Л. Осипенко,

«...в случае малейшей угрозы сохранности информации следователь должен исключить возможность производства копирования. Информация может быть изменена в части или полностью. На это может указать специалист. Его заявление в таком случае заносится в протокол. Но даже в отсутствие такого заявления следователь по собственному усмотрению может отказаться от копирования цифровой информации, если не будет уверен в ее сохранности. Кроме того, следователь должен отказаться в удовлетворении ходатайства законного

владельца носителей цифровой информации (обладателя содержащейся на них информации) о копировании информации, если такое действие может исказить или уничтожить информацию, если информация может быть использована для фальсификации доказательств, лжесвидетельствования и т.п.» [5]

Перед началом копирования понятным должен быть продемонстрирован свободный от электронной информации носитель, его внешний вид и содержание (для подтверждения отсутствия на нем ранее записанной информации). После окончания копирования, производимого открыто для присутствующих, понятые должны убедиться в наличии на данном носителе скопированной информации.

Указанный процесс, его ход и результаты, в соответствии со статьей 166 УПК, отражаются в протоколе, где указывается место, условия и обстоятельства обнаружения данных, основания и порядок их копирования, те или иные особенности носителя информации. К протоколу могут быть приложены сами носители скопированной информации, а также фонограммы и фотоснимки.

Как уже отмечалось выше, следователь или иное лицо, производящее копирование цифровой информации, должен обратить особое внимание на то, чтобы при этом не были преданы огласке сведения, касающиеся частной жизни (часть 7 статьи 182 УПК): соответственно, перед началом данного процессуального действия от участников может быть отобрана подписка о неразглашении такого рода сведений.

Технические средства, с помощью которых осуществлялось копирование, а также соответствующее программное обеспечение, реквизиты скопированной информации и иные необходимые сведения также указываются в протоколе. Затем необходимо упаковать и опечатать сам носитель электронной информации: все вышеуказанные действия фиксируются посредством видеозаписи для последующей демонстрации понятным.

Электронные носители информации приобщаются в качестве вещественных доказательств по уголовным делам (пункт 5 части 1 статьи 82 УПК). В этом случае они хранятся в опечатанном виде, обеспечивающем их сохранность и полностью исключаящем несанкционированный доступ. В случае их непригодности в таком качестве они подлежат возврату законным владельцам или пользователям (часть 4 статьи 81 УПК).

Как изъятие носителей цифровой информации доказательственного характера, так и копирование такого рода информации, имеют специфически присущие этим способам сбора данных преимущества и недостатки.

Изъятие всех компьютерных средств ускоряет процесс расследования, обеспечивая возможность переориентации сил на поиск материальных следов иного характера, связанных с преступлением. Этот метод не требует высокой квалификации привлекаемых к изъятию специалистов. Кроме того, при наличии в распоряжении следствия изъятых

средств компьютерной техники представляется возможным дальнейшее его исследование, что – при адекватной его организации – исключает вероятность не обнаружить даже профессионально скрытые данные.

Тем не менее, указанный способ сбора информации часто сопряжен с рядом проблем технического характера. Например, в ряде ситуаций изымаемая техника представляет собой часть какой-либо сети, имеет место использование облачных технологий, существует возможность утраты информации при ее отключении и т.п. Иногда ее изъятие просто не целесообразно.

В частности, как указывают Вехов и Зуев,

«...изъятие физических модулей оперативной памяти с целью изучения находящейся на них цифровой информации вполне возможно, но может потребовать замораживание платы, что не всегда реализуемо» [8, С. 253].

В подобных случаях изъятие компьютерной техники может нанести существенный ущерб работе предприятия (учреждения), что, в свою очередь, сопряжено с дезорганизацией их деятельности и существенным убыткам. Поэтому в ряде случаев изъятие компьютерных средств должно производиться непосредственно в процессе обыска или осмотра. В этом случае трудно обойтись без копирования цифровой информации с помощью соответствующих технических средств.

Президент РФ В.В. Путин предложил

«...исключить применение в интересах следствия мер, приводящих к приостановлению деятельности предприятий, включая изъятие жестких дисков с рабочих компьютеров и серверов» [6]. Как полагает глава государства, в тех ситуациях, когда нет необходимости проводить полномасштабный осмотр, обыск или выемку, необходимо ограничиться копированием необходимой следствию электронно-цифровой информации.

Если к моменту начала следственного действия компьютер подключен к сети, его выключение может привести к утрате информации о действиях и операциях, а также работающих программах. В подобной ситуации должно быть осуществлено копирование содержимого оперативной памяти исследуемого компьютера в память компьютера, находящегося в распоряжении следствия (т.н. кэширование). Копирование имеет место и при получения данных, содержащихся в Интернете.

При производстве судебной экспертизы компьютерной информации также должно осуществляться ее копирование: при этом происходит клонирование исследуемой информации с ее записью на жесткий диск стендовой ПЭВМ, что исключает утрату или изменение данных, имеющихся на исследуемом носителе.

В заключение мы должны констатировать, что оба способа сбора цифровой информации доказательственного характера, – копирование информации и изъятие компьютерных средств с последующим изучением содержащейся на них информации – имеют как специфические преимущества,

так и определенные недостатки. Исходя из этого, каждый из рассмотренных выше способов должен применяться в зависимости от возникающих в ходе расследования задач, а также профессиональных навыков исполнителей. Профессиональная компетенция сотрудника современного правоохранительного органа предусматривает умение правильно организовать и провести такого рода следственные действия с целью обеспечения процессуальной корректности в процессе формирования всей совокупности доказательств по расследуемому уголовному делу.

Литература

1. Зуев С.В., Овсянников Д.В. Копирование электронной информации в теории и практике уголовного процесса // Вестник СамГУ. – 2014. – № 11/2. – С. 171.
2. Компьютерная криминалистика и сбор доказательств. Электронный ресурс / URL: <https://dorlov.blogspot.com/2010/12/issp-08-7.html> Дата доступа: 13.11.2022.
3. Корчагин А.А. Обнаружение, фиксация и изъятие файлов и их фрагментов на электронных устройствах, их доказательственное значение // Электронные носители информации в криминалистике / И.Ф. Александров [и др.]; под ред. О.С. Кучина. – М.: Юрлитинформ. – 2017.
4. Овсянников Д.В. Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск. – 2015. – С. 8.
5. Осипенко А.Л. Особенности расследования сетевых компьютерных преступлений // Российский юридический журнал. – 2010. – № 2. – С. 123.
6. Путин В.В.: Надо запретить следствию изымать серверы и жесткие диски предприятий. Электронный

LEGAL REGULATION OF THE COLLECTION OF DIGITAL INFORMATION IN ORDER TO PRESENT IT AS EVIDENCE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

Shushenachev A.V.

Siberian Federal University

The paper is focused upon the methods of gathering the digital data of the evidentiary nature in the process of criminal investigation, such as seizure of computer equipment and copying electronic information.

The rules of their implementation, as well as the comparative analysis of their strengths and weaknesses, are specified. Digital traces in the process of investigation are transformed into electronic evidence, a special kind of evidence of a criminal procedural nature that meets the same requirement as other types of evidence.

The type of information carrier determines the process of transformation of digital information into electronic evidence of a criminal procedural nature. These can be stationary computers with their components, servers, various mobile devices, as well as Internet resources.

We must state that both methods of collecting evidentiary digital information – copying information and removing computer tools with subsequent study of the information contained on them – have both specific advantages and certain disadvantages. Based on this, each of the methods discussed above should be applied depending on the tasks arising during the investigation, as well as the professional skills of the performers.

Keywords: digital data, electronic information, criminal procedure, investigation, computer equipment, data carrier.

References

1. Zuev S.V., Ovsyannikov D.V. Copying of electronic information in the theory and practice of criminal procedure // Bulletin of the Samara State University. – 2014. – No. 11/2. – p. 171.
2. Computer forensics and evidence collection. Electronic resource / URL: <https://dorlov.blogspot.com/2010/12/issp-08-7.html> Access date: 13.11.2022.
3. Korchagin A.A. Detection, fixation and seizure of files and their fragments on electronic devices, their evidentiary value // Electronic media in criminalistics / I.F. Alexandrov [et al.]; edited by O.S. Kuchin. – M.: Yurlitinform. – 2017.
4. Ovsyannikov D.V. Copying electronic information as a means of criminal procedural proof: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. – Chelyabinsk. – 2015. – P. 8
5. Osipenko A.L. Features of the investigation of network computer crimes // Russian Law Journal. – 2010. – No. 2. – p. 123.
6. Putin V.V.: It is necessary to prohibit the investigation to seize servers and hard drives of enterprises. Electronic

Сопоставление правовых моделей регулирования института суррогатного материнства в России и странах Азиатско-Тихоокеанского региона

Зайцева Елизавета Андреевна,

студент, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: zaitceva.eandre@students.dvfu.ru

Рубан Полина Олеговна,

студент, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: ruban.po@students.dvfu.ru

Коркин Максим Сергеевич,

студент, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: korkin.ms@students.dvfu.ru

На сегодняшний день проблемы в институте суррогатного материнства являются особо востребованными, для решения которых следует устранить определённые пробелы в законодательстве, что рассматриваются в данной статье. Авторами рассмотрены актуальные проблемы регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации, где особое внимание уделено принятому Федеральному закону от 19.12.2022 № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Вместе с тем был проведен анализ законодательства стран Азиатско-Тихоокеанского региона в данной сфере на примере Сингапура, Китая, Австралии, Малайзии и на основе данного исследования были сделаны выводы по решению проблем правового регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации, а также предложены пути дальнейшего развития данного института.

Ключевые слова: семейное право; процедура ЭКО; правовое регулирование суррогатного материнства; Азиатско-Тихоокеанский регион; гражданское право; международное право.

Правовое регулирование суррогатного материнства в Российской Федерации

В современном обществе рождение ребенка является одной из целей возникновения брака, что поощряется как обществом, так и государством. Но не каждая семья может самостоятельно завести ребенка из-за различных проблем: болезни супруги, из-за которых возникает недопустимость вынашивания ребенка, генетические заболевания, биологическая несовместимость родителей и так далее. С прогрессивным развитием технологий у таких пар появился выход для появления потомства – суррогатное материнство.

На текущем этапе Российской Федерации ведется активная работа над развитием нормативных актов в области вспомогательных репродуктивных технологий. На начальных этапах был создан законопроект № 41630–8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования вопросов суррогатного материнства», который получил большой противоречивый резонанс как в общественности, так и в научных кругах. Ее результатом стал Федеральный закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. В сферу регулирования ФЗ входит непосредственное регулирование такой этической проблемы, как возможность использования замещающего материнства как некой формы бизнеса, что вызывает общественный резонанс в РФ. Ограничение использования суррогатного материнства в РФ для иностранцев является шагом для построения грамотного регулирования данной сферы, при этом некоторое влияние на формирование именно такого вектора развития оказала и политика иных государств. Наравне с новым законом существуют другие законодательные акты и нормативные документы, регулирующие сферу суррогатного материнства:

1. Семейный кодекс Российской Федерации;
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»);
3. Федеральный Закон от 15.11.1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»;

4. Приказ Минздрава РФ от 26.02.03. № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия».

В пункте 9 статьи 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» есть определение суррогатного материнства: суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору о суррогатном материнстве, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, половые клетки которых использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям и которые состоят в браке между собой, либо одинокой женщиной, половые клетки которой использовались для оплодотворения и для которой вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям. Также к кандидатам на суррогатную мать предъявляются следующие требования:

1. Возраст от двадцати до тридцати пяти лет;
2. Женщина является гражданкой Российской Федерации;
3. Наличие хотя бы одного собственного здорового ребенка;
4. Присутствие медицинского заключения об удовлетворительном состоянии здоровья [2].

Углубляясь в вопросы правового регулирования, сначала стоит рассмотреть вопрос об отнесении договора об оказании услуг суррогатного материнства к отрасли права. Мнение ученых-юристов разделилось: одни относят данный договор к гражданским, другие – к семейным, третьи выделяют его как особый вид договора, граничащий с гражданским и семейным правом. Также существует мнение, что договор об оказании услуг суррогатного материнства не должен существовать. Сторонники данной позиции утверждают, что предметом договора является ребенок, что в первую очередь противоречит законодательству и моральным нормам человека.

Сторонники признания договора суррогатного материнства как договора гражданского права, такие как Борисова Т.Е. [3], Митрякова Е.С. [4] указывают на сходство договора суррогатного материнства на договор возмездного оказания услуг. Данная позиция является противоречивой. Если рассматривать предмет договора как вынашивание плода (ребенка), в таком случае не возникнет никаких вопросов, связанных с моральными принципами человека.

С.Ю. Чашкова [5] и С.П. Журавлева [6] не относят данный договор ни к гражданско-правовым, ни к семейно-правовым договорам, признавая за ним особый статус, обозначая его как смешанный договор.

К современному законодательству наиболее близкой оказалась первая позиция. На практике договор об оказании услуг суррогатного материн-

ства регулируется как гражданский договор возмездного оказания услуг, управляемый главой 39 Гражданского кодекса. Предметом договора суррогатного материнства является вынашивание ребенка. Но в действующем законодательстве не существует установленной формы данного договора: нет норм, регулирующих условия договора, только на основе судебной практики можно понять, что стороны оговаривают существенные условия самостоятельно.

Наиболее важной проблемой правового регулирования данной отрасли считается отсутствие ответственности за невыполнение обязательств условий договора. Отсутствие правового регулирования в данной области может обуславливаться тем, что законодатель не определился к какому виду отнести договор суррогатного материнства. Как писали выше, на данном этапе в Российской Федерации данный договор регулирует глава 39 Гражданского кодекса Российской Федерации. В настоящее время законодательство прямо не регулирует вопрос о возможности взыскания денежных средств, полученных по договору, а также возмещения причиненного вреда, в том числе морального, с суррогатной матери, отказавшейся отдать ребенка [7]. Для уменьшения таких случаев в договоре об оказании услуг суррогатного материнства должны содержаться пункты об ответственности суррогатной матери, в случае невыполнения своих обязательств, в том числе и отказ передачи ребенка биологическим родителям. Также в данной ситуации заказчики могут обратиться к нормам, касающиеся неисполнение обязательства. Следовательно, суррогатная мать будет обязана вернуть все затраты на неё во время беременности.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что в Российской Федерации не существует должного правового регулирования суррогатного материнства. отсутствует единство в решении множества вопросов: постоянно возникающие споры в определении субъекта, имеющие право быть родителями, приводят к постоянным проблемам использования вспомогательных репродуктивных технологий. Законодательной базе института суррогатного материнства не хватает нормативных актов для полного и обширного регулирования данной сферы, он нуждается в совершенствовании.

Говоря о вышеупомянутом законопроекте № 41630–8, заместитель Председателя Государственной думы от фракции «Единой России» П.О. Толстой на заседании о проекте упомянул и политику иностранных государств в вопросе регулирования суррогатного материнства – в пример привёл, например, Сингапур, в котором суррогатное материнство полностью запрещено. Таким образом, представляется целесообразным рассмотреть опыт регулирования суррогатного материнства в других странах и предложить оптимальный для РФ путь.

Правовое регулирование суррогатного материнства в странах Азиатско-Тихоокеанского региона на примере Сингапура, Китая, Австралии и Малайзии

В международном праве содержится множество норм, регулирующих суррогатное материнство. В основном это правовые акты в области защиты детей, международное усыновление, а также торговля детьми. Говоря про последнее, в некоторых случаях суррогатное материнство выступает именно как продажа ребенка, что нарушает международные стандарты усыновления. Также стоит отметить, что каждое государство регулирует суррогатное материнство в целях своей политики в данной сфере, охраны здоровья граждан.

Существует ряд нормативных актов, затронувших репродуктивные права и вопросы суррогатного материнства. К ним относятся Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 г., Резолюция Генеральной ассамблеи ООН «Принципы медицинской этики» 1982 г., Декларация об использовании научно-технического прогресса в интересах мира – и на благо человека, которые носят рекомендательный характер, в то время как Европейская конвенция по правам человека и биомедицине 1996 г. (также протокол 1997 г. к ней), Конвенция о правах ребенка 1990 г. – носят обязательный характер. Очевидно, существует проблема единообразного регулирования замещающего материнства на международном уровне, что обусловлено культурными различиями и уже имеющимся легитимным законодательством государств. Различия в законодательном регулировании можем проследить на примерах стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Беря за основу анализа страны АТР, можно увидеть, что **Сингапур** первый из стран этого региона запретил суррогатное материнство на законодательном уровне. В 2015 году Министерство здравоохранения Сингапура выпустило директиву, запрещающую использовать методики суррогатного материнства медицинским учреждениям [8]. Таким образом законодательство создало определенный барьер для создания полноценной семьи тем гражданам, которые не могут создать ее по объективным причинам. Причём в стране не признаются договоры о подобной процедуре, заключенные как внутри государства, так и за его пределами, поэтому так называемый «суррогатный туризм» здесь не будет пользоваться правовой защитой.

Законодательного закрепления запрета замещающего материнства не существует в **Китае** – в законе КНР «О народонаселении и планировании рождаемости» нет прямого запрета на суррогатное материнство. Такой запрет выводится из опубликованных Комитетом по этике биомедицинских исследований Этических принципов использования ВРТ и банков спермы 2003г [9]. и из утвержденных Министерством здравоохранения КНР в 2001 г. Мер по применению вспомогательных репродук-

тивных технологий, в частности ст. 3, запрещающей любую деятельность, связанную с суррогатным материнством [10]. Используя указанную статью Мер, суд «де-факто установил запрет на суррогатное материнство» [11]. Тем не менее, эти ограничения не обличены в форму закона, а значит и не являются определенно эффективными в регулировании данной сферы, хоть возможно и признание незаконным процедуры суррогатного материнства в судебном порядке, и наложение штрафа на медицинскую организацию. Представляется возможным сделать вывод о том, что подобные жесткие ограничения, могут приводить как к положительным, так и негативным последствиям. С одной стороны, запрет помогает государству справиться с распространением «продажи детей» по договорам суррогатного материнства, которая в корне нарушает этические правила и общепризнанные права. С другой стороны, ограничения могут способствовать снижению уровня рождаемости вследствие невозможности женщин в случае болезни иметь детей и увеличению спроса на суррогатное материнство на территории иностранных государств, что будет лишь порождать правовые проблемы, например, в области регистрации ребенка или защиты прав будущих родителей при невыполнении договора.

Некоторые страны АТР запрещают институт суррогатного материнства не полностью, а только некоторые его части. В пример можно привести **Австралию**, где разрешено только некоммерческое суррогатное материнство во всех штатах. За любое «промышленное» вынашивание ребенка обе стороны понесут ответственность в зависимости от штата, в котором они находятся – суррогатная мать может получить штраф (например, в размере 6000 долларов США в Западной Австралии) [12], лица, заключающие договор о замещающем материнстве могут быть лишены свободы (на 1 год в Столичной территории) [13]. Более того, каждый штат так же самостоятельно устанавливает ограничения для использования такой процедуры для будущих родителей или для суррогатных матерей – например, в штате Виктория одним из условий для суррогатной матери является факт рождения живого ребенка до «начала процедуры» суррогатного материнства [14]. Законодательство Австралии даёт возможность гражданам прибегать к использованию суррогатного материнства, однако подобные упомянутые выше ограничения способствуют минимизации использования процедуры для «торговли детьми». На наш взгляд, запрет на коммерческое суррогатное материнство и существование юридической ответственности за нарушение такого запрета способствуют осознанному выбору такой процедуры для создания полноценных семей, повышению ответственности для заключения договора как со стороны «заказчика», так и со стороны «суррогатной матери», будут способствовать ограничению «торговли детьми».

В регионе есть и такие страны, где суррогатное материнство формально разрешено без суще-

ственных ограничений. К таким странам до недавнего времени относилась и Россия. Подобным образом процедура суррогатного материнства регулируется в **Малайзии**. Государство является преимущественно мусульманским, а значит ислам запрещает процедуру суррогатного материнства именно для мусульман, но тем не менее в государстве не существует закона, который четко запрещает использование суррогатного материнства. Использование такой процедуры зависит преимущественно от этических взглядов будущих родителей и не имеет четкого правового запрета. Малайзия таким образом становится страной, популярной для «суррогатного туризма». Представляется реальным появление возможности «торговли детьми» в условиях вседозволенности в использовании подобной процедуры, а значит необходимо и установление правовых рамок использования суррогатного материнства.

Заключение

Российская Федерация сделала начальный шаг к формированию собственной и четко определенной политики в области регулирования вопросов суррогатного материнства. На наш взгляд, законодатель может опираться и на опыт вышеупомянутых стран, учитывая как положительные моменты, так и негативный опыт. Так, представляется возможным учесть опыт стран, которые стремятся к ограничению возможностей использования суррогатного материнства и к сужению круга возможных кандидатов на становление суррогатной матерью путём установления жестких условий для таких женщин. Пункт 10 статьи 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусматривает требования к суррогатной матери, но на наш взгляд, этих требований недостаточно – например, представляется возможным увеличить минимальный возраст суррогатной матери с двадцати до двадцати пяти лет, обязать суррогатную мать как кандидату пройти медицинское обследование о психическом здоровье, включить в список необходимых документов справки о судимости. При этом следует исключить как стремление к полному ограничению возможностей использования суррогатного материнства (с целью исключить «нелегальное замещающее материнство»), так и стремление к минимальным ограничениям процедуры суррогатного материнства. Кроме того, в нашей стране стоит на законодательном уровне запретить коммерческое суррогатное материнство, так как данный вопрос имеет множество не регулирующихся аспектов, благодаря которым медицинские учреждения могут проводить определенные махинации и оставаться безнаказанными.

Литература

1. Федеральный закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законо-

- дательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс;
2. Пункт 10 статьи 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс;
3. Борисова, Т. Е. – Договор суррогатного материнства: актуальные вопросы теории, законодательства и практики / Т.Е. Борисова // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 7–10;
4. Митрякова Е. С – Правовое регулирование суррогатного материнства в России / Е.С. Митрякова. Тюмень, 2006. 175 с;
5. Чашкова С. Ю. – Система договорных обязательств в российском семейном праве / С.Ю. Чашкова. М., 2004. 197 с;
6. Журавлева С. П. – Правовое регулирование договора о суррогатном материнстве в Российской Федерации / С.П. Журавлева. М., 2011. 27 с;
7. Гонгало Б. М. – Семейное право / Гонгало Б.М., Крашенинников П.В., Михеева Л.Ю., Рузакова О. А – «Статут», 2019;
8. Шаров К. С. – Суррогатное материнство в России и Сингапуре в системе моделей демографического поведения // Социодинамика. – 2019. – № 4. – С. 31–41;
9. «Human Assisted Reproductive Technology and Human Sperm Bank Ethical Principles», Biomedical Research Ethics Committee – 2003;
10. «Human Assisted Reproductive Technology Management Measures», The Ministry of Health – 2001;
11. Yongping Xiao, Jue Li, Lei Zhu «Surrogacy in China: A Dilemma Between Public Policy and the Best Interests of Children» // International Journal of Law, Policy and the Family, Volume 34, Issue 1, April 2020, Pages 1–19;
12. «Surrogacy act» – sect 10, Western Australia, 2008. URL: http://classic.austlii.edu.au/au/legis/wa/consol_act/sa2008139/s10.html (дата обращения: 10.01.2023);
13. «Parentage act» – sect 10, Australian Capital Territory, 2004. URL: http://classic.austlii.edu.au/au/legis/act/consol_act/pa200499/s41.html (дата обращения: 10.01.2023);
14. «Assisted reproductive treatment act» – sect 40, Victoria, 2008. URL: http://www5.austlii.edu.au/au/legis/vic/consol_act/arta2008360/s40.html (дата обращения: 10.01.2023);

COMPARISON OF LEGAL MODELS OF REGULATION OF THE INSTITUTION OF SURROGATE MOTHERHOOD IN RUSSIA AND THE COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION

Zaitseva E.A., Ruban P.O., Korkin M.S.
Far Eastern Federal University

To date, the problems of the institute of surrogacy are particularly in demand, for the solution of which it is necessary to eliminate certain gaps in legislation, which are discussed in this article. The authors consider the current problems of regulation of surrogacy in Russia, where special attention is paid to the adopted Federal Law No. 538-FZ dated 19.12.2022 “On Amendments to Certain Legisla-

tive Acts of the Russian Federation”. At the same time, an analysis of the legislation of the countries of the Asia-Pacific region in this area was carried out on the example of Singapore, China, Australia, Malaysia, and based on this research, conclusions were drawn on solving the problems of legal regulation of surrogacy in the Russian Federation, as well as ways of further development of this institution were proposed.

Keywords: Family law; IVF procedure; legal regulation of surrogacy; Asia-Pacific region; civil law; international law.

References

1. Federal Law No. 538-FZ of 19.12.2022 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // SPS ConsultantPlus;
2. Paragraph 10 of Article 55 of Federal Law No. 323-FZ dated 21.11.2011 «On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation» // SPS ConsultantPlus;
3. Borisova, T. E. – Surrogacy contract: topical issues of theory, legislation, and practice / T.E. Borisova // Russian justice. 2009. No. 4. pp. 7–10.
4. Mitryakova E. S. – Legal regulation of surrogate motherhood in Russia / E.S. Mitryakova. Tyumen, 2006. 175 c;
5. Chashkova S. Yu. – The system of contractual obligations in Russian family law / S. Yu. Chashkova. M., 2004. 197 p;
6. Zhuravleva S. P. – Legal regulation of the contract on surrogacy in the Russian Federation / S.P. Zhuravleva. M., 2011. 27 c;
7. Gongalo B. M. – Family law / Gongalo B.M., Krasheninikov P.V., Mikheeva L. Yu., Ruzakova O.A. – «Statute», 2019;
8. Sharov K. S. – Surrogate motherhood in Russia and Singapore in the system of demographic behavior models // Sociodynamics. – 2019. – No. 4. – pp. 31–41.
9. «Human Assisted Reproductive Technology and Human Sperm Bank Ethical Principles», Biomedical Research Ethics Committee – 2003;
10. «Human Assisted Reproductive Technology Management Measures», The Ministry of Health. 2001;
11. Yongping Xiao, Jue Li, Lei Zhu «Surrogacy in China: A Dilemma Between Public Policy and the Best Interests of Children» // International Journal of Law, Policy and the Family, Volume 34, Issue 1, April 2020, Pages 1–19;
12. «Surrogacy act» – sect 10, Western Australia, 2008. URL: http://classic.austlii.edu.au/au/legis/wa/consol_act/sa2008139/s10.html (accessed: 10.01.2023);
13. «Parentage act» – sect 10, Australian Capital Territory, 2004. URL: http://classic.austlii.edu.au/au/legis/act/consol_act/pa200499/s41.html (accessed: 10.01.2023);
14. «Assisted reproductive treatment act» – sect 40, Victoria, 2008. URL: http://www5.austlii.edu.au/au/legis/vic/consol_act/arta2008360/s40.html (accessed: 10.01.2023);

Цифровизация в российском институте права: реальность и перспективы

Розанов Александр Николаевич,

аспирант ГМУ им. Ушакова
E-mail: dh100lv@gmail.com

Сазонов Александр Анатольевич,

аспирант ГМУ им. Ушакова
E-mail: Alexand.sazonov@yandex.ru

Статья посвящена современному статусу процесса цифровизации в российском праве, а также перспективам её развития. Цифровизация при этом представлена в широком смысле, как процесс модернизации человеческой цивилизации за счёт внедрения цифровых технологий во все сферы жизни общества. В статье рассматривается проблема цифровой юриспруденции на примере такой технологии искусственного интеллекта, как «семантическая графа знаний», способная полностью заменить юридическую творческую деятельность. Исходя из этого поднимается проблема безработицы и других негативных последствий цифровизации как одного из инструментов глобализации. На примерах показано, как цифровизация провоцирует изменения во внутреннем строении права: формальных и содержательных его чертах, размывает границы между отраслями права, благодаря чему мы можем наблюдать, как устоявшиеся традиционные институты начинают претерпевать существенные трансформации. Не без внимания оставлена проблема цифровизации принятия правового решения, а именно вопрос электронного правосудия как способа снятия нагрузки с судебной системы. Тема доверия к электронному правосудию рассматривается через призму низкого доверия россиян к судебной системе.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое право, цифровой рубль, искусственный интеллект, нейросети, электронное правосудие.

В настоящее время мы говорим о цифровизации как о принципе гораздо чаще, чем спорим о её необходимости. Пандемийная эпоха способствовала тому, что вводимые ограничения стимулировали как власть, так и бизнес использовать технологии для гарантий комфортной и безопасной жизни социума и экономического хозяйства. В 2020 году выступая на заседании дискуссионного клуба «Валдай» премьер-министр РФ Михаил Мишустин заявил о необходимости превращения государства в цифровую платформу [1].

Заметная цифровая трансформация произошла и получила активное развитие именно в пандемийный период, к примеру, до эпохи коронавируса казалось невозможным столь массовое использование QR-кодов, глобальный перевод обучения в онлайн-формат. Изменения не могли не затронуть сферу правового урегулирования, как минимум ввиду вовлечения новых общественных отношений, ранее не требующих урегулирования или не существующих вовсе. Как следствие, не могла цифровизация не затронуть и работу правосудия и судов.

Если сузить тему дискуссии о цифровизации до юриспруденции, то можно отметить, что здесь цифровизация приобрела масштабный характер. Идеальный юрист с точки зрения бизнеса вынужден выполнять достаточно монотонную работу, например проводить мониторинг и оценку рисков. Во многих юридических компаниях перед работником стоит задача вручную заходить в картотеку арбитражных дел, пробивать по ИНН и ОГРН все релевантные организации, отслеживая появление новых судебных дел и, в зависимости от размера исковых требований, размещать дела в матрицу рисков для определения стратегии реагирования. Эта алгоритмичная деятельность считается творческой юридической задачей, однако уже сейчас во многих компаниях этот процесс оптимизируется при помощи такой технологии искусственного интеллекта, как семантическая графа знаний [2], эффективно работающая в 1–2 предметных областях. На фоне заметного прогресса работы нейросетей (ИНС), являющихся основным направлением в структурном подходе по изучению возможности моделирования естественного интеллекта с помощью компьютерных алгоритмов, мы делаем вывод о том, что следующая большая революция неизбежна. К примеру, в начале февраля 2022 года стало известно о студенте РГГУ, «написавшем» диплом за сутки с использованием

чат-бота ChatGPT (запущен 30 января 2022 года). В пресс-службе РГГУ сообщили, что применение нейросетей и искусственного интеллекта – это «новый вызов» для образовательного сообщества [3]. ВУЗ принял решение не лишать студента диплома, однако мы можем быть уверены, что еще не раз столкнемся с подобным, в особенности на фоне распространения данной новости. Вопросом, как судить исполнителей, прибегающих к помощи нейросетей несомненно должен быть передан в Минцифры России.

Один из главных минусов цифровизации, волнующий граждан – это проблема безработицы. Еще несколько лет назад, до распространения использования нейросетей для выполнения творческой юридической деятельности, в России уже существовали роботы-юристы. Звучавшие тогда позитивные прогнозы были связаны с тем, что деятельность данных роботов была ограничена судебными операциями и не включала в себя творческую деятельность. Как мы можем наблюдать, графы знаний растворяют идею того, что юридическая деятельность – это искусство и оставляют действующим юристам надежду лишь на то, что их навыки будут задействованы в обучении нейросетей и составлении семантических граф знаний.

Внутреннее строение права уже меняется под воздействием современных технологий, как в плане формальных характеристик, так и в плане содержательных черт. Касательно формального отношения, речь идет о появлении новых отраслей права из-за потребности правовых норм в реальности виртуальной. В частности, в научном сообществе ведутся дискуссии о появлении отрасли цифрового права. Данный дискурс трудно игнорировать, ведь сфера отношений, связанная с цифровыми технологиями и их влиянием стремительно усложняется и уже не может обойтись без регуляторных мер. Речь идет, к примеру, об отношениях, связанных с цифровой личностью, с реализацией прав человека в виртуальной среде, с появлением новых цифровых сущностей, таких как криптовалюта. По решению Центробанка РФ начать разработку дополнительной формы российской национальной валюты – Цифрового рубля, можно предположить, что в будущем может возникнуть сектор цифрового финансового права. На официальном сайте Центробанка решение по созданию цифровой валюты на государственном уровне объясняется следующим образом: «Цифровизация экономики и развитие финансовых технологий формируют запрос общества на новые, передовые способы платежей» [4]. Что касается содержательных характеристик изменений строения права, то здесь дискуссия заводит нас в малоизученное явление появления в праве циклических правовых массивов. На основе вышеизложенного мы можем заключить, что современное отраслевое деление права – искусственный конструкт, устаревший и не дающий полного представления о тех процессах, которые происходят в правовой сфере. Еще рано говорить о том, что появится новое деление,

однако то, что цифровизация размывает границы между отраслями права – это действительность.

Немаловажно отметить, что цифровизация уже повлияла на важнейшие юридические документы страны. Так, Федеральный закон от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ вносит изменения в части первую, вторую и статью 1124 части третьей ГК РФ, вводя понятие «цифровые права» [5]. Тем не менее, при изучении текста, мы видим, что законодатель употребил понятие цифровых прав только в узком смысле и отнес к ним только имущественные права, которые существуют в рамках определенной информационной системы и в ней предусмотрел осуществление и распоряжение цифровыми правами и их переходом на основании сделок. Также указанный документ постановил законным осуществлять сделки с помощью электронных и иных технических средств, допуская использовать любые достоверные способы определения выразившего свою волю лица. Конечно, такой узкий подход к пониманию цифровых прав на фоне вышеизложенной топики внедрения нейросетей уже кажется устаревшим, однако мы предлагаем читателю сфокусировать внимание на явлении, когда устоявшиеся традиционные институты начинают претерпевать существенные трансформации под влиянием цифровых технологий. Наши рассуждения дают право полагать, что в ближайшем будущем формулировка цифровых прав станет употребляться в правовых документах в более глобальном смысле.

Одна из центральных проблем, стоящих перед российским обществом и государством – это проблема цифровизации права, это касается в том числе работы судов и правосудия. Здесь мы хотели бы рассмотреть проблематику не «электронного обеспечения правосудия», но «электронного правосудия», где возможности искусственного интеллекта используются в качестве способа разрешения самого спора по существу. Иными словами, мы возвращаемся к дискуссии об изменениях в праве содержательного характера, а конкретно тех, при которых субъект оценки доказательств и принятия решения по делу будет полностью автоматизирован. Такие изменения не видятся нам чем-то мрачным и в их пользу хотим согласиться со следующим тезисом из статьи Степанова О.А., Печегина Д.А. и Дьяконовой М.О.: «Поскольку процесс – это совокупность совершенно определенных норм, правил и процедур, регламентирующих производство по делу, то, имея в своем распоряжении необходимые данные, вполне возможно прогнозировать исход какого-либо действия того или иного участника правоприменительного процесса [6, с. 7]». Также хотим отметить, что по нашему мнению, в РФ де факто действует прецедентное право, поскольку при возникновении в делопроизводстве спорного вопроса, при принятии решения судьей так или иначе опирается на мнение вышестоящей инстанции, это же может делать и искусственный интеллект.

Проблему электронного правосудия и доверия к неодушевленному субъекту также можно рассмо-

треть через призму отношение россиян к судебной системе в целом. Так, посредством общественного опроса АНО «Независимый Исследовательский Центр» провел мониторинг отношения россиян к судебной системе в стране. По итогам мониторинга был зафиксирован рост недоверия людей судебной системе. Если в 2018 году так считали 50% опрошенных, то в 2020 году уже 70% (в обоих опросах – сумма ответов «полностью» и «скорее не доверяю») [7]. Если в обществе действительно настолько высокий вопрос недоверия к суду, где делопроизводством занимаются люди, то даже при гипотетической судебной реформе, где место судьи занимает ИИ, рост общественных волнений маловероятен.

В свете последних событий мы также можем наблюдать возрастание случаев преследования россиян за мнение в интернете. Согласно информации из ежегодного доклада проекта «Сетевые свободы», число уголовных преследований за выражение мнения в Сети достигло максимального значения за последние 15 лет, всего – 779 случаев [8]. Большинство из возбужденных дел оканчиваются схожими приговорами, однако делопроизводство по преступной деятельности в сети интернет сильно нагружают судебные органы. По нашему мнению, не лишено смысла полагать, что в ближайшем будущем приговоры по подобным делам будет выносить искусственный интеллект.

В заключении хотим отметить, как важно понимать, что любое поборство цифровизации под предлогом угнетения свободы человека, отсутствия конфиденциальности, угрозы безработицы, распространения киберпреступности и кибертерроризма либо бессмысленно, поскольку процесс цифровизации по определению неотвратим, либо контраргументируется множеством цифровых технологий, делающих жизнь человека безопаснее и комфортнее.

Цифровизация, как один из инструментов глобализации, практически не предотвратим. Мы можем регулировать разве что степень её развития и распространения, поскольку, как и глобализация, цифровизация обладает таким недостатком, как технологический разрыв и цифровая поляризация. Если ресурсы страны будут направлены на развитие и поддержку IT-сферы, а также на привлечение и удержание соответствующих специалистов, то нет никакого сомнения, что процесс цифровизации в РФ не будет отставать от ведущих мировых держав.

Литература

1. Мишустин заявил, что власти серьезно работают над цифровизацией / [Электронный ресурс] // ТАСС: [сайт]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/9765889> (дата обращения: 03.02.2023).
2. Grainger, T., AlJadda, K., Korayem, M., & Smith, A. (2016). The Semantic Knowledge Graph: A Compact, Auto-Generated Model for Real-Time Traversal and Ranking of any Relationship with

in a Domain. 2016 IEEE International Conference on Data Science and Advanced Analytics (DSAA), 420–429.

3. Студента РГГУ не станут лишать диплома, написанного с помощью нейросети ChatGPT / [Электронный ресурс] // Сноб: [сайт]. – URL: <https://snob.ru/news/studenta-rggu-ne-stanut-lishat-diploma-napisannogo-s-pomoshyu-nejroset-chatgpt/> (дата обращения: 03.02.2023).
4. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций / [Электронный ресурс] // Центральный банк Российской Федерации: [сайт]. – URL: https://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (дата обращения: 03.02.2023).
5. Поправки в ГК с 1 октября: цифровые права, электронная форма сделок, смарт-контракты и другие изменения <https://www.consultant.ru/news/2/> © КонсультантПлюс, 1997–2023 / [Электронный ресурс] // «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: <https://www.consultant.ru/news/2/> (дата обращения: 03.02.2023).
6. Степанов О.А., Печегин Д.А., Дьяконова М.О. К вопросу о цифровизации судебной деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 4–23. DOI: 10.17323/2072–8166.2021.5.4.23.
7. Отношение россиян к судебной системе (по материалам всероссийского опроса 2020) / [Электронный ресурс] // Независимый исследовательский центр РФ: [сайт]. – URL: <http://исследовательский-центр.рф/otnoshenie-rossiyan-k-sudebnoj-sisteme-po-materialam-vserossijskogo-oprosa/?ckattempt=1> (дата обращения: 03.02.2023).
8. Число случаев преследования россиян за мнение в интернете стало рекордным за 15 лет / [Электронный ресурс] // The Moscow Times: [сайт]. – URL: <https://www.moscowtimes.net/2023/02/03/chislo-sluchaev-presledovaniya-rossiyan-zamnenie-v-internete-pochti-dostiglo-800-istalo-rekordnim-za-15-let-a32919> (дата обращения: 03.02.2023).

DIGITALIZATION IN THE RUSSIAN INSTITUTE OF LAW: REALITY AND PROSPECTS

Rozanov A.N., Sazonov A.A.

State Medical University Ushakova

The article is devoted to the current status of the digitalization process in Russian law, as well as the prospects for its development. At the same time, digitalization is presented in a broad sense as a process of modernization of human civilization through the introduction of digital technologies in all spheres of society. The article deals with the problem of digital jurisprudence on the example of such artificial intelligence technology as a “semantic knowledge graph”, which can completely replace legal creative activity. Based on this, the problem of unemployment and other negative consequences of digitalization as one of the tools of globalization is raised. The examples show how digitalization provokes changes in the internal structure of law: its formal and substantive features, blurs the boundaries between branches of law, thanks to which we can observe how well-established traditional institutions begin to undergo significant transformations. Not without attention is the problem of digitalization of legal decision-making, namely the issue of e-justice as a way to relieve the burden on the judicial system. The topic of trust in e-justice is viewed through the prism of Russians’ low trust in the judicial system.

Keywords: digitalization, digital law, digital ruble, artificial intelligence, neural networks, e-justice.

References

1. Mishustin said that the authorities are seriously working on digitalization / [Electronic resource] // TASS: [website]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/9765889> (date of access: 02/03/2023).
2. Grainger, T., AlJadda, K., Korayem, M., & Smith, A. (2016). The Semantic Knowledge Graph: A Compact, Auto-Generated Model for Real-Time Traversal and Ranking of any Relationship within a Domain. 2016 IEEE International Conference on Data Science and Advanced Analytics (DSAA), 420–429.
3. A student of the RSUH will not be deprived of a diploma written using the ChatGPT neural network / [Electronic resource] // Snob: [website]. – URL: <https://snob.ru/news/studenta-rggune-stanut-lishat-diploma-napisannogo-s-pomoshyu-nejroset-chatgpt/> (date of access: 02/03/2023).
4. Digital ruble. Report for public consultations / [Electronic resource] // Central Bank of the Russian Federation: [website]. – URL: https://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (date of access: 02/03/2023).
5. Amendments to the Civil Code from October 1: digital rights, electronic form of transactions, smart contracts and other changes <https://www.consultant.ru/news/2/> © ConsultantPlus, 1997–2023 / [Electronic resource] // “ConsultantPlus”: [website]. – URL: <https://www.consultant.ru/news/2/> (date of access: 03.02.2023).
6. Stepanov O.A., Pechegin D.A., Dyakonova M.O. On the issue of digitalization of judicial activity // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. No. 5. P. 4–23. DOI: 10.17323/2072–8166.2021.5.4.23.
7. The attitude of Russians to the judicial system (based on the materials of the All-Russian survey 2020) / [Electronic resource] // Independent Research Center of the Russian Federation: [website]. – URL: <http://research-center.rf/otnoshenie-rossiyan-k-sudebnoj-sisteme-po-materialam-vserossijskogo-oprosa/?ckattempt=1> (date of access: 03.02.2023).
8. The number of cases of persecution of Russians for their opinion on the Internet has become a record for 15 years / [Electronic resource] // The Moscow Times: [website]. – URL: <https://www.moscowtimes.net/2023/02/03/chislo-slucaev-presledovaniya-rossiyan-zamnenie-v-internete-pochti-dostiglo-800-istalorrekordnim-za-15-let-a32919> (accessed: 02/03/2023).